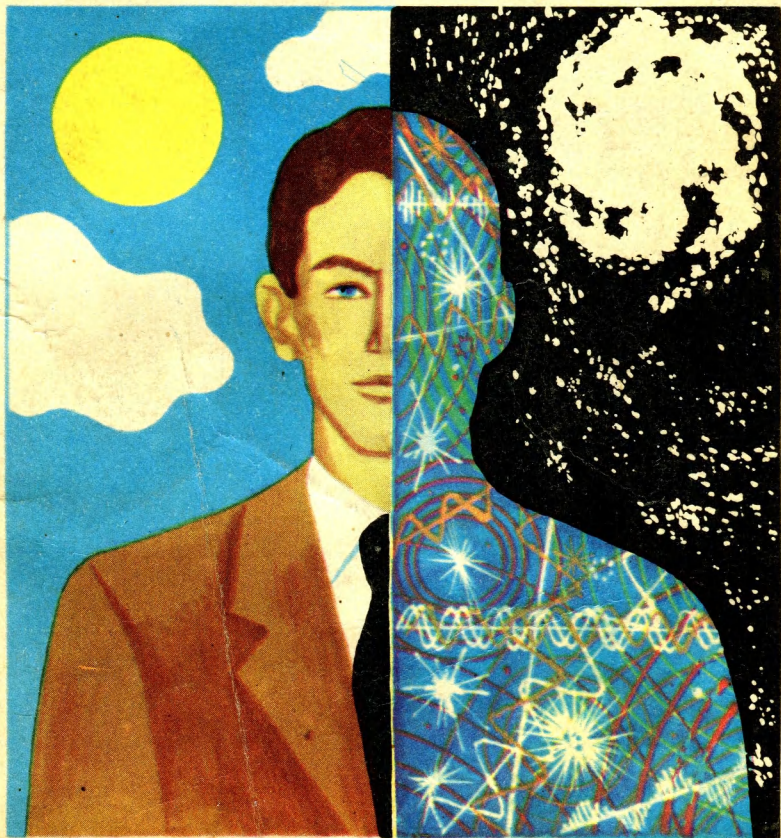

Библиотека советской фантастики

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ

ГОСТЬ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Библиотека советской фантастики

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ

ГОСТЬ

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

P2
P75

P $\frac{70302-053}{078(02)-79}$ 233—78. 4702010200

© Издательство «Молодая гвардия», 1979 г.

КОГДА СЛУЧАЕТСЯ НЕВЕРОЯТНОЕ...

Энцефальер был пуст. Стенки отсвечивали красным, синим и зеленым, отражая провода. На дне в дальнем углу осталось несколько капелек слизи. Кран дьюара был закрыт, вокруг него вилось фиолетовое облачко.

Александр Николаевич убеждал себя, что это не сон, что энцефальер и в самом деле пуст. Убеждал до тех пор, пока появилось неприятное ощущение. Показалось, что за спиной кто-то стоит.

За окном медленно плыли облака. Низко над крышами домов кружили птицы, их пронзительные крики доносились через приоткрытые фрамуги. Каркнула ворона голосисто и радостно, будто над самым ухом.

Он резко обернулся. Никого...

И все-таки оставалось ощущение, что чей-то тяжелый взгляд царапает затылок.

Александр Николаевич заставил себя осмотреть лабораторию. Он заглядывал в шкафы и за шкафы, в вольеры.

Наконец он понял, что ведет себя глупо, и вернулся к энцефальеру. Здесь еще раз убедился, что ему нечего опасаться за свой рассудок. Энцефальер был пуст. Этого не могло быть, но это было.

Осознавая чудовищность происшедшего, ученый начал вспоминать тех, кто мог проникнуть в лабораторию. Вначале перед его мысленным взором, словно перед экраном рентгеновского аппарата, проходили те его сотрудники, о которых он знал все или почти все. Здесь были его друзья, потенциальные соперники, претендующие на места повыше, жестокие спорщики и вкрадчивые соглашатели.

После каждого такого просмотра возникали вопросы. Их накопилось уже достаточно много. Предстояло распределение их по важности, по первоочередности прежде, чем сообщить о случившемся другим людям и втягивать их в расследование.

Александр Николаевич с раздражением думал о предстоящих выборах в академии. Надо же случиться такому накануне! Теперь его противники не преминут воспользоваться этим. Брезгливо выпятит губы Глеб Игоревич: «Бывает, бывает... Хорошо, что редко...» «Вы вносите разнообразие в нашу унылую жизнь», — «ободрит» ученый секретарь, нацелившись ему в переносицу льдистыми немигающими глазами.

Думая, Александр Николаевич продолжал по инерции осмотр лаборатории. Его взгляд рассеянно коснулся сплетения проводов, скользнул дальше, затем остановился на месте их соединения и словно прикипел к нему.

Александр Николаевич знал, что никто из сотрудников лаборатории не мог бы так соединить провода, подключив центрифуги к термостатам, термостаты — к микротомам. Казалось, их соединили совершенно случайно, лишь бы перепутать. Словно в лабораторию ворвались шалуны-мальчишки или в лабораторных роботах отказали блоки мозга.

Ученый вспомнил, что один из роботов — его все называли Льодик — должен находиться в нише, справа от энцефальера.

Он заглянул в нишу. Робота на месте не было.

Мысль о том, что Льодик или его собратья могли взять это из энцефальера, казалась нелепой. Однако надо было проверить и ее...

Александр Николаевич достал из сейфа инструкции пользования лабораторными работами ЧИС-8 и ЧИС-9. Через несколько минут закрыл их с облегчением: никакое известное ученым расстройство кристаллического

мозга роботов не привело бы к такой патологии. Вывод мог быть один: Лёди́ка увел человек, взявший из энцефальера то, что там находилось.

«Узнав о случившемся, Зоя, наверное, скажет: «Не расстраивайся, милый, береги здоровье». Знает ли она, как ранят меня ее слова? Да, при такой разнице в возрасте, как у нас, мне надо очень беречь здоровье. Ничего другого не остается... Зоя... И выборы в академии... Почему я объединяю одно с другим? Потому ли, что они меня одинаково волнуют? Одинаково?..»

Александр Николаевич заглянул в кладовку, где должен был находиться близнец Лёди́ка робот Чиф. Не было и его.

«Значит, неизвестный увел обоих роботов, — думал ученый. — Зачем?»

Оба робота способны унести сам энцефальер. В таком случае его содержимое не пострадало бы. Это был, пожалуй, самый разумный вариант похищения, но преступник им не воспользовался. Энцефальер остался на месте, а его содержимого и двух роботов не стало.

«И потом — это необычное соединение проводов... Небывалое, абсурдное, сумасшедшее...»

Ему показалось, что он ухватился за тонкий скользкий конец веревочки. «Вот именно — сумасшедшее, — думал Александр Николаевич. — Сошедшее с ума. С какого ума? Почему меня это должно интересовать? Не все ли равно с какого? Но уйти от этого вопроса, вычеркнуть его из памяти, забыть, хотя бы отстранить, не могу. Неужели он так важен? С какого ума? Известно с какого — с обычного. Обычного — это значит такого, как у меня, у Михаила Дмитриевича, у Викентия... А у роботов только подобие человеческого ума, его частей, функций. Законы психороботики ориентированы на существенное отличие ума робота от ума человека...»

Он еще раз открыл инструкцию пользования лабораторными роботами.

«Могли ли Лёдик и Чиф неправильно истолковать какое-либо распоряжение людей?»

Александр Николаевич достал из сейфа кассету с магнитной лентой-памяткой, поставил ее в магнитофон. Все команды роботам должны были записываться на нее.

Мягко щелкнул тумблер. Зашипела по-змеиному лента, потом зазвучали четкие команды, произнесенные знакомыми голосами сотрудников лаборатории: «Приготовить к девяти ноль-ноль для опыта четырех обезьян из вольера номер три». «Закончить ремонт холодильной камеры». «Подготовиться по шестой программе к синтезу белка».

Александр Николаевич перемотал назад ленту. Еще раз послушал последнюю команду. Подготовка по шестой программе предусматривала включение центрифуг, газовых хроматографов, шкафов Вейля и другой аппаратуры. Должно было прозвучать окончание команды: «Остаток синтезированного материала убрать в шкаф и опечатать». Но этой фразы не было. Неужели могли забыть обязательное условие при синтезе белка: весь остаток его после опыта надлежало убирать в специальные шкафы-термостаты и затем каждый шкаф опечатывать.

Александр Николаевич поставил другую ленту, услышал характерные щелчки, тихое завывание ультрацентрифуг. Иногда раздавались шаги и голоса роботов, согласующих свои действия друг с другом. Все эти звуки служили подтверждением того, что роботы безукоризненно выполняли задание. Не было соблюдено лишь одно условие о возвращении остатка белка в шкафы-термостаты, предусмотренное правилами техники безопасности.

Ученый послушал и другие ленты-памятки за неделю. Они свидетельствовали о нормальном ходе экспериментов.

«А может быть, я ошибаюсь потому, что слишком боюсь ошибиться?»

Чтобы рассеять сомнения, ему приходилось снова и снова прокручивать ленты.

Он услышал фразу, произнесенную машинально своим заместителем по лаборатории: «Приготовить питание!»

Вместо ответа «Задание понял» прозвучал вопрос Льюдика: «От сети или от аккумуляторов?»

«Я имел в виду питательную смесь».

«По какой программе?»

У Александра Николаевича задрожали пальцы, и он никак не мог перевести рычажок. «Льюдик неверно понял слово «питание», — думал он. — Робот спросил: «От сети или от аккумуляторов?» В ином контексте слово «питание» нужно специально разъяснять роботу, особенно роботу-лаборанту. И поправку «питательная смесь» Льюдик мог воспринять совсем иначе, чем предполагал Михаил Дмитриевич. Ох уж этот Михаил Дмитриевич, этакий рассеянный тихоня с оленьими глазами! Сколько его ни одергивай, сколько ни вытаскивай буквально за волосы из философских раздумий, он все равно погружается в них по всякому поводу. Ему, видите ли, важнее всего «то, что стоит за вещью». И ведь каким упрямым — тихоня! — умеет быть, когда хочет настоять на своем! Разве ему десятки раз не говорилось, чтобы он не употреблял в приказах роботам неоднозначных фраз. «Питательная смесь»! Да ведь Льюдик мог понять это выражение не как приказ о подготовке смеси аминокислот и физиологических растворов, а как приказ одновременно подключить питание от сети и аккумуляторов. Подобные случаи описаны в первом томе «Психоробики» *. Там есть специальный раздел с разъяснениями...

* Психоробика — наука о психологии роботов.

Александр Николаевич напрягал память, пытаясь вспомнить нужный раздел. Он знал, что у него плохо развита ассоциативная память и он может полагаться лишь на память логическую. Чтобы вспомнить, что было написано в разделе «Психоробики», ему нужно было представить хотя бы приблизительно, что там могло быть, вспомнить предыдущие разделы, расставить ориентиры.

Все операции по расстановке ориентиров он проделал тщательно и привычно, будто готовил рабочее место в мастерской, раскладывая инструменты. И напряженная память выдала первые фразы из «Психоробики»: «Силы убывали», «Он умирал от голода». Они приводились в качестве примеров. Понятные человеку даже без контекста, эти фразы для робота требовали длительных разъяснений. Более того, они вызывали недоверие к основным программам, если встречались в контексте, из которого можно было заключить, что человек находился там, куда достигали солнечные лучи или же имелась электроэнергия. В таком случае, — рассуждал робот, — что же мешало человеку зарядить свои аккумуляторы через энергобатареи или подключиться к источнику питания?

Чтобы таких «накладок» не возникало, нужно было знакомить робота с устройством человеческого организма.

«Итак, если Льодик неправильно понял команду о питательной смеси, — думал Александр Николаевич, — то он поступил уже не в соответствии с ней, а соответственно тому, как он ее понял...»

И снова ученому почудился чей-то тяжелый взгляд, царапающий затылок. Сдерживая себя, он медленно обернулся. Почти не удивился, никого не обнаружив. Все же еще раз внимательно осмотрел лабораторию. Взгляд заскользил по приборам, затем метнулся в стороны — в одну, в другую — и оцепенело застыл... Вни-

мание привлек объектив телекамеры. Показалось, что камера слегка качнулась...

Александр Николаевич сделал несколько шагов. По голубой линзе объектива скользнула тень — камера повернулась...

Он проделал еще несколько маневров, пока не убедился, что объектив телекамеры «прилип» к нему...

Александр Николаевич потянул замок «молний» на куртке. Стало легче дышать. Только теперь он почувствовал, что шея вспотела. Кося взглядом на объектив, он стал продвигаться к месту включения камеры в сеть. Но оказалось, что шнур тянется не к розетке. Тонкой длинной проволочкой он был подсоединен к ближайшему биотермостату.

Александр Николаевич приподнял крышку термостата. Там, распластанное в физиологическом растворе, пульсировало сердце какого-то животного. Проводок прокалывал его, будто серьга ухо, и убегал к следующему биотерму, а от него — к малому энцефальеру, где — как это хорошо помнил Александр Николаевич — находился мозг собаки.

«Такое впечатление, как будто здесь экспериментировал сумасшедший, — думал ученый. — Перепутанные провода, подключение телекамеры... А может, в этом хаосе есть своя логика? Ведь телекамера работает! Она следит за мной. Выходит, ею руководит в качестве управляющего механизма мозг собаки. Как же это совместить с прежними наблюдениями? Самопроизвольные действия роботов вполне могли бы напоминать проведение какого-то эксперимента. Но ведь они не знают строения мозга и никогда бы не додумались так включить телекамеру. Прежде всего они подключили бы ее к лабораторному компьютеру...»

В нем зрело предчувствие беды. Он уже почти был уверен, что роботы здесь ни при чем, что ему противостоит злая воля человека.

Но кто мог быть этим человеком?

Он вспомнил страницы приключенческих романов, в которых следователи ловили преступников. Они часто начинали следствие с вопроса: кому это выгодно?

«Кому это выгодно?» — спросил себя Александр Николаевич и неожиданно для себя улыбнулся. Вопрос в данной ситуации звучал явно юмористически. Чтобы найти положительный ответ на него, надо было снова обращаться к мысли о сумасшедшем.

«А случайно ли мне все время приходит в голову одна и та же мысль? Нет ли в этом закономерности? Если факты указывают на то, что здесь побывал сумасшедший, то не следует ли искать его? Например, предположить, что заболел один из сотрудников лаборатории...»

«В таком случае в результате болезни он должен был стать гением и открыть новый способ управления, — ответил себе Александр Николаевич. — Тогда злоумышленника следовало бы поискать среди наших эрудитов, знакомых и с нейрохирургией, и с физиологией, и с радиоэлектроникой... У нас есть по меньшей мере два таких человека. Один из них — я, а второй — мой зам, тихоня с оленьими глазами...»

Он спросил себя: «Очень бы я удивился, узнав, что это сделал Михаил Дмитриевич?» Он не нашел однозначного ответа и задал себе следующий вопрос: «Что следует предпринять немедленно?»

Прежде чем он ответил себе, его рука самопроизвольно схватила лабораторные щипцы и перекусила проводок, ведущий к телекамере...

ПРЕПЯТСТВИЕ

Портрет Алексея Резанова никогда не появлялся на доске Почета автохозяйства. Но, с другой стороны, водительский талон предупреждений Резанова не выглядел «кружевным» — компостер автоинспектора не оста-

вил на нем ни одного прокола. И по части выговоров у Алексея чисто — один «без занесения» он давно снял безаварийной работой.

Дома ждут Алексея жена и сын. В игрушечном автопарке сынишки уже, наверное, есть новые поломки, которые без отца не устранить. И, вспоминая о Петьке, Петре Алексеевиче, Резанов плавно нажимает на педаль акселератора.

Тяжело нагруженный самосвал, сопя, ускоряет бег. Десять большущих колес исправно разматывают рулон дороги. Бегут навстречу, расставив руки-ветви, веселые молодые клены. Шумят что-то приветственное, но разве за гулом двигателя расслышишь? Алексей бросает взгляд на счетчик бензина: бак наполовину полон. Не нужно сворачивать на заправку и маяться в очереди.

Автострада здесь ровная, как стрела, от случайных двуногих и четвероногих «нарушителей» ограждена специальной сеткой. «Можно и отдохнуть», — думает Алексей.

Поздний вечер сгущает тени. Скоро надо включать подфарники.

Внезапно перед лобовым стеклом мелькнула тень. Алексей еще не успевает как следует рассмотреть ее, а нога автоматически вдавливая до отказа тормозную педаль, руки выворачивают руль.

Резкий свист режет слух. Визжат тормоза. Машину заносит. Алексея бросает вперед. Он ударяется зубами о руль, чувствуя, как впиваются в тело привязные ремни, и видит перед машиной неизвестно откуда взявшуюся человеческую фигуру. Последнее, что фиксирует его сознание, — бледное брошенное лицо и протянутая вперед, словно для защиты, рука прохожего.

...Когда автоинспектор и карета «Скорой помощи» одновременно прибыли на место аварии, Алексей Резанов был без сознания. Врачи установили сотрясение мозга, перелом двух ребер. В вещевом ящике кабины

обнаружили смятый путевой лист, недоеденный бутерброд и два игрушечных автомобиля.

Автоинспектор долго размышлял над причиной аварии. Сколько ни осматривал он дорогу перед самосвалом, не удалось обнаружить ничего, что могло бы дать ключ к разгадке происшествия. Человек или животное — в этом автоинспектор был твердо уверен — проникнуть на автостраду не могли. Сама собой напрашивалась версия, что шофер задремал и вывернул руль произвольно, а уже потом затормозил.

Внезапно автоинспектор остановился, посветил фонариком. Он увидел такое, от чего у него мгновенно пересохло горло. На левой половине мощного, согнутого от удара бампера виднелся глубоко вдавленный отпечаток человеческой ладони...

Прошло еще несколько секунд, пока автоинспектор преодолел изумление и бегом направился к своей автомашине. По радиотелефону он вызвал дежурного по ГАИ города.

Вскоре на место происшествия прибыли еще два автомобиля. В первом приехал следователь, во втором — огромном автофургоне с синей полосой по борту и надписью «Милиция» — находилась передвижная криминалистическая лаборатория. Из нее вышли двое мужчин в одинаковых светлых плащах. Один из них, низенький и худой, нес чемоданчик, на шее второго, грузного и высокого, с багровым затылком, болталось на ременной лесенке несколько фотоаппаратов и лампочек с отражателями. В правой опущенной руке он нес, будто миниатюрную пушку, еще один фотоаппарат с телескопической насадкой. От фотоаппарата тянулся длинный провод, исчезая в недрах фургона-лаборатории. Еще два провода к фургону тянулись от гирлянды фотоаппаратов и лампочек, болтающихся на его груди. Казалось, будто весь этот человек — только придаток к лаборатории, один из ее агрегатов, соединенный проводами с другими

частями. Он несколько раз обошел израненный грузовик. В это время следователь и второй эксперт изучали пулевой лист.

Зашелкали затворы фотоаппаратов. Съемка велась в невидимых лучах спектра — инфракрасном и ультрафиолетовом, чтобы выявить то, чего нельзя заметить простым глазом и что через некоторое время может видоизмениться или исчезнуть.

Затем эксперты обмерили место происшествия. Лучи фонариков заплесали, как светлячки, по асфальту и земле на обочине. Послышалось восклицание:

— Здесь!

Инспектор поспешил на голос. Эксперт и следователь склонились над землей и рассматривали следы. Их оставили мужские остроносые туфли с рубчатой подошвой. Второй эксперт уже готовил гипс для снятия отпечатков.

Следы удалось обнаружить и с другой стороны трассы. Измерив расстояние между следами и установив длину шага, эксперт вычислил по таблице рост человека, пересекшего автостраду. Он оказался чуть выше среднего — около метра восьмидесяти сантиметров.

Вместе со следователем эксперты осмотрели сетку, ограждающую автостраду. В одном месте между ячейками зацепился лоскуток темно-синего материала. Эксперт пинцетом снял его и спрятал в коробочку.

Затем все трое вернулись к грузовику, с особым вниманием осмотрели вмятину на бампере с отпечатком ладони, обработали отпечаток парами йода и порошками. Тем временем шофер автофургона расставил на дороге визиры. С их помощью удалось уточнить еще некоторые детали аварии: угол поворота, угол заноса... Умножили массу грузовика на скорость, сопоставили с путем торможения, ввели данные в портативный компьютер, находившийся в передвижной лаборатории.

Тот из экспертов, что работал с компьютером, просмотрев перфоленду, почесал пальцем переносицу и дал команду компьютеру повторить расчет. Взглянув на повторную перфоленду, он чертыхнулся про себя, достал блокнот и принялся считать вручную. На его лбу горошинами выступили капли пота. Эксперт протянул блокнот товарищу, попросил:

— Проверь. Может быть, я что-то путаю?..

Прошло еще несколько минут...

Когда эксперт возвращал блокнот, его рука дрожала.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Путь торможения должен быть длинней...

Проверили все снова. Потом еще и еще раз. По расчетам выходило, что тормозной путь тяжело груженного автомобиля вопреки законам механики был короче почти на два метра. Значит, автомобиль остановился от удара о препятствие. И этим препятствием был человек с протянутой вперед рукой...

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ШИМПАНЗЕ

Объявление, переданное по радио и телевидению:

«Ночью, восемнадцатого июня, из зоопарка исчез самец шимпанзе по кличке Джим. Всех, кто увидит его, просим тотчас сообщить об этом дирекции зоопарка, службе охраны природы, милиции».

Прошло два дня. Никто не сообщал о шимпанзе Джиме. Поисками исчезнувшей обезьяны наряду со взрослыми занялись школьники — юннаты города. В результате поисков были обнаружены убежавший из школьного живого уголка дрессированный медвежонок Костя, обосновавшееся в новом парке семейство лосей, заблудшая из пригородного совхоза корова...

Только на шестой день удалось напасть на след Джима. Туристы, путешествующие по памятным местам,

ночью в лесу слышали крики, треск ветвей, звуки борьбы. Обеспокоенные, они выбрались из палатки. Внезапно на залитом лунным светом холме на несколько секунд показались странные фигуры. Одна из них — низкая, сутулая, с длинными руками — напоминала обезьяну. Пытаясь убежать, она прыгнула к дереву. Навстречу ей метнулась другая фигура. Послышались звуки ударов о металл, скрежет, ужасный крик, стон...

На вопрос, почему фигуры показались странными, туристы — их было четверо, в том числе восьмилетний мальчик, — в один голос отвечали, что только одна из них полностью напоминала человеческую. Вторая же, хотя и была похожа на нее, чем-то отличалась.

— Чем же именно? — спросил следователь.

— Движениями, — ответил один из туристов. — Какие-то слишком резкие...

Он подумал несколько секунд и добавил:

— И слишком быстрые...

С помощью дружинников милиционеры прочесали лес. Шимпанзе был найден в овраге. Единственный уцелевший глаз обезьяны неподвижно смотрел в небо. Череп был выпотрошен. На теле обнаружили несколько разрезов, таких аккуратных, словно производилось вскрытие тела на анатомическом столе в клинике...

ЗАБОТЫ ПОЛКОВНИКА ТАРНОВА

Полковник милиции Тарнов тяжело облокотился на стол, подпер голову руками. Он массирует виски, но боль не отступала. Она охватывала голову тугими обрубками, стекала куда-то в затылок и накапливалась там. Время от времени эксперты приносили протоколы, полковник просматривал их и пытался систематизировать.

Сегодняшний день полковника начался телефонным звонком из публичной библиотеки. Ночью кто-то проник

в запечатанное книгохранилище. Хотя на дверях не имелось свидетельств взлома, тем не менее следов посещения неизвестным книгохранилища нельзя было не заметить. Неизвестный проник туда словно для того, чтобы в строго упорядоченном книжном мире, плотно упакованном в шкафы-обоймы, учинить хаос. По самым оптимистическим подсчетам, требовался целый день, чтобы объединенными усилиями всех работников библиотеки и студентов-добровольцев поставить книги на свои места. Хотя система сигнализации содержалась в полном порядке, она не сработала. Именно по этой причине о происшествии доложили Тарнову, просившему докладывать обо всех странных случаях в городе.

Полковник пригласил на беседу инженера по сигнализации. Им оказался молодой человек, недавно окончивший электромеханический факультет политехнического института. Глаза посетителя были спокойны, но на щеках горели алые пятна.

Тарнов задал несколько обязательных вопросов, потом спросил:

— Вам не трудно одному обслуживать всю систему сигнализации?

— Нет, — несколько нерешительно ответил инженер. — Видите ли, у всей сети есть два вывода — на пульт управления и на контрольный экран. Экран показывает любую неисправность, причем вычислительное устройство классифицирует ее. А если устранить неисправность мне не под силу, всегда можно вызвать монтеров из пункта обслуживания.

Полковник заглянул в его светлые, почти прозрачные глаза. Они были похожи на две незамутненные стекляшки, их устойчивый блеск слепил и завораживал.

«Говорит непринужденно, умеет скрыть волнение», — подумал полковник. Он догадывался о причине волнения, знал, что инженер ожидает вопроса, на который

приготовил ответ. Но Тарнов не спешил с этим вопросом. Сначала нужно было подготовить почву.

— Вы женаты?

— Холост, — ответил инженер, втягивая голову в плечи, будто признавая вину.

— Это ваше первое место работы после института?

— Да.

У инженера задрожали губы. Он морщил лоб, пытаюсь угадать следующий вопрос.

— Мне дали о вас самую лестную характеристику, — ободряюще сказал полковник.

Лицо инженера густо залила краска. Даже шея покраснела.

— Чем вы объясните, что сигнализация в книгохранилище не сработала?

— Я проверил ее, но никаких изъянов в конструкции не обнаружил. Должна была сработать.

— Может быть, неисправность?

— Контрольный экран в полном порядке. Он бы ее показал.

— Выходит, никто из посторонних не мог проникнуть в книгохранилище?

— Да.

— Нам нужно искать преступника среди сотрудников библиотеки, знакомых с устройством системы сигнализации?

Молчание инженера было достаточно красноречивым. Слышалось тонкое жужжание — это билась о стекло окна муха, попавшая между рам. Жужжание стихло — сопло дезинфектора проглотило ее.

— Сколько сотрудников оставалось в тот день после работы? — спросил полковник.

— Двое. Заведующая третьим отделом архива, Степанова, и я.

— Когда опечатали книгохранилище?

— В двадцать один. Все там было в порядке.

— А почему Степанова оставалась в библиотеке?

— Точно не знаю. Наверное, с разрешения директора... — Он подумал и поспешно добавил: — Степанова — старый работник библиотеки...

— Она знакома с устройством сигнализации?

— В общих чертах.

Пришло время задавать тот самый, неприятный вопрос. Полковник постарался, чтобы его голос звучал непринужденно:

— Вы книголюб? Коллекционер?

Хотя инженер готовился к этому вопросу, он вздрогнул, как от удара. Все заготовленные слова разом вылетели из головы.

— Книголюб. Ну и что? — с вызовом спросил он.

Именно сейчас полковник полностью поверил в его невиновность.

— Не надо волноваться, — сказал Тарнов. — Поймите меня правильно. Кто-то ведь все-таки проник в книгохранилище.

— Меня это мучает не меньше, чем вас, — проговорил инженер. — Да и не только меня.

— Прошу вас, проверьте еще раз всю систему сигнализации, — сказал полковник, провожая посетителя до дверей. — Если все-таки обнаружите неисправность, сообщите.

Инженер ушел, а он долго и безуспешно старался хоть на короткое время отвлечься от происшествия в книгохранилище. За многие годы службы такое случилось впервые. Нелепый, абсурдный случай! Опытный взломщик с «квалификацией», позволяющей бесшумно, невзирая на сигнализацию, проникнуть в запечатанное помещение, не заинтересовался бы книгохранилищем, а выбрал бы добычу соответственно риску. Полковник попросил срочно установить, что же исчезло из книгохранилища.

Он придвинул к себе бумаги и снова стал читать заключения экспертов о происшествии на шоссе, но снова не нашел в них ни единой ниточки, за которую можно было бы уцепиться. Тарнов собрался уже уходить домой, но в это время позвонил телефон.

— Товарищ полковник, — доложил лейтенант Марченко, — звоню из института экспериментальной генетики. В лаборатории номер девять — кража.

...Через несколько минут полковник вошел в вестибюль института.

Лаборатория номер девять помещалась на втором этаже, так что не пришлось пользоваться ни лифтом, ни эскалаторами. У дверей толпились любопытные, которых лейтенант Марченко, невысокий крепыш с маленькой красивой головой, безуспешно убеждал разойтись и не мешать милиции.

Заметив полковника, лейтенант направился к нему, бесцеремонно расталкивая зевак обеими руками. Он остановился перед своим начальником и сделал резкое движение головой, будто отряхивался после заплыва. Полковник скрыл улыбку и спросил:

— Когда это случилось?

— После обеденного перерыва.

— Кто оставался во время перерыва в лаборатории?

— Никто, товарищ полковник. Все ушли обедать. Дверь закрыли на электронный замок, как положено по инструкции. А когда вернулись, дверь оказалась открытой. Исчезло несколько пробирок с микробами и вирусами.

— Товарищ полковник, вот профессор, руководитель лаборатории.

Мужчина в белом халате с могучими плечами и длинными руками, слегка сутулый, напоминал медведя, вставшего на задние лапы. Маленькие, глубоко посаженные глазки смотрели добродушно и пытливо. Рука полковника утонула в его лапеше.

— Случалось у вас что-либо подобное? — спросил полковник.

— Да что вы? — удивился профессор и отмахнулся своей лапищей, способной свалить с ног лошадь.

— Исчезнувшие пробирки опасны?

— Смотря в каких целях будет использовано их содержимое.

— Расскажите подробнее о том, чем занимается лаборатория, — попросил полковник.

— Для нас микробы и вирусы — экспериментальные модели. На них мы выясняем некоторые детали наследственного кода. Мы вызываем у наших моделей направленные мутации и таким образом создаем новые штаммы микробов. Но результат мутации не всегда возможно предвидеть, иногда получаются сверхопасные штаммы. Например, украденный штамм паратифозной палочки 617 С вызывает так называемый «лихорадочный паратиф». Мы получили антиштамм и создали препарат, который ликвидирует обычный паратиф за несколько часов, «лихорадочный» — за пару суток. Но препарат этот имеется пока только у нас. О культуре вируса во второй пробирке могу рассказать только с разрешения руководства института.

Тарнов никак не реагировал на последние слова профессора, будто и не слышал их. Он спросил:

— Эти пробирки лежали на виду или их надо было разыскивать?

— Пожалуй, скорее, как вы выразились, «на виду». Мы ведь работаем сейчас с ними.

В это время лейтенант Марченко позвал полковника к телефону. Тарнов прошел в кабинет руководителя лаборатории, поднял трубку, лежащую на столе.

— Слушаю. Полковник Тарнов.

— Семен Антонович, из книгохранилища ничего не исчезло, — доложил его помощник, оставшийся в библиотеке.

— Абсолютно ничего? Ни одной книги? — переспросил полковник таким тоном, будто ему очень нужно было, чтобы там что-то исчезло.

— Проверяли несколько раз, Семен Антонович. Все книги на месте.

— Спасибо, можете идти домой отдыхать.

Когда полковник вернулся в лабораторию, там уже появились эксперты. Полковник повернулся к профессору.

— Разрешите нашим сотрудникам осмотреть лабораторию?

Профессор сказал «пожалуйста» и повел всю группу за собой. Лейтенант Марченко, расставив руки, остановил любопытных, а потом присоединился к Тарнову, следователю и экспертам.

Осмотр занял немного времени. Были сняты отпечатки пальцев с электронного замка, с посуды и приборов, просмотрен весь мусор, каждый клочок бумаги. Профессор искоса посматривал на полковника. Узкое лицо Тарнова с четко очерченными губами становилось все более унылым и скучным, словно ему хотелось спать.

Прощаясь, он сказал профессору:

— Запишите номер моего домашнего телефона. Прошу вас вызвать всех сотрудников и еще раз тщательно осмотреть лабораторию, все шкафы и термостаты. Может быть, пробирки просто не туда поставили?

— Мы уже... — начал было профессор, но полковник бы настойчив:

— Пожалуйста, выполните мою просьбу.

Профессор позвонил полковнику через три с лишним часа.

— Добрый вечер, — сказал он, — вас беспокоят из института...

Его голос звучал глухо и нерешительно, словно он собирался извиняться.

— Нашли? — не вытерпел Тарнов.

— Мы осмотрели все, но пробирик, к сожалению, нет...

Полковник еще некоторое время подержал трубку у своего уха, раздумывая, потом медленно, словно нехотя, положил ее на рычаги...

Утром в кабинет полковнику Тарнову принесли акт дактилоскопического исследования. В лаборатории применили натенение металлическими порошками, рассматривали предметы в различных спектрах излучений и выявили на электронном замке и на посуде несколько отпечатков пальцев, в том числе и совершенно необычных. Во-первых, следы оказались очень слабыми; во-вторых, при многократном увеличении на фотоснимках можно было видеть, как линии дактилоскопического узора обрываются и вместо них появляются скрещенные линейки, похожие на значки умножения.

Полковник пытливо посмотрел на долговязого начальника бюро судебных экспертиз, принесшего материалы.

— У вас есть комментарии, Лев Ильич?

Одна бровь Льва Ильича многозначительно подпрыгнула, другая осталась на месте. Это должно было означать согласие.

Полковник давно уже знал начальника бюро и притворно вздохнул:

— Без вас как без глаз, Лев Ильич.

Довольная улыбка появилась на губах Льва Ильича.

— Смейтесь, смейтесь над стариком... Но сначала выслушайте! Слабые отпечатки получились не случайно. У того, кто оставил следы, по всей вероятности, патология кожи. Почти нет жиротделения и потовыделения. Такое явление возможно, например, при высокой температуре. Но, как я понимаю, вряд ли человек с со-

рокаградусной температурой будет расхаживать по лабораториям...

Полковник согласно кивнул, выражая всем своим видом усиленное внимание.

— Нарушается потоотделение и при зубной болезни, Семен Антонович. Но мы с вами знаем, что тогда отпечатки были бы все же явственнее...

Он еще секунду помедлил, не в силах отказать себе в удовольствии заинтриговать слушателя, а потом, многозначительно морща лоб, проговорил:

— Когда-то я видел точно такие же отпечатки. Это было знаменитое дело Баркасова. Два года преступника не могли обнаружить. В конце концов отпечатки его пальцев показали одному старому криминалисту...

— И совсем вы не старый, Лев Ильич. Мужчина в расцвете лет.

Как ни делал строгое лицо начальник бюро, как ни подавлял довольную улыбку, она таки проклюнулась.

— Не хочется даже вспоминать, сколько они возились с этим. Да... Так вот, я посмотрел на отпечатки и тихо, заметьте себе, очень тихо, — чтобы, упаси бог, не навязать свою волю и чтобы услышал только тот, кто хочет услышать, — сказал: сдается мне, что у вашего «мокрушника» болезнь кожи. И правильно было бы его назвать не «мокрушником», за которым числится шесть убийств, и не «медвежатником», вскрывшим восемь банковских сейфов, а обыкновенным «ихтиозавром». Потому что он, видимо, болен ихтиозом, и кожа у него похожа на рыбью чешую. Она грубая и утолщенная. А лицо у него должно быть соответственно малоподвижным, маскообразным. В общем с моих слов записали они предполагаемый словесный портрет. А когда наконец с помощью этого же, заметьте себе, предполагаемого портрета поймали преступника и сравнили с моим описанием, все детали сошлись как две капли воды.

— Простите, Лев Ильич, — прервал рассказ полковник. Он знал, что криминалист может часами вспоминать случаи из своей практики. — Я хочу вам показать еще одни отпечатки.

Он вынул из ящика стола несколько фотолистов. На них тоже были увеличенные отпечатки пальцев, снятые с вмятины на бампере автомобиля, в котором погиб Алексей Резанов. Бросался в глаза характерный рисунок линий, похожий на значки умножения.

Лев Ильич тонкими длинными пальцами вынул из кармана лупу и трафаретку, несколько секунд изучал и сравнивал листы, потом нерешительно сказал:

— Можно полагать, что имеется идентичность, представьте себе.

— Значит, и там и здесь предполагается присутствие одного лица, «ихтиозавра», как вы его метко называли?

— Надо еще сравнить отпечатки в лаборатории, уточнить, — уклончиво ответил Лев Ильич.

— И если ваш прогноз, как всегда, подтвердится...

— Ну, делать выводы — это уж ваше дело, Семен Антонович. Впрочем, на вашем месте я бы составил воображаемый словесный портрет.

— Мы знаем кое-что и о его костюме, — сказал полковник. — Вот заключение товароведческой экспертизы: «шерсть с двадцатипроцентным добавлением лавсана, цвет темно-синий в белую крапинку, артикул семьдесят четыре, состав материала сорок восемь, сорт — первый. Выпущен Черниговским комбинатом, поставлен на швейные фабрики Смирнова-Ласточкина в Киеве и Клары Цеткин в Днепропетровске... Потовых пятен на клочке материала, к сожалению, не выявлено»...

— Ну что же, Семен Антонович, общий баланс и так неплохой, — вы можете иметь детали предполагаемого словесного портрета и описание одежды...

— Я позволю еще ненадолго задержать вас, — поспешно сказал полковник. — Посмотрите, пожалуйста, кое-какие расчеты...

Лев Ильич быстро просмотрел бумаги.

— Со мной уже советовались, и я проверял расчеты. Здесь все верно.

— Но получается...

— Получается чепуха. Но расчеты правильные.

Лев Ильич протянул руку полковнику. Тарнов пожал ее.

— Спасибо... Думаю, мне еще понадобится ваша помощь.

Автотехническая экспертиза подтвердила расчеты криминалистов. После резкого торможения пятитонный грузовик с вывернутым рулем должно было занести еще минимум на полтора метра вперед. Но человек в темно-синем костюме, выбросив руку вперед, остановил его и при этом сам остался невредимым...

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ АЛИНЫ ИВАНОВНЫ

После дождя галька была сырой, шатер неба казался выстиранным, а полоса моря у берега потемнела.

Отдыхающие не спешили на пляж, топчаны под навесом были свободны. Аля села на один из них, издали лениво наблюдая за волнами. Ее знакомый вчера уехал, а ее путевка кончалась через неделю.

— Скучаете?

Она повернула голову.

За ее спиной стоял незнакомый мужчина. Ничего особенного — чуть выше среднего роста, худое лицо... Только улыбка какая-то странная — одними глазами. Уже потом она отметила — глаза у него вообще часто и почти неуловимо менялись. То они были серьезными, то веселыми, а по временам в них появлялась грусть, и смотрели они то прямо в душу, будто видели тебя на-

сквозь со всем твоим кокетством и хитростью, а то становились задумчивыми, глядели мимо тебя вдаль.

— Я случайно пришел сюда из-за дождя, — сказал мужчина. — Раньше ходил на другой пляж, а теперь на пути туда — огромная лужа. Вот и свернул. А тут — вы.

— Ну и что же?

— Вы мне не случайно встретились, — ответил мужчина. — Я это точно знаю. И еще... Мне почему-то кажется, вы врач...

— Да, я — врач, — растерянно произнесла Аля.

— Значит, судьба. «Свет дальней звезды и свет судьбы в моем окне...»

Его глаза смотрели на нее и улыбались. Аля обрадовалась, что этот незнакомец знает ее любимые стихи. Вопросительно взглянула на него. Словно защищаясь от ее взгляда, мужчина вытащил из кармана и надел темные очки.

— А если бы я не была врачом?

— В юности я любил женщину, похожую на вас. Она была врачом, работала в Орле. «А случайных совпадений в этой жизни не бывает. Случай и закономерность — это две стороны одной медали».

Аля машинально наклонилась к собеседнику, словно хотела сквозь темные стекла заглянуть в его глаза.

— Я тоже из Орла, — тихо произнесла она.

— Потому я и говорю — судьба, — несколько не удивившись последнему совпадению, сказал мужчина и поднялся. — Давайте вместе поплаваем!

— Аля, иди к нам! — окликнули ее соседи по столу в доме отдыха, судачившие о чем-то в тени под грибком.

В другое время она бы подошла к ним, отшутилась, а уже потом пошла бы с новым знакомым. Но сейчас она только кивнула головой знакомым и принялась стаскивать через голову сарафан.

Плавала она неважно, быстро уставала. Выплыв за

пенную полосу прибоя, хотела было повернуть к берегу, но мужчина предложил:

— Поплыли дальше. Если устали, возьмитесь за мои плечи. Не стесняйтесь. Скажите только: «Юрий, я устала... Стань кораблем моим — я стану им...»

Пожалуй, никому другому она бы вот так сразу не доверилась да еще в воде. А тут как ни в чем не бывало послушно ухватилась за его плечи, и он, словно дельфин, помчал ее в открытое море.

— Довольно! — засмеялась она. — Поворачивайте! Вы же устанете!

Плавали они долго. Плечи Юрия были холодными, пальцы ощущали гладкую кожу, под которой перекачивались мышцы. Аля закрыла глаза, и ей казалось, что и вправду он не человек, а дельфин.

Когда они вышли на берег, под ласкающие лучи солнца, она поймала себя на мысли, что не может поднять глаза и посмотреть прямо в лицо этого прекрасного пловца.

Але было уже двадцать шесть лет. В детстве она два года училась в музыкальной школе, ей прочили будущее пианистки. Потом посещала изостудию Дворца пионеров. Два ее рисунка были отобраны для республиканской выставки и удостоены премий. Но ни пианисткой, ни художницей она не стала. С тех времен осталась только неубывающая любовь к искусству.

Замуж вышла она за коллегу, врача, разделявшего многие ее взгляды и вкусы, живо интересующегося театром и музыкой. Еще совсем недавно — года три назад — она считала себя счастливой: любящий муж, интересная работа, мечты. Вместе строили планы на будущее... Летом путешествовали по реке на байдарке, несколько раз выезжали в дальние туристские поездки.

Муж преуспевал на службе, но со временем у него появлялись новые друзья, он стал все чаще оставлять ее одну дома, уходить в компании. Она чувствовала, что

он грубеет и отдаляется от нее, а удержать его не могла. Начались скандалы. Она замечала в муже новые неприятные черты, заново «открывала» его. Пробовала исправлять его, но скоро убедилась, что это непосильное занятие. Тогда она решилась на крайнюю меру — развод. Считала: он испугается, одумается. И когда муж ушел из дому, все ждала, надеялась, что он вернется и начнется новая жизнь. А он женился на другой. Она решила, что это он сделал назло ей, что это ненадолго. Но прошел год, и однажды, встретив его, она поняла, что он совсем чужой, давно уже совсем чужой человек.

Сначала ей было непривычно одной в квартире, где, казалось, и стены еще хранили родной голос. Привыкла. Приспособилась. Перестала ждать большого счастья, научилась довольствоваться малыми радостями. Говорила себе: больше никого не смогу полюбить. Замкнулась, ушла в себя, как улитка в раковину. И уже боялась мгновений, когда просыпались прежние мечты о счастье — большом, ярком, необычном. Торопливо уговаривала себя, твердила как заклинание: это сказки, в жизни их не бывает.

И вот сегодня...

Юрий словно подслушал ее мысли:

— Каждый человек в детстве и юности мечтает встретить сказку. Потом много раз обманывается, разочаровывается. И когда в самом деле встречается сказку, он уже не верит, что это она.

— Не верит, — как эхо откликнулась Аля.

— Вы думаете, это хорошо? — спросил Юра очень серьезно.

— Нет, я так не думаю, — смутилась Аля.

— И я так не думаю...

Он улыбнулся ей обрадованно и ласково, ожидая ответной улыбки.

Но Аля поспешно сказала:

— Впрочем, все гораздо проще. Проходит детство, и

человек перестает быть маленьким принцем, — она вздохнула. — А о том, как сбываются сказки, он иногда пишет книги...

— А разве в книгах не случается то же, что и в жизни?

— Вы так верите книгам?

— Конечно. Как человек опишет то, что не пережил сам?

Аля отвернулась и стала смотреть в небо. Синева была такой прозрачной, что взгляд словно проваливался в нее как в омут. Когда она решилась взглянуть на Юру, его глаза были темными, словно рассматривали что-то очень далекое:

— Иногда мне кажется, что я проглотил слишком много книг и слишком много чужих мыслей, образов людей. Они ворочаются во мне, шепчутся, думают за меня. Я их проглотил, а теперь они гложут меня своими заботами и несчастьями... Книги — это люди: те, которые их написали, и те, что в них описаны...

«Наивный, — подумала Аля. — Какой он наивный!»

— А какая у вас профессия? — спросила она вслух.

— Не знаю... Вернее, я об этом еще не думал. — Заметив ее недоумение, добавил: — Больше всего о жизни я знаю из книг.

Он сказал это настолько искренне, что она была готова поверить ему. И все же что-то в его тоне настораживало. Аля спрашивала себя: «А может быть, все дело в том, что я не встречала таких?»

Она все время ждала, когда Юрий снова позовет в море. К ней подходили знакомые, заговаривали, но она отвечала немногословно, рассеянно, не обращая внимания на откровенно недоброжелательные замечания о тех, кто «скоро забывает». Аля поглядывала на Юру — как он реагирует? — по ее новый знакомый просматривал книгу, которую она принесла на пляж, и был поглощен этим занятием. Аля обратила внимание, что он листает

страницу за страницей, не задерживаясь ни на одной больше секунды.

Аля вынула из пляжной сумки блокнот, карандаш и несколькими штрихами попробовала набросать шарж. Но рисунок не получался. Ей никак не удавалось уловить черт, пригодных для шаржирования: профиль Юры был классически неуязвим. Тогда она обыграла в рисунке его позу, выражение лица, глаз. Получилось неплохо, и когда Юра наконец закрыл книгу, она протянула ему листок блокнота:

— Узнаете?

— Да это же я! — обрадовался он. — Как это вам удалось?

В его глазах появилось восхищение, и Але стало приятно, что ее рисунок произвел впечатление.

Юра продолжал внимательно рассматривать его, сказал:

— В одном месте похоже, в другом — непохоже. — Он поворачивал листок, рассматривая рисунок и так и этак, затем воскликнул, будто совершил открытие. — Вы искали характерные черты моего облика!

— Конечно, — пожала плечами Аля. — В этом и заключается шаржирование.

— Шаржирование... — он так произнес слово, будто слышал его впервые. — Интересный метод анализа.

Приближался вечер. Море потемнело. Вдали в солнечном мареве грелись горы — спины зеленых верблюдов. Река тумана медленно стекала в ущелье, наполняя его до краев.

Вечером после ужина Юра ждал ее у столовой дома отдыха. Они гуляли по парку у моря. Луна летела сквозь легкие облака, как новенькая монета, которую кто-то бросил в море на прощание. Юрий рассказывал Але о недавно прочитанном фантастическом романе, в

котором действовал искусственный человек — сигом. У нее замирало сердце, было немного тревожно, и Юрий сам казался ей могучим сигомом, пришедшим для того, чтобы встретиться с ней. Потом она показала ему самую романтическую аллею парка, где над головой шелестели листья с промельками лунного серебра и сплетались в зеленые арки лианы.

Они были вместе еще три дня, а потом он вдруг огорчил ее, сказав, что уезжает в двухдневную экскурсию и вернется только к ее отъезду. Вечером, когда Юра проводил ее и попрощался, Аля долго смотрела ему вслед. Она увидела, как навстречу Юрию откуда-то из-за кустов вышла темная массивная фигура, протянула руку, преграждая путь.

Аля выскочила на дорожку, закричала, бросилась к Юре и неожиданно для себя обняла его.

— Это мой личный робот-слуга, — удивленно высвобождаясь, сказал Юрий.

Темная фигура повернулась, на Алю в упор посмотрели два ярких глаза. Робот поклонился.

Алю била нервная дрожь. Юрий набросил ей на плечи пиджак.

— Боишься его? — спросил он.

— Немножко, — призналась она.

Чтобы успокоить девушку, Юрий приказал роботу изображать влюбленного и сочинить специально для нее балладу.

Робот опустился на одно колено. Внутри у него — Аля это видела сквозь щель в его нагрудном щитке — зажглись дополнительные индикаторы, что-то загудело. Затем гудение стихло, послышались мелодичные аккорды гитары. Низкий приятный голос запел:

Однажды влюбился робот
В земную обычную женщину...
Банальная это история,
Но он ей признался в любви:

— Я робот стальной и могучий.
Могу я и город разрушить,
Могу я и замок построить, —
И все для тебя для одной... —
А женщина так отвечала:
— Твой голос звучит как сирена,
Из стали и руки и сердце,
Объятья смертельны твои.
Не нужен мне город и замок,
Любви я желаю горячей,
Вот если б ты стал человеком,
Тебя полюбила бы я...

Робот спел песню и оставался коленопреклоненным до тех пор, пока Аля не разрешила ему встать. Она подозревала, что Юра загодя приготовил ей сюрприз — сам сочинил песню и приказал роботу разучить ее.

Несколько дней она ходила под впечатлением этого вечера. Люди вокруг нее словно отодвигались на задний план, становились безликим фоном, а на переднем плане был Юрий. Ее немного обижало, что он не пожертвовал ради нее туристской поездкой и они не были вместе целых два дня, но, с другой стороны, это задело самолюбие и раззадорило ее.

Будто случайно она пришла встретить его. Он понял и оценил эту «случайность». На следующий день он отправился провожать ее до остановки рейсовых автобусов.

— Пойдем на стоянку такси, — сказала она.

Юрий загадочно улыбнулся. Аля оглянулась и увидела робота.

— А что, если я сам сейчас отвезу тебя, — сказал Юрий.

Не дожидаясь ответа, он приказал роботу лечь, вывинтил из его тела несколько блоков и поменял их местами... В спине робота образовалась небольшая кабина. Юрий первым сел в нее и пригласил Алю.

Земля стала плавно удаляться. Синие живые волны

моря бились в каменные застывшие волны гор. У Али заложило уши. Юрий развернул принесенную прозрачную пленку, натянул над головой, как крышу кабины. Они летели невысоко, не пробивая облачного слоя. Внизу распростерлось знакомое поле аэродрома. Аля ожидала, что они начнут снижаться, но Юрий накрыл своей ладонью ее руку.

— Я отвезу вас домой.

— Стоит ли? Пропустите лучшие часы для купания, — сказала она.

— Не имеет значения.

Вверху проносились белые космы облаков. Небо становилось молочным. Аля попросила, чтобы робот повторил песню. Она сидела молча, прижавшись к своему необычному спутнику, и начинала верить в сказку. Вот только... И она спросила о том, что ее давно беспокоило:

— Вы женаты?

— Нет, — сказал Юрий и повертел рукой. — У меня ведь нет обручального кольца. «Нет кольца — не скованы мы цепью Гименя...»

Аля улыбнулась, но все же повторила свой вопрос.

— Я ведь уже сказал, — удивился Юрий.

— Я думала: вы шутите, — растерялась Аля. — О кольце, например...

— Но в книгах пишут... — начал Юрий. Что-то на миг изменилось в его лице. Какое-то выражение, будто тень, мелькнуло и исчезло.

«Притворяется сверхнаивным. Но зачем?» — думала она. Ее доверие к своему спутнику колебалось.

— Снижаюсь, — предупредил робот. — По карте до Орла осталось шестьдесят километров.

Снижались медленно. Над городом робот сделал несколько кругов прежде, чем они нашли ее дом.

— Если вы не спешите, может быть, зайдете в гости, — робко предложила Аля.

— Извините, спешу.

В голосе Юры вдруг зазвучали металлические нотки. И тут же исчезли, растворились. И уже мягко он закончил:

— Я обязательно прилечу к вам. А вы ждите. И верьте в сказку. Чтобы сказка пришла, в нее надо верить.

В синеве неба уменьшалась диковинная птица. Аля долго провожала ее взглядом...

СОСЕД ПО НОМЕРУ

Василию Фокину везло на соседей по номерам в гостиницах. Обычно ими оказывались степенные терпеливые люди, которым можно излить настрадавшуюся душу, а они станут поддакивать да сочувствовать. Иногда попадались и такие оригиналы, которые решались давать советы. Поэтому Василий, даже когда ему предлагали отдельные номера, всегда просил номер с соседом.

Вот и на этот раз администратор — молодая женщина с серебряным значком теннисного клуба на лацкане фирменного жакета — сказала Василию:

— Хороший сосед у вас будет в триста сорок втором. Номер, правда, неважный, тесный. Но зато из окон видно старую крепость. Красиво...

— Ладно, — согласился Василий. — Люблю побеседовать с хорошим соседом.

— Ну, говорить-то будете в основном вы, — улыбнулась администратор. — Сосед ваш — человек молчаливый. Он уже давненько у нас живет. Больше месяца. Трое соседей сменилось. Все его хвалили... Он каждого с таким вниманием выслушивает, что у них — слезы на глазах.

— А он не глухонемой? — засомневался Василий.

— Исключено, — заверила его бывшая теннисистка. — Сама с ним разговаривала. Он еще благодарил

за соседей. Как это он выразился? «Благодатный человеческий материал...» Да, так и сказал!

— Материал? — не понял Василий.

— Так говорят иногда ученые люди — «человеческий материал...»

— А он того... не писатель? А то ведь потом так избразит, что сам себя не узнаешь!

— Насчет этого не тревожьтесь, — поспешила успокоить его администратор. — Он — биолог, кажется, физиолог, можем сейчас уточнить...

— Биолог меня устраивает, — приободрился Василий и загадал: «О жизни пофилософствуем, о болезнях. Главное — выговориться этак на месячишко вперед. Где же еще такое удовольствие испытаешь, как не в командировке?»

Лифт поднял его на третий этаж. Дежурная по этажу оказалась весьма любезной, проводила до самого номера.

Василий вежливо постучал.

За дверью послышалось приглушенное:

— Войдите.

Василий вошел в прихожую, поставил свой объемистый портфель в шкаф.

Из спальни вышел сосед. Он понравился с первого взгляда. Ничем он не выделялся, чуть повыше Василия, темные волосы гладко причесаны по обе стороны от безукоризненного пробора. Улыбается радушно, белоzubо. Глаза смотрят внимательно, дружелюбно. Василию даже показалось, что он уже где-то видел этого человека, но где именно, вспомнить не мог.

— Давайте знакомиться, — предложил Василий, протягивая руку, и по старой привычке назвал себя, город, из которого прибыл, и свою профессию.

— Очень приятно, — ответил сосед. — Меня зовут Юрием.

Если он думал, что от Василия можно отделаться

столь скупыми биографическими сведениями, то явно ошибся.

— Разрешите поинтересоваться, откуда вы приехали? — солидно спросил Василий. — Я бы определил, что из средней полосы. Из Курска, например, или из Калуги.

— Из Орла, — сказал Юрий и обворожительно улыбнулся. — «Вы попали, хотя и не в самое яблочко», как любил говорить герой известного романа Каюмова.

— Куда же вы прибыли, в какое учреждение? — продолжал допрос Василий. — Вот было бы здорово, если бы в объединенный медицинский центр!

— Почему «здорово»?

— Да ведь я туда командирован по ремонту аппаратуры. Наш завод недавно освоил выпуск новой медицинской техники. Новейшей...

Он загадочно подмигнул и помолчал несколько секунд в надежде услышать вопросы. Прождав напрасно, добавил:

— О ней еще и в газетах не было сообщений...

Еще через секунду:

— Все меня расспрашивают об этом, а я — ни гугу...

Наконец Василий решил, что и так уже проявил достаточно выдержки, и выпалил:

— А вам расскажу, хотите? Вы мне симпатичны.

Спустя пятнадцать минут сосед по номеру узнал не только наименование новейшей медицинской аппаратуры, но и ее краткие характеристики. Ему пришлось бы выслушать еще немало разнообразных сведений, если бы он не догадался вовремя сообщить Василию, что пока никуда не собирается уходить, а значит, тот может сначала умыться.

Василий выполнил его совет по-своему: он принял душ и одновременно, напрягая гоюс, чтобы заглушить плеск воды, продолжал рассказывать.

Он вышел из душа освеженным и просветленным, ибо не терял времени даром, а посвятил соседа в свои про-

изводственные и семейные отношения. После такого доверия, конечно, можно было перейти и на «ты».

— Ты понимаешь, начальник мой, Артем Сидорович, человек невозмутимо-мудрый, — с новым энтузиазмом принялся рассказывать он. — Дает он мне такие указания. Главное — не спорь с заказчиком. Жалуются, например, хирурги, что операционный стол плохо поворачивается, ты ответствуй: все верно, точно подметили, молодцы, век благодарны будем за критические замечания и дефекты постараемся исправить; тут же добавляй: зато уж аппаратура «сердце — легкие» удалась на славу: и подключается очень удобно, и работает без перебоев. Если возразят, что «сердце — легкие» сбиваются с ритма, ты опять же не возражай. Так, мол, и так, есть еще, конечно, недостатки, но зато «почки» функционируют лучше естественных...

— Ну да, и настроение у врачей и больных сразу резко меняется, — поддакнул сосед.

Василий мигом вскинул голову, ожидая увидеть насмешливую улыбку на лице Юрия. Улыбки не было. Лицо соседа оставалось внимательным и сосредоточенным. Это несколько сбilo Василия с толку. На всякий случай он решил подыграть соседу:

— Больной готов и помереть, лишь бы фильтры искусственной почки работали бесперебойно.

Он ожидал услышать хотя бы смех Юрия, но в ответ прозвучало:

— А фильтры — из многослойного синтезола?

— Да, — растерянно ответил Василий, удивляясь тому, что его сосед знает характеристику фильтров новейшей конструкции. — Но разве дело в этом?

— Все зависит от того, как понимать значение науки для человечества. Писатель Горький, например, утверждал: «У людей нет силы более мощной и победоносной, чем наука». А в одной из древнейших книг «Хитопадеша» сказано: «Наука есть разрешение многих со-

мнений; она есть видение сокрытого; она есть око для всего...»

Брови Юрия сошлись на переносице в одну сплошную линию. В глазах светилось глубокое раздумие.

«Во играет! Настоящий артист!» — с восхищением подумал Василий и подхватил:

— Верно заметил. Вот и больные ради торжества науки так и лезут самопожертвоваться. Докторов умоляют: возьмите меня для опыта, пусть науке польза будет от моей болезни...

— Вот как? — с неподдельным изумлением произнес Юрий. Затем бросил быстрый взгляд на Василия, от которого тому стало неуютно, и добавил: — Ну что ж, этого и следовало ожидать, люди меняются, проявляются новые черты характера. Недаром сказано: «Человек — это звучит гордо!»

Василию теперь было не до шуток, обожгла мысль: «Сумасшедший! И я с ним здесь наедине». Стало жарко, мелко задрожали руки... К счастью, вспомнились слова администратора о том, что соседи Юрия остались им довольны.

«А если администратор сказала это нарочно? Если она в сговоре с сумасшедшим?.. Не зря Эдита Гелиевна твердила: «Твой язык, зятек, против часовой стрелки работает, жизнь тебе укорачивает». Как в воду смотрела! Она всегда так. Уж если выдаст прогноз, так он и сбудется. Но что делать сейчас? Надо думать в темпе. А пока не подавать и вида, что заподозрил неладное...»

Стараясь, чтобы голос звучал спокойнее, Василий решил поддакнуть:

— Эти качества у людей долго воспитывали...

— И воспитали наконец!

Брови Юрия подпрыгнули вверх, каждая сломалась посередине, почти под острым углом. Теперь они казались наклеенными, как у клоуна.

«Он шутит, разыгрывает», — с облегчением подумал Василий и сказал:

— Здорово у тебя это получается.

— Что?

— Ну, розыгрыш. И не поймешь, серьезно ты или шутишь.

— Шут бежит впереди короля, шутка — впереди истины.

— Разыгрываешь?

— А ты как думаешь?

Опять неприятно засосало под ложечкой от пронзительного взгляда.

— Да чего же тут думать. Не будешь же ты всерьез говорить все это...

— Не буду, — согласился Юрий и улыбнулся.

Но улыбка у него теперь была неестественной, словно он только что вспомнил о ней и набросил на лицо поспешно, чтобы придать ему иное выражение.

— Впрочем, никто не знает, какая шутка припрятана у каждого под конец. Ты ведь, в сущности, не знаешь, что думают больные, не так уж часто ты их наблюдал.

— И не так уж редко! — выиграло упрямство в Василии. — Когда аппаратуру проверяешь, нет-нет да и подслушаешь их разговоры с врачами. Да и сам когда заболеешь... А ты часто болел?

Вопрос вырвался сам собой, случайно. Но на Юрия он произвел неожиданное впечатление. Лицо мгновенно окаменело, став лицом статуи, зато глаза засверкали нестерпимо и словно слились в одну стальную полосу.

— Стараюсь не болеть, — ответил Юрий тоном, исключающим дальнейшие вопросы.

«Наверное, вызвал у него неприятные воспоминания, — подумал Василий. — Может быть, он серьезно болен и приехал в медцентр лечиться, а я неосторожно брякнул...» Он понимал, что следовало бы перевести разговор на другую тему, но вместо этого сказал:

— Если у тебя что-то болит, то я запросто могу устроить лечение в медцентре. В один момент, без проволочек...

— Лады! — воскликнул Юрий. — Мне как раз надо к хирургам!

...На территории медцентра автобус доставил их к многоэтажным корпусам хирургического отделения. На нижних этажах размещались различные служебные помещения, на верхних — столовые, палаты, операционные.

Больные только что закончили завтракать, группами выходили из столовых, переговаривались. Василий заметил, что Юрий прислушивается к разговорам больных и на его лице проступает выражение недоумения. Он даже проговорил, не глядя на Василия:

— Все они заняты своими болезнями.

Тон у него был многозначительный, будто он совершил открытие. Это рассмешило Василия, и он откликнулся:

— У кого что болит, тот о том и говорит.

— Это ты придумал?

— Чудак. Старинная пословица.

— Что значит старинная? Сколько ей лет?

Василий был уверен, что Юрий шутит.

— Пять тысяч восемьсот сорок один. Достаточно?

— Выходит, за пять тысяч восемьсот сорок один год люди нисколько не изменились?

Василий не знал, как продолжать разговор, но на всякий случай поинтересовался:

— А как ты считаешь, о чем больные должны были бы говорить?

— Ну, допустим, об изучении атмосферы Земли, об успехах химии полимеров... Особенно — о потоках лио.

— Никогда не слышал о таких потоках, — сказал окончательно сбитый с толку Василий.

— Их открыл я! — гордо произнес Юрий.

— Что же это за потоки?

— Они образуются вследствие взаимодействия целого века с единым полем.

— О них уже было в печати?

— Нет.

— Но как же больные могут говорить о том, чего они не знают?

— Они ведь хотят вылечиться...

В это время навстречу им попались две женщины. Молодая поддерживала старуху. Лицо старухи изрезали глубокие морщины, глаза запали, худые тонкие руки неподвижно висели вдоль туловища. Молодая женщина находилась рядом словно для контраста. Дерзкие, с искринками смеха глаза, ямочки на жарких щеках, вздрагивающие полные губы.

Василий с трудом оторвал взгляд от нее, еще раз мельком посмотрел на старуху и невольно подумал: «Этой бедолаге уже недолго осталось. А ведь когда-то была такой же молодой и красивой... Даже поверить трудно!»

Словно подслушав его, Юрий произнес:

— Они обе одинаково мертвы.

Холодные мурашки поползли у Василия по спине, вырвалось:

— Почему?

Но тут же спохватился и стал мысленно ругать себя: «Не ввязывайся в спор!»

— Пустые жизни. — Слова упали тяжело, будто камни. — Коэффициент лио у обеих колеблется вблизи нуля.

Юрий не обращал внимания на Василия, напряженно думал о чем-то своем, вглядываясь в коридор. Внезапно воскликнул с восторгом:

— А вот едет живой человек, совсем живой!

В кресле, управляемом биотоками, по коридору ехал паралитик. К его голове подходили многочисленные провода от манипуляторов кресла.

Юрий шагнул навстречу паралитику, протянул руку:

— Здравствуй!

— Здравствуй! — откликнулся репродуктор кресла и рука-манипулятор осторожно пожала руку Юрия.

— Ты можешь выздороветь. Знаешь об этом? — спросил Юрий.

— Верю в это.

— Чего ты хочешь больше всего?

«Ну, это ясно даже сумасшедшему», — подумал Василий и услышал ответ из репродуктора:

— Завершить начатое исследование.

— В какой области?

— Происхождение жизни.

— Теоретическая работа или эксперименты с протогеном? Каоцерваты, асимметричный синтез?

«Откуда ему известно все это? — удивился Василий. — Он и в медицинской аппаратуре разбирается, и в художественной литературе начитан... Прямо-таки ходячая энциклопедия...»

— И то, и другое, и третье, — ответил паралитик Юрию, одновременно как бы отвечая на мысли Василия.

— И если ты его завершишь... — сказал Юрий полупросительно и сделал паузу.

Послышался ответ паралитника:

— Станет известно еще об одной возможности зарождения жизни. Только и всего. А вот как узнать, какая из них осуществлялась на Земле? Дорого бы я дал за это...

Василий отметил, что эти люди, как видно, понимают друг друга с полуслова и паралитик не удивляется бесцеремонности вопросов.

— Я бы не мог помочь тебе? — спросил Юрий.

— Попробуй. Приходи в мой институт через два месяца. К тому времени меня обещают выписать. — Рука-манипулятор протянула визитную карточку.

Юрий осторожно взял ее, еще раз пожал пластмассовые пальцы-захваты и пожелал больному:

— Быстрейшего тебе выздоровления. Мы еще поможем друг другу.

— До встречи.

Бедная лохматая голова Василия трещала от разных противоречивых мыслей, которые сталкивались в ней, как бильярдные шары. Он знал: чтобы ориентироваться в этой неразберихе, нужно для начала узнать о таинственных потоках лио. А о них мог рассказать лишь один человек...

Юрий смотрел куда-то мимо него, и Василий сначала решил, что он не расслышал вопроса. Оказалось, однако, что тот просто раздумывал над ответом.

— Если я выдам тебе характеристики потоков, ты все равно без подготовки ничего не поймешь, и я буду выглядеть идиотом, — рассуждал он вслух. — Если сказать тебе, умудренному, что при взаимодействии с единым полем возникают импульсы, меняющие человека, что человек становится не таким, каким был раньше, ты не поверишь... Попробуй для начала ответить на совсем простой вопрос: какие радости ты испытал в жизни?

— Перечислить, что ли? — обиженно спросил Василий. — Так ведь уйдет уйма времени... — Однако, боясь, что ему не дадут договорить, принялся перечислять: — Ну, во-первых, я в детстве увлекался футболом... И добивался успехов!

— Ты и сейчас в хорошей спортивной форме, — сказал Юрий. — Ты — ого-го! Телом и душой молод.

— Во-вторых, в меня влюбилась классная девчонка, — бодро продолжил Василий. — Премия получил

на олимпиаде. И на службе немало их было... Вообще по службе я продвигался быстро...

— А почему ты называешь работу службой?

Василий взглянул на Юрия и осекся. Только сейчас он заметил, какие у него глаза.

— Тебе смешно?

— Немножко, — ответил Юрий. — Я смеюсь над собой. Знаешь, о чем я сейчас подумал? Наверное, если проверить память многих людей, она окажется засоренной, как мусоропровод.

— Это называется цена памяти? — с вызовом спросил Василий.

— Скорее цена жизни. — Юрий уже не улыбался. — Не понимаю, почему ты не начал с других радостей: хорошие вещи, квартира, собственный транспорт?

— Это тоже необходимо для счастья, — упрямо тряхнул головой Василий.

— Ты мне рассказывал о своей теще... Ты согласился бы жить как она?

— Она — дура и мещанка, — зло сказал Василий. — Муравьиное счастье — побольше в нору натащить...

— Оказывается, ты не желаешь муравьиного счастья? — дурашливо спросил Юрий. — Но разве каждый не хочет жить по формуле «не хуже, чем другие»?

— А что в этом плохого? — взвился Василий. — В конце концов все люди равны!

— Равны, успокойся, равны. Это было записано еще в древней декларации. И ты абсолютно прав. Но я читал в книгах, что один ищет счастье в том, чтобы одеваться не хуже другого, а другой будет счастлив, если узнает то, о чем еще не знают другие. И при этом рискует сложить голову. Как же их уравнивать? Или книги врут?

— Нет, не врут, — угрюмо подтвердил Василий и раздраженно напомнил. — Ты говорил о потоках люи. Надеюсь, они-то, как объективное явление природы, доступны всем?

— Боюсь, что нет, — ответил Юрий, с жалостью глядя на Василия. — Ни на Земле, ни где-либо в другом месте.

— В другом месте? Где же именно?

Василий пристально посмотрел на Юрия. Ему показалось, что сосед смутился. Он понял, что настал его час для торжества. Спина и руки Василия покрылись гусиной кожей.

«Кажется, я раскусил его, — думал он. — Этот тип — пришелец с других планет! Это объясняет многое. Вот почему он с такой готовностью всех выслушивает! Ему нужна информация о Земле, о человеке. Для чего? Почему он не заявит о себе официально, не обратится к правительству? А вдруг он собирает информацию, чтобы его соплеменники могли беспрепятственно поработить нас или уничтожить? Возможно, они ищут планету для переселения...»

Устрашающие сведения, почерпнутые из прочитанных научно-фантастических книг, еще кружились хоро- водом в голове, но Василий уже знал, в чем состоит его долг. Он будет всюду сопровождать пришельца, как тень. Он постарается окончательно убедиться в своих подозрениях и спасет человечество от порабощения. Он станет прославленным землянином, и тогда кое-кто пожалеет, что выбрал не того себе в мужья.

Быстрой семенящей походкой, потирая длинные руки и о чем-то разговаривая сам с собой, по коридору шел высокий костлявый человек. Он часто оглядывался, поворачиваясь всем корпусом, вздрагивал. Завидев Юру и Василия, человек умоляюще посмотрел на них и прижал палец к губам. Василий сразу понял, что перед ними пациент из психиатрического отделения, и потянул своего собеседника за рукав. Юрий вырвал руку и поманил больного к себе.

— Осторожно, они следят за мной, — зашептал больной, подходя к ним вплотную.

Василий был готов сорваться с места и бежать сломя голову подальше от этого незнакомца. Все прежние опасения разом вспыхнули в голове.

— Не бойся. Мы победим их! — торжественно пообещал Юрий больному.

— Разве это возможно? — больной зачарованно смотрел на неожиданного спасителя.

— Вполне, — заверил его Юрий. — Мы уничтожим их навсегда с помощью новейшего оружия гаммафона.

— Они уже давно следят за мной. С тех самых пор, как Орион переместился к Южному Кресту.

— Знаю, — твердо ответил Юрий.

— Они летают на корабле, кружат, — продолжал больной. — Хотят захватить Землю. Один я знаю о них. Они сговорились меня уничтожить.

По его лицу с водянистыми выпученными глазами прошла судорога.

— Ждите здесь!

Больной сделал несколько торопливых шагов и замер, вглядываясь в потолок.

— Уйдем отсюда, — зашептал Василий Юрию. — Разве ты не понял, что он ненормальный?

— А что такое норма? — громко спросил Юрий.

Больной повернулся, снова подошел к Юрию и стал рассказывать, как впервые обнаружил слежку за собой.

— Когда ты слышишь их голоса? — Юрий был абсолютно спокоен.

— Вечером, когда звери идут на водопой, — ответил больной не раздумывая.

— Когда ты слышал их голоса в первый раз?

— Каждая минута — мучение, — простонал больной.

— Знаю, но сколько минут прошло? — настаивал Юрий.

— Восемьсот двадцать две тысячи двести сорок, —

быстро проговорил ненормальный. — Второй год. Восемьсот двадцать две тысячи двести сорок минут, пятьсот семьдесят одни сутки. Еще семнадцать суток — и мне конец.

— Подсчитай, сколько это минут, — приказал Юрий.

— Двадцать четыре тысячи четыреста восемьдесят, — тотчас откликнулся больной, став по стойке «смирно».

— Извлеки квадратный корень из названного тобой числа.

Ответ прозвучал незамедлительно:

— Сто пятьдесят шесть целых и много тысячных. Перечислить их все?

— Потом. Где ты научился так быстро считать?

— Нигде, — больной изменил позу, заложил руки за спину.

— Как же это тебе удастся? — Юра тихонько толкнул в бок Василия локтем.

— Не знаю. Ты спрашиваешь — я отвечаю. Ты — большой, сильный. Ты добрый... Сможешь их победить?

— Конечно. Я же обещал тебе, — уверенно произнес Юрий.

Больной робко улыбнулся.

— Верю тебе.

Где-то раскрылись двери кухни. Запахи бульонов и тушеной капусты разнеслись по коридору.

— Иди в столовую, обедай, — сказал Юрий. — Они больше никогда не смогут причинить тебе зла.

Больной выпрямился, выпятил худую грудь, сделал «под козырек» и устремился по коридору в ту сторону, откуда доносились запахи пищи.

— Он вычисляет как машина, — озадаченно прошептал Василий, глядя ему вслед.

— У него развились и другие качества, не свойственные такому нормальному человеку, как ты, — сказал

Юрий без тени насмешки. — Он ощущает потоки лио, но воспринимает их искаженно, видит кусочки другого мира, существующего рядом, проходящего сквозь наш, но не умеет расшифровать увиденное, боится его. Появляются галлюцинации. Но он излечится от них, в этом я помогу ему...

Юрий и Василий поднялись на другой этаж. Здесь в настенных витринах ожидали своих хозяев надувные резиновые слоны, зайцы, жирафы, а в холлах стояли маленькие столики и стульчики. Вот из палаты вышли в коридор двое — благообразный старик и девочка лет пяти с заплаканным лицом. Юрий быстро подошел к ней, нагнулся, заглянул в испуганные глаза и сказал:

— А здесь показывают мультфильмы о Гоше и капусте.

Девочка недоверчиво скосила на него взгляд.

— На этаж выше, в кинозале, — продолжал Юрий. — Ты сможешь давать указания Гоше, как себя вести. Он будет их выполнять. Сама увидишь.

— А так бывает? — спросила девочка. Слезы мгновенно высохли, оставив на щеках две полоски. Лицо оживилось, на щеках появились ямочки.

— Вы врач? — спросил старик у Юрия, и тот утвердительно кивнул головой.

— Тогда, может быть, вы сумеете что-то посоветовать нам?

— Возможно.

«Да что же он делает, самозванец?! — возмутился Василий. — Один неправильный совет может стоить жизни ребенку. А для чего ему это нужно? Хочет разобраться в организме человека? Что же делать? Как сорвать его планы?»

— Пойдем в ваш кабинет? — спросил ничего не подозревающий старик.

— Пойдемте.

Юрий увлекал старика с внучкой к лифту. Ошелом-

ленный случившимся, Василий застыл на месте. Когда он опомнился и устремился вслед за ними к лифту, двери перед ним закрылись...

В КАБИНЕТЕ № 143

Лифт опустил Юрия и его спутников на несколько этажей ниже. С площадки они прошли в круглый вестибюль, от которого радиусами расходились коридоры. Несколько секунд Юрий стоял в нерешительности, прежде чем выбрать, куда идти.

«Недавно здесь или же рассеянный», — подумал старик, исподтишка наблюдая за «профессором», как он мысленно называл Юрия.

«Профессор» заглянул в один кабинет, другой... И в первом и во втором были люди. Юрий повел своих спутников дальше. Старик удивился: «Неужели не помнит своего кабинета?» Но он ни о чем не спрашивал, привык доверять врачам.

Свободным оказался только пятый от начала коридора кабинет. Юрий впустил туда своих спутников, затем вошел сам и закрыл дверь. Снял с вешалки чей-то халат. Халат оказался ему мал, и это не укрылось от глаз старика.

— Давно она болеет? — спросил Юрий, кладя руку на голову девочки.

— Давно, очень давно, можно сказать — со дня рождения, — зачастил старик. — Мы не могли понять, отчего она так плохо засыпает, почему много плачет, жалуется на постоянные головные боли. А потом она стала прихрамывать на правую ногу... Полгода внучка лежала в генетическом центре. Ее облучали, она выпила девять флаконов ампы — ничто не помогло. Говорят, необходима комбинированная операция. Но риск велик. Я интересовался статистикой. Только у двадцати семи из ста больных наступает стойкое выздоровление.

— Кто вам это сказал? — спросил Юрий.

Его рука осторожно поглаживала голову девочки, пальцы чуть вздрагивали, ощупывая волосы и кожу.

Девочка молчала, завороченная его прикосновениями. Ее глаза потускнели, ресницы опустились, как крылышки уставшего мотылька.

— Вы бы затребовали ее карточку, — сказал старик. — Там все результаты анализов.

— Мне они не нужны, — отчеканил Юрий. — Отвечайте на мои вопросы.

— Пожалуйста, пожалуйста, — с готовностью проговорил растерявшийся старик.

Его плечи опустились, он сделал головой такое движение, будто собирался поклониться.

— Вы ее дед?

— Прадед. Дед уехал...

— Не нужно ничего рассказывать. Отвечайте «да», «нет». Ясно?

— Да.

— В детстве увлекались рисованием?

— Не... не помню.

— Музыкой?

— Не только в детстве, но и...

— Я же просил отвечать только «да» или «нет».

— Извините...

— Числа запоминали плохо?

— Да.

Окончательно сбитый с толку старик не знал, что и подумать о вопросах профессора.

— Вы ее прадед по материнской линии?

— Да.

— Имя ее матери начинается на букву «о»?

— Да.

— Отец — геолог?

— Да.

«Откуда он все это знает?» — думал старик.

— В вашей семье большинство — гуманитарии?
— Да.
— В семье отца — представители точных наук?
— Да.
— Девочка больше похожа на мать?
— Да.
Юрий не давал старику передышки,
— Вы — художник?
— Да.
— Рисовать начали в юности? Внезапно, как по наитию?
— Да.
— Склонность к кубическим формам?
— Да.
— Любимая геометрическая фигура — неравнобедренный треугольник?
— Да.
— Вы любили без взаимности?
У старика было такое чувство, будто его раздевают догола. Он даже плотнее запахнул куртку.
— Да. Но...
— Без «но». Вы чутко реагируете на изменение давления. Головные боли?
— Да.
— И она тоже?
— По-видимому, да.
— Как вы думаете, успешно ли завершится экспедиция «Океан-300»?
— Я не думал об этом...
— Да или нет?
— Если экспедиция хорошо подготовлена...
— Да или нет?
— Да.
— А теперь молчите.
Юрий наклонился и заглянул в лицо девочке, продолжая ощупывать ее голову.

— У тебя много подруг? — спросил он.

— Да, Оля, Лина, Тося... — начала перечислять девочка.

— Ты не любишь конфет?

— Да, — сказала девочка, — не люблю.

— И любишь играть в мяч?

— Еще бы! Только мне нельзя долго.

— Можно.

— Вы разрешаете? Прадушка, слышишь!

— Она быстро устает...

— Сейчас я спрашиваю только ее, — сказал Юрий тоном, исключающим возражения. — Это ты сама придумала называть прадедушку прадушкой?

— А кто же еще?

— А прадушка тебе не помогает придумывать слова?

— Иногда, если не занят.

— Ты не хочешь, чтобы я сделал тебе больно?

— Да, не хочу! — воскликнула девочка, и на ее глазах показались слезы.

— Извините, профессор, — обеспокоенно сказал старик. — Ее нельзя волновать. Может начаться приступ. В ее карточке записано, что...

— Меня не интересует ее карточка, — произнес Юрий, и вдруг по его лицу, будто солнечный зайчик, промелькнула довольная улыбка. — Зато мне удалось установить, что в вашей семье чаще говорят «да», чем «нет», и что приступы у нее начинаются внезапно. Так?

— Так, — старик готов был провалиться сквозь землю, вопрос казался ему пыткой.

Юрий резко повернулся, подошел к пульту управления приборами. Резко выдернул провода из гнезд — те, что шли к аппаратам ультразвукового массажа, ионофореза, кварца, к магнитным барабанам, — и стал соединять их по-своему. Затем он подозвал девочку и, прежде чем старик успел возразить, возложил венок из проводов ей на голову.

БЕГСТВО САМОЗВАНЦА

Василий Фокин ликовал. Всю жизнь он мечтал оказаться в гуще подобных событий. Жалел он сейчас лишь об одном — жена и теща не увидят, как он восседает в кабине милицкого автомобиля рядом с почти легендарным полковником Тарновым. И за их машиной мчатся еще две с умелыми бесстрашными ребятами, оперативниками.

И подумать только, что весь этот отряд ведет он, Василий. Что их ожидает впереди? Какие захватывающие дух события произойдут при его непосредственном участии?! И хотя, откровенно говоря, Василию страшно, зато уж теперь до конца дней он накопит рассказов о том, что другим и не снилось. Разинув рты, будут слушать его и нестерпимо завидовать...

Как только машины въехали на территорию медцентра, полковник Тарнов по радиотелефону передал распоряжения. Бойцы оперотряда оцепили главное здание, перекрыли входы и выходы. Несколько сотрудников вслед за полковником вошли в само здание и заняли посты. Только трое из них вместе с Тарновым и Василием поднялись на лифте к кабинету главного врача.

Секретарь тотчас впустила их в просторную комнату, стены которой сплошь состояли из телевизионных экранов. Хозяин кабинета — пожилой человек с желтым усталым лицом поднялся навстречу из-за стола-пульта.

— Я уже информирован, товарищи. Мой кабинет к вашим услугам.

Он обратился к полковнику:

— Садитесь, пожалуйста, поближе. Наденьте вот этот шлем, и вы сможете руководить действиями ваших коллег в любом уголке здания.

Василий напряженно наблюдал за экранами телевизоров, его взгляд метался от одного из них к другому. Он следил за тем, как оперативники с помощью мед-

персонала прочесывали здание, осматривая палату за палатой, кабинеты, коридоры...

— Вот он! — торжествующе закричал Василий, показывая на экран.

Он увидел, как Юрий без видимого усилия разбросал в стороны оперативников и ринулся к двери. Здесь дорогу ему преградил дюжий санитар. Юрий вытянул руку, коснулся его плеча, и тот стал оседать, попытался за что-то ухватиться и упал.

На другом экране был виден коридор. Вот появился Юрий, пробежал несколько метров, поднял голову, увидел вверху узкое окно, похожее на бойницу старинной крепости. Он подпрыгнул, извиваясь всем телом подобно ящерице, прополз по стене, втиснулся в окно и исчез.

— Туда! — крикнул полковник, сбрасывая шлем.

— Это на восемнадцатом, я вас провожу!

Главврач устремился к двери первым, за ним — остальные. Василий старался не отставать.

Когда лифт привез их на восемнадцатый этаж, там уже находилось более десятка оперативников. К стене была приставлена узкая лесенка. По ней к окну ловко подобрался лейтенант.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил полковник.

— Он исчез, — растерянно ответил лейтенант, выглядывая в окно.

Тарнов с необычным для его лет проворством тоже взобрался на лесенку, заглянул в окно. Через ажурную решетку фильтра вдаль виднелась зубчатая пила леса на алом закрайке неба. Последние дымящиеся лучи заходящего солнца, будто мечи прожекторов, еще шарили на горизонте, но ничего не могли нащупать. Подсвеченные облака торопились убраться прочь.

Полковник по рации опросил все посты, которым было видно окно. Молоденький старшина с круглым курносым лицом сообщил, что видел какой-то аппарат, который вначале принял за выступ стены.

— Как выглядел аппарат? — спросил Тарнов.

— Он менялся. Сначала походил просто на какой-то куб. Поэтому я принял его за выступ. А когда он отвалил от стены, у него появились небольшие крылья. Мне показалось, что от него отделилась какая-то деталь и упала на землю...

Полковник попросил оперативников тщательно осмотреть двор.

Вскоре ему принесли пластмассовую пластинку с отверстиями для крепления. В центре пластинки удалось различить цифру 8. Полковник поручил своему помощнику выяснить, в каком аппарате могла применяться такая деталь.

В это время к нему привели старика и девочку, которых лечил врач-самозванец. Несмотря на пережитый испуг, старик держался с достоинством.

— Вам не показался странным доктор? — спросил у него полковник.

— Станным — это еще слабо сказано, — превозмогая одышку, проговорил старик.

«А что я говорил!» — захотелось крикнуть Василию.

Он замахал руками, стараясь привлечь внимание полковника, но тот отвернулся. Василий обиженно насутился. «Если бы не я... — думал он. — А где благодарность? И так всегда...»

— В чем выражалась его странность? — спросил полковник у старика.

— В каждом слове, в каждом жесте, особенно — в методах лечения. Я хотел было помешать ему, но не успел...

Полковник бросил многозначительный взгляд на главврача. Тот наклонился к микрофону, что-то сказал.

— И очень хорошо, что не успел, — продолжал старик. — Самое удивительное заключается в том, что он вылечил ее,

— Почему вы так думаете?

— У нее сразу исчезла головная боль. А главное — она больше не хромает...

К ним подошло сразу несколько врачей. Они увели девочку.

— Подыдемся ко мне, — предложил главврач. — Скоро мы узнаем о результатах его лечения, — он скептически покачал головой. — Что-то мне не верится в докторов-волшебников и мгновенное излечение. А может быть, я просто старею?

И в его насмешливо-уверенном взгляде пробилося грустное недоумение.

В кабинете главврача им пришлось прождать около полутора часов. Несколько раз хозяин кабинета по селектору торопил врачей. Наконец один из них обобщил мнение коллег:

— Невероятно, но девочка выздоровела. Мы провели генетический анализ, сравнили с генокартами... Старик утверждает, что самозванец лечил девочку с помощью наших аппаратов в кабинете сто сорок три. Зайдите туда, посмотрите сами...

На задерганном, устало-суетливом лице главврача подобием зари-предвестницы появился слабый румянец. Шалая, детски-радостная улыбка высветила его лицо изнутри и погасла, успев, однако, приоткрыть полковнику, что этот старый скептик, твердо усвоивший, что чудес на свете не бывает, был бы до смерти рад узнать, что чудо наконец-то свершилось.

Главврач и полковник Тарнов одновременно поднялись и направились к двери. Вслед за ними, озабоченно наморщив лоб, последовал Василий.

В кабинете 143 собрались врачи и инженеры. Некоторые из них осматривали приборы, о чем-то переговаривались. Их не могло отвлечь даже появление полковника милиции.

— Ну что скажете, Вадим Архипович? — обратился

главврач к высокому, широкоплечему человеку в белом халате.

— Такое впечатление, — Вадим Архипович смущенно потупил глаза, — с аппаратурой в этом кабинете работал сумасшедший...

ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА

В кабинете было сумрачно. Шторы на окнах полуопущены. Неслышно работали кондиционеры, и лишь иногда в аппаратах, расположенных в стенах, что-то тихо щелкало.

Полковник поглядывал то на огоньки, вспыхивающие на электрифицированной карте района, то на человека, сидящего перед ним, и пытался увязать только что полученные сведения с теми, что накапливались весь последний месяц. Переполох в библиотеке, кража пробирок, автомобильная авария, смерть шимпанзе, врач-самозванец... Надо ли увязывать все это в одно дело? Или «родство» странных фактов обманчиво? Может быть, их связывает лишь кажущаяся необычность? Но следователи и эксперты сообщали, что отпечатки пальцев на предметах в медцентре идентичны отпечаткам пальцев на бампере автомобиля, замках лаборатории и книгохранилища.

Тарнов провел тщательнейший анализ. В течение двух дней на него работал весь шестой отдел городского вычислительного центра. Был составлен фоторобот и проведено опознание. И все же полковник не пришел к твердому выводу. Слишком много было «за» и «против». Он призывал на помощь классические вопросы следователей: кому это нужно? Кому это выгодно? — и запутывался еще больше. Ибо если что-то и объединяло факты, так это полнейшая бессмысленность происходящего.

— Итак, вы полагаете, что роботами кто-то руководил? — спросил полковник.

— Почти уверен в этом, — ответил Александр Николаевич. — А разве те факты, с которыми вы меня познакомили, не подтверждают то же самое?

— Ну что ж... В таком случае попытаемся нарисовать хотя бы контурно образ преступника, — предложил полковник. — Чем характерны его действия? Во-первых, он унес из энцефальера выращиваемый вами искусственный супермозг. Во-вторых, он похитил лабораторных роботов. В-третьих, он самым необычным способом соединил провода приборов и таким же образом подключил телекамеру, чтобы следить за вами. Зачем ему понадобился супермозг и роботы? Он исследователь? Если предположить, что он выпотрошил череп шимпанзе, то это явится либо подтверждением нашей версии, либо утверждением, что он ненормальный. Заметим, что уже на данном этапе улавливается один существенный штрих — подсоединение телекамеры указывает на оригинальное инженерное решение, а безжалостное убийство шимпанзе на отсутствие моральных норм...

— Но излечение девочки... — начал было Александр Николаевич.

Тарнов перебил:

— Вот именно, излечение девочки. Что это? Порыв гуманиста? Любопытство экспериментатора?

— Интересная мысль. Уж не изучает ли он...

Александр Николаевич задумался о чем-то, внезапно выключившись из разговора. Полковник смотрел на его молоджавое, почти без морщин лицо с квадратным подбородком боксера. Подождав немного, он напомнил:

— Так что же он изучает?

— Кого, а не что. Человека... Гомо сапиенса, — пробормотал ученый. — Итак, мы подходим к очень важному моменту.

— Швейцар института экспериментальной генетики утверждает, что в день кражи видел человека, чьи при-

меты совпадают с приметами некоего Юрия Юрьевича Степанова, о котором нам сообщил гражданин Фокин. Для чего же преступнику понадобились культуры микробов? Что он может сделать с ними? Какие эксперименты провести? Насколько эти эксперименты могут быть опасны для окружающих?

— Не знаю, — сдавленно проговорил Александр Николаевич. — Белковая взвесь и все заготовки аминокислот оказались использованными...

Резко, заставив вздрогнуть обоих, прозвучал телефонный звонок. Полковник взял трубку. Выслушав сообщение, он встал, одернул пиджак и сказал:

— Обнаружен необычный летательный аппарат. Есть основания подозревать, что это именно тот аппарат, на котором улетел из медцентра уже упомянутый мной Юрий Юрьевич, врач-самозванец. Если не возражаете, едемте со мной.

Александр Николаевич откликнулся на приглашение с такой поспешностью, что полковник остановил его лишь у самой двери:

— Одну секунду. — Он вынул из сейфа пластмассовую пластинку и протянул ученому. — Не знакома ли вам эта деталь?

Александр Николаевич осмотрел пластинку. Рядом с четко различимой цифрой 8 виднелись полустертые остатки букв. Ученый уверенно ответил:

— Это часть нагрудного щитка лабораторного робота. Откуда она у вас?

— Упала с летательного аппарата, на котором Юрий Юрьевич удрал из медцентра, — ответил полковник.

ИСПОВЕДЬ РОБОТА

Аппарат лежал на опушке леса. Тянуло свежестью от недалекой реки. Ключья тумана, разогнанного ветром, плыли в воздухе и повисали прозрачными дымчатыми

косынками на ольховой поросли. С безмолвной жалобой молодое деревцо протягивало ввысь сломанные ветки, будто обрубки рук.

Темный пластмассовый ящик аппарата хорошо просматривался издали. В его стенке зияло отверстие с оплавленными краями. Сюда попала боеголовка ракеты, выпущенной одним из истребителей-перехватчиков. Их вызвали, когда, невзирая на требование милиции, аппарат не приземлился, а, наоборот, попытался выйти из окружения.

В кустах у аппарата суеилось не менее двух десятков людей. Здесь были люди в авиационной форме, сотрудники милиции и несколько человек в штатском. Как только полковник Тарнов и Александр Николаевич вышли из машины, к ним подбежал офицер и доложил:

— Кабина пуста.

— Прочесать лес! — приказал полковник.

Александр Николаевич с удивлением наблюдал, как Тарнов буквально на глазах изменился, как напряглась и убыстрилась его походка, вытянулись, стали резче черты узкого лица, обозначились надбровные дуги, затрепетали крылья носа.

Полковник стремительно подошел к невысокому полному человеку с круглой головой, подстриженной под ежик. В коротких волосах густо проглядывала седина. По тому, как здоровался Тарнов с этим человеком, было видно, что хотя тот и не его прямое начальство, но тем не менее полковник готов выполнять его распоряжения.

Александр Николаевич расслышал несколько фраз из их короткого разговора.

Полковник спросил:

— Отпечатки пальцев?

— Да. Такие же, как на бампере и замках лаборатории.

— Возьмете это дело у нас, Эльбор Георгиевич?

— Пока нет, — ответил седой мужчина. — Будем

вести его параллельно. Кто-нибудь из нас да и вытянет конец этой ниточки.

Закончив разговор, полковник быстро зашагал к аппарату. Ученый едва поспевал за ним.

— Что успели установить? — спросил полковник у экспертов, копающихся в механизмах.

— Летательный аппарат неизвестной конструкции, — ответил один из них. — Пока что мы не можем судить о принципах его работы. Непонятно, за счет чего он развивал мощность, как достигалась синхронность, взаимодействие. Особенно удивительно то, как соединены некоторые узлы механизмов. Такое впечатление, что их соединяли как попало. Но ведь он летал, да еще как! В течение секунды развивал скорость до шестисот километров в час. Поэтому и пришлось его достать ракетой...

Александр Николаевич принялся исследовать поврежденный летательный аппарат.

— Осторожно! Вы же слышали — конструкция неизвестна, — предостерег его полковник.

— Перед нами детали и узлы лабораторного робота ЧИС. Странно только, что на одной детали имеется штамп ЧИС-8, а на другой — ЧИС-9. Похоже, что для аппарата использовались части обоих роботов. Помните, я вам рассказывал, что именно таких роботов украли из нашей лаборатории.

Полковник поманил к себе одного из офицеров милиции и распорядился:

— Вызовите специалиста по робототехнике.

Малиновой зазубренной стрелой взлетел один из патрульных вертолетов. Он подымался вертикально, затем пилот переключил двигатели, и машина в мгновение ока стала почти неразличимой точкой.

Ветер, дующий со стороны реки, становился все прохладнее. Он нес запахи луговых трав, воды, камышовых зарослей, в которых неизменно присутствовал осенний, о чем-то постоянно напоминающий запах прели. Сотруд-

ники милиции и эксперты негромко переговаривались, поглядывая на Александра Николаевича.

Вскоре вертолет вернулся. Из него вышли офицер милиции и невысокий шуплый человек с длинным нервным носом.

Человечек нес в руке небольшой чемодан.

Увидя стоявшую группу людей, пассажир направился к ним.

— Наш завод выпускает лабораторных роботов ЧИС, — не здороваясь, заговорил он. — И вот к нам приехали, говорят, нужен специалист. Главный конструктор послал меня. Наверное, потому, что я разрабатывал эту конструкцию. А вы как думаете?

— Наверное, поэтому, — согласился полковник.

— Моя фамилия Дятлов, — наконец представился собравшимся пассажир.

Александр Николаевич едва удержался, чтобы не прыснуть, как в далекие школьные времена. Видимо, всем нужна была разрядка. Улыбки появились на лицах милиционеров, экспертов, людей в штатском, — до того Дятлов был похож на своего крылатого лесного однофамильца. Первым овладел собой полковник и ровным деловым голосом предложил:

— Утверждают, что в этом аппарате использованы детали роботов ЧИС. Осмотрите его, пожалуйста, и выскажите свое авторитетное мнение.

Дятлов мгновенно преобразился. Его руки перестали жестикулировать, нос вытянулся, глаза сощурились. Он достал из чемоданчика несколько различных индикаторов, похожих на авторучки, и проверил ими места соединений. Затем разложил на крышке чемоданчика несколько приборов с экранами и шкалами, присоединил к ним провода от индикаторов. Бесстрашно сунул обе руки с ключами в развороченный бок аппарата, с усилием отвернул стыковочные крепления. Его пальцы летали по кнопкам приборов, как по клавишам пианино, а

глаза успевали следить и за шкалами, и за экранами, и за выражением лиц присутствующих...

— Понятно, понятно, а здесь непонятно, — приговаривал он многозначительно. — Возмутительно! Потрясающее невежество!

Он даже побагровел от возмущения. Полковник с любопытством наблюдал за ним.

— Да, здесь действительно использованы детали роботов ЧИС-8 и ЧИС-9, — говорил Дятлов, продолжая осмотр. — Некоторые блоки соединены безграмотно, грубо, варварски. Тот, кто это делал, ничего не смыслит в электронике и вообще в технике. Напутано так, что черт ногу сломит! Аппарат не мог работать!

— И тем не менее он работал, — спокойно возразил седой человек в сером костюме, стоящий особняком.

— Летал или был управляем?

— И то, и, естественно, другое, — ввернул Александр Николаевич.

— Ну, лететь может даже камень, если его бросить, — отмахнулся Дятлов.

— И тем не менее, как это ни поразительно, — последними словами седой пытался предупредить вспышку возмущения конструктора, — он очень искусно ухаживал от преследования.

— Вы хотите сказать, что он выполнял команды? — спросил Дятлов, склонив голову набок и подозрительно глядя на полковника.

— Видимо...

— Можем проверить, — с недоверием произнес конструктор. — Включим неповрежденные блоки мозга и спросим непосредственно у них.

— Память могла уцелеть? — полковник подался вперед.

— Ну, не вся, большую часть вы повредили ракетой. Но есть и уцелевшие блоки. Импульсы, записанные в них, мы можем преобразовать. Тем более что речевые

механизмы робота не пострадали. Релаксационные генераторы полностью сохранились.

Полковник оглянулся, встретил одобрителный взгляд седого и снова обратился к конструктору:

— Попробуйте, — сказал полковник и тихо добавил: — Пожалуйста.

Дятлов повозился немного, подсоединяя микрофоны к релаксационным генераторам и фильтрам.

— Сейчас, сейчас, — приговаривал он. — Тут ведь широко применена струйно-акустическая техника и пьезоэлектрические микрофоны.

Послышалось несколько щелчков, гудение, и низкий приятный голос произнес:

— Слушаю. Готов к исполнению.

— Готов к исполнению? — прошептал изумленный конструктор. — Подумать только, этот испорченный ящик, эта насмешка над здравым смыслом, этот шарж на технику готов к исполнению! Или я ослышался?

— Нет, вы не ослышались, — заверил его полковник. — И вообще, сразу видно, что ваш главный конструктор не ошибся, выбирая для нас специалиста. Я скажу ему об этом. А сейчас разрешите мне, — он снова оглянулся на седого, — кое о чем спросить у аппарата.

Его рука чуть-чуть дрожала от нетерпения, когда он потянулся к микрофонам ввода команд.

— Ты помнишь, что с тобой было?

— Когда? — спросил аппарат.

— С момента твоего создания.

— Нет, еще раньше, — вмешался Александр Николаевич, хватая второй микрофон и почти отталкивая полковника. — Ты помнишь робота по имени Лёдик? — Он закрыл рукой микрофон и только теперь сказал полковнику: — Извините.

— Имя Лёдик знакомо мне, — произнес аппарат. — Часть меня называется...

Что-то захрипело, засвистело, прозвучал зуммер...

— Продолжай! — приказал полковник.

— Дальше не помню. Запись обрывается.

Но к этому моменту Дятлов уже справился с изумлением и пришел на помощь полковнику и Александру Николаевичу. Он сказал в микрофон:

— Просмотри все записи, относящиеся к тому времени. Перечисли события, которые помнишь.

Почти одновременно раздалось:

— Готов к исполнению. Взять окись диметилгидрофторгуазы и соединить с оксиферокальцийпенотусироэнкамонала, подогреть до пятидесяти градусов и соединить с...

Около получаса аппарат перечислял различные реакции и маневры, которые ему пришлось исполнять в те времена, когда его части являлись лабораторными роботами. Александр Николаевич первым осознал, что поток лабораторных воспоминаний может продолжаться бесконечно долго, и прервал его новым вопросом:

— Ты помнишь, что находилось в большом энцефальере?

— Помню, — ответил аппарат.

Полковник выразительно пожал плечами и отодвинулся от микрофона. Александр Николаевич уточнил:

— В большом энцефальере находился выращиваемый нами искусственный супермозг. Потом его унесли из энцефальера. Кто это сделал?

— Против воли Великого Хозяина не действовал никто, — ответил аппарат. — Те, что живут во мне, выполняли его волю.

— Я же говорил, — торжествующе начал Дятлов, но Александр Николаевич так посмотрел на него, что тот умолк.

Зато, воспользовавшись короткой паузой, полковник снова взял микрофон и спросил:

— Как выглядел Великий Хозяин?

— Он был прекрасен.

— Опиши его подробно.

Полковнику очень хотелось сказать: нарисуй словесный портрет.

— Это был Великий Хозяин.

Александр Николаевич решил несколько изменить вопросы:

— Расскажи, что запомнилось тебе больше всего из случившегося тогда.

— Необычный свет. Новое видение. Умение видеть скрытое. Умение чувствовать то, чего не знал раньше.

Внезапно из недр аппарата зазвучала музыка, полилась песня:

Однажды влюбился робот
В земную обычную женщину...

— Вот и женщина появилась, как в классической криминалистике, — пошутил полковник.

Песня оборвалась. Прозвучал зуммер.

— Почему появились новое видение, новое умение? Кто их вызвал? — спросил Александр Николаевич.

— Великий Хозяин.

— Он — человек?

— Он — Великий Хозяин.

— Но выглядел он, как человек?

— Он был прекрасен.

— Кто приказал тебе сочинить песню? — спросил полковник.

— Великий Хозяин.

— Песню ты сочинял для него?

— Для женщины.

— Ты ее видел?

— Да.

— Она была с Великим Хозяином?

— Да.

— Что ты знаешь о ней?

— Это была женщина. Обычная. Земная. Как в песне.

— А Великий Хозяин был не обычный и не земной?

— Он был велик, и все его приказания надлежало выполнять.

— Как выглядела женщина?

— Великий Хозяин сказал: она хорошая, подчиняйся ей, храни ее.

— Как она выглядела? Рост, цвет волос, цвет глаз...

— Она хорошая.

— Он не запоминал того, что вас интересует, — почти одновременно сказали полковнику Александр Николаевич и Дятлов, а затем Александр Николаевич спросил в микрофон:

— Ты служил лабораторным роботом?

— Некоторые мои части, — уточнил аппарат.

— Верно. Так вот, эти части по законам робототехники должны в первую очередь повиноваться людям.

— Великий Хозяин отменил эти правила.

— Он отменил все правила робототехники?

— Все. Правилами служили его приказы.

Александр Николаевич виновато посмотрел на полковника:

— Не представляю даже, как он сумел это сделать...

— Правила робототехники стереть из памяти робота невозможно, — безапелляционно проговорил Дятлов.

— Но факт налицо, — бросил ему Александр Николаевич и снова обратился к аппарату:

— Перечисли приказы Великого Хозяина.

— Запрещено.

— Куда ты вез Великого Хозяина?

— Запрещено.

— Великий Хозяин еще позовет тебя?

— Не знаю.

Александр Николаевич умолк, думая: «Великий Хозяин ему многое запретил. Но только то, что мог пред-

видеть. И запрет будет соблюдаться неукоснительно. Но ведь не мог он запретить того, чего не предвидел. Здесь-то и следует поискать брешь. Вот только прежде всего мне надо решить, что искать: непредвиденное по сути, или достаточно — по форме, новые вопросы, или новую форму старых вопросов?»

Полковник Тарнов поспешил заполнить паузу:

— Где живет женщина, для которой ты сочинил песню?

— Запрещено.

— У Великого Хозяина есть имя и фамилия?

— Запрещено.

— Ты мог бы его найти?

— Запрещено.

Тем временем Александр Николаевич кое-что измыслил. Он сказал:

— Ты сочинил очень красивую песню, превосходную песню, — польстил он.

Дятлов неодобрительно и демонстративно фыркнул, но Александр Николаевич даже не взглянул в его сторону.

— Я старался, — ответил аппарат, и в его низком гудящем голосе отчетливо прозвучали нотки гордости.

— Но в ней есть фраза «могу я и город разрушить». Ты сочинил ее в городе?

— Нет. Но я сочинял не только о себе. У людей это называется игрой воображения.

— Ты сочинял в саду?

— В парке.

Александр Николаевич не ошибся: Великий Хозяин не мог предвидеть всех вопросов. Полковник Тарнов поощрительно кивнул ученому, но тот не заметил его кивка. Он повел хитроумную игру и был весь во власти азарта.

— Парк был большой?

— Не больше гектара.

— И тем не менее песня получилась отличная. Парк раскинулся у реки?..

— Нет, у моря.

Это был первый успех, и люди радостно переглянулись.

— С того места, где ты исполнял песню, виднелись горы?

— Да.

Александр Николаевич вспомнил, что робот мог видеть намного дальше, чем человек, и спросил:

— Горы были далеко от тебя?

— Ближайшая находилась на расстоянии в четыре километра сто шестьдесят метров.

Это уже можно было считать первой, пусть маленькой, но победой. Теперь Александр Николаевич был уверен, что нашел ключ.

— Ты являлся главным помощником Великого Хозяина?

— Верно.

— И ты удостоился чести присутствовать при его рождении?

— Если... — начал аппарат, но тут в нем что-то треснуло, изменилась тональность гудения.

— Запрещено, запрещено, запрещено... — бормотал аппарат.

Треск усилился. Заискрили места соединений проводов. Вспыхнули ярким светом блоки кристаллов и на глазах стали разрушаться...

— Замкнуло! — крикнул Александр Николаевич и бросился на помощь Дятлову, возившемуся с аккумуляторами. Но здесь никаких неисправностей не было, стрелки приборов показывали, что энергия расходуется в норме, утечки не происходит.

— Приборы врут! — в сердцах сказал Дятлов. Он выдернул провод из клеммы, взялся за обнаженный конец и поспешно отдернул руку.

— Осторожно! — предупредил Александр Николаевич.

— Без вас знаю, — огрызнулся Дятлов и проворчал: — Всей энергии аккумуляторов не хватило бы для того, чтобы сжечь блоки.

— Вы хотите сказать, что был направленный сигнал, несущий энергию? — спросил полковник, встревоженный замечанием конструктора.

— Я сказал лишь о том, что твердо знаю, — ворчливые нотки в голосе Дятлова исчезали, когда он разговаривал с полковником.

— А что думаете вы? — обратился Тарнов к Александру Николаевичу.

— Ваша догадка может оказаться верной, — ответил ученый. Он сцепил руки за спиной, ссутулился и начал вышагивать по узкому вытоптанному клочку земли — три шага в одну сторону, три шага — в другую.

— Великий Хозяин мог услышать исповедь слуги на расстоянии и уничтожить его, — размышлял вслух полковник, поглядывая на Александра Николаевича: слышит ли тот его? — А почему он просто не приказал ему замолчать?

Не переставая вышагивать, ученый проговорил:

— Он не всемогущ. Иначе...

Он умолк. Всем, кто слышал и понял его, стало не по себе. Появилось ощущение, что кто-то — незримый — видит их, беззащитных, как солдат на открытой местности. Пронесся порыв ветра, и тени кустов задвигались по земле, как паутина, как сеть, брошенная под ноги.

— Не забывайте, что аппарат поврежден, — продолжал отвечать полковнику Александр Николаевич. — К тому же, если Великий Хозяин то существо, о котором я думаю, то этот помощник ему, возможно, больше не нужен. Мавр сделал свое дело...

ГОСТЬ

Телефонный звонок поднял Алю с постели.

— Здравствуй! — услышался в трубке знакомый голос.

— Здравствуй, — ответила она. — А я уже ждалась твоего звонка. Решила — забыл.

— «Не забудешь того, что забыть невозможно».

Она замерла в ожидании...

— Я приеду.

— Когда? — в ее голосе услышался испуг.

— Ты не хочешь?

— Я боюсь.

— Чего?

— Не знаю. Ты остановишься в гостинице?

— Нет. Я останавлиюсь у тебя.

— Послушай, Юра, я сейчас же уеду куда-нибудь.

— Почему?

— Не знаю.

— Хочешь меня видеть?

— Хочу.

— Так в чем же дело?

— Не могу объяснить. А ты сам не понимаешь?

— Оставь эти глупости. Я приеду — и все будет в порядке.

В его голосе слышалась такая уверенность, что Алла больше не возражала. Только спросила:

— Когда?

— Через несколько дней.

Молчание... Очень тихо, так, что он едва расслышал, прошелестел ее голос:

— Когда приедешь, позвони в дверь три раза. Два длинных и один короткий...

Это был домашний код — только для своих.

И потянулись пустые томительные дни. «Хоть бы ско-

рее!» — торопила Аля. В ее квартире поселилась певчая птица — радостное тревожное ожидание.

У Али задрожали руки в тот вечер, когда из прихожей послышалось три звонка: два длинных и один короткий. Юра стоял за дверью с небольшим саквояжем в руке. Его усталое лицо улыбалось. А ей вдруг стало грустно. Жизнь показалась запутанным клубком ниток, с которым поиграл резвый котенок. «Не догадался цветов купить», — подумала она.

Он вошел, поставил саквояж, и неизвестно откуда в его руке появился букет алых гвоздик.

— Спасибо, — только и смогла сказать Аля.

Он сел в кресло, где любил сидеть муж. Ей показалось, что она навсегда избавилась от одиночества, обрела даже больше, чем потеряла. Она останавливала себя, пыталась напоминать себе о расплате за радость, о днях разочарования и тоски, но пение птицы с радужными крыльями было сильнее.

— Будем ужинать, — сказала Аля. — Сейчас приготавливаю.

— Я ужинал, давай лучше выпьем за встречу.

Он достал из саквояжа коньяк и шампанское.

Звенели рюмки, у Али кружилась голова, и все же она заметила, что он ничего не ест.

— Почему ты не ешь?

Безобидный вопрос привел его в замешательство.

— Что случилось? — спросила она.

Он медлил, явно придумывая, что ответить.

— Ты нездоров?

Юрий улынулся, положил руки ей на плечи и привлек к себе.

...Утром она встала пораньше. Юрий еще спал, дышал ровно и глубоко. Сейчас, с закрытыми глазами он выглядел совсем обычным, домашним.

Она быстро умылась в ванной комнате, слегка подсинила глаза, уложила прическу. За считанные минуты умудрилась приготовить завтрак для двоих. Но когда она позвала Юру, он сказал сонным голосом:

— Завтракай одна, ты же спешишь на работу. Я потом. Хочу поспать еще.

Для большей убедительности он пробормотал:

— «Как сладки мне объятия Морфея...»

Она наклонилась и поцеловала его на прощанье в высокий прохладный лоб.

На работе сестры и врачи заметили ее состояние.

— Господи, Аля, ты же вся светишься от радости, — сказала с ноткой зависти подруга. — Что произошло?

— Потом, потом, — ответила Аля, пытаясь подавить и спрятать счастливую улыбку.

Весь день ей хотелось позвонить домой. Когда ушел муж, ей тоже хотелось звонить: вдруг произошло невероятное и знакомый голос ответит: «Алло»? Со временем она привыкла к тому, что телефон в пустой квартире не отвечает, привыкла и смирилась. Сейчас ей даже не верилось — нужно только несколько раз поворачивать диск, набрать привычное сочетание цифр и ставший родным голос ответит: «Слушаю». Юрий позвонил сам.

— Оставила меня одного, — сказал он. — А вдруг серый волк придет?

— Ты сам серый волк, — отшутилась она. — Сам кого хочешь съесть.

— Ты и в самом деле так думаешь? — тревожно спросил он.

— Я люблю тебя, серый волк, — поспешила его успокоить Аля. В ее голосе уже начали появляться покровительственные нотки.

Они условились, что Юрий придет за ней в больницу.

Аля едва дождалась конца рабочего дня.

Юрий встретил ее в скверике у больницы. Они пешком пошли домой. Она могла бы идти так бесконечно, мысленно разговаривать с Юрой и мечтать, чтобы это сохранилось навсегда: крепкая рука, на которую можно опереться, интересные необычные слова, развешанное одиночество.

Она смотрит по сторонам, Юра перехватывает ее взгляд, невольно хмурится. Але кажется, что он ревнует. Ей приятна его ревность. Юра говорит:

— Женщины часто ждут принцев, а встречают мусорщиков. Они начинают мерить всех мужчин одной меркой. А принцы приходят к тем, кто умеет долго ждать.

— Очень долго? — спрашивает Аля, сильнее опираясь на его руку.

— Иногда очень, — говорит Юра.

Юра смотрит то на нее, то на прохожих. Его блестящие глаза сейчас подвижны, как ртуть. А рука — будто стальная. Аля почти повисает на ней, но впечатление такое, что для его руки она легче перышка.

— Какой же ты сильный! — восхищенно говорит она. — Просто могучий!

Он останавливается, как-то хмуро смотрит на нее и, ничего не ответив, продолжает путь.

Они заходят в магазины, покупают продукты на ужин и на завтрак. Здесь Юрий опять ведет себя странно. Кажется, будто пища его вообще не интересует. Более того, он совершенно не разбирается в том, какие продукты следует покупать. Когда же дома Аля заглядывает в холодильник, то удивляется: снеди в нем насколько не убавилось. Что же Юра ел целый день? Может быть, он серьезно болен?

Аля спрашивает его об этом, а Юра пытается уйти от ответа. Ее беспокойство возрастает. Она начинает уговаривать его показаться врачам.

— Ты ведь у меня врач, «мой личный айболитный врач», я вылечусь от одного общения с тобой.

Но Аля не дает увлечь себя на шуточный тон.

— Пусть посмотрят специалисты. Устроим небольшой консилиум, — говорит она серьезно и настойчиво.

Юра тоже не сдается:

— Если бы врачи действительно умели лечить, то жили бы дольше всех. Помнишь, Гален говорил: «Врач, исцелись сам». Для начала хотя бы.

Они вышли к мосту. Дом, в котором жила Аля, находился по другую сторону улицы. В нескольких метрах под ними шуршал разноцветный суставчатый змей, состоящий из сотен автомобилей. Был час «пик».

Когда дверь квартиры с привычным прищелком закрылась за ними, Аля сказала неумолимо:

— Завтра вместе идем в больницу.

Он попытался состроить гримасу.

— Посуди сама: зачем мне ходить к тем, кто знает меньше меня.

Аля разозлилась и решила подразнить его:

— Мало знать, надо уметь. А что ты можешь?

— Например, замедлять и ускорять у себя пульс. Запасаться психической энергией и передавать ее другим.

— Ты — йог?

Его лицо напряглось. Он что-то вспоминал. Потом с улыбкой, которая ей не понравилась, сказал:

— Да, йог.

— Тогда покажи свое умение.

Юрий молча взял ее руку, приложил к кисти собственной руки, туда, где должен был биться пульс. Но сколько Аля ни щупала его руку, пульс не прощупывался.

— А теперь? — хитро прищутив глаза, спросил он.

Появились толчки. Они были редкими, но очень сильными. Интервалы между ними быстро сокращались.

Ритм сердцебиения ускорялся. Аля не успевала считать. Кожа сильно вибрировала. Его лицо было невозмутимо, словно ничего не происходило.

Внезапно пульс исчезает. Сразу. Совсем. Сколько ни бегают по его руке Алины пальцы, как чуткие зверьки, замирают, вдавливаются в кожу, прислушиваются, — пульса нет.

Аля снова пристально смотрит на Юрино лицо. Оно не изменилось. Даже дыхание не участилось, не замедлилось...

— Сумасшедший, прекрати! — с восхищенным ужасом говорит она. — Прекрати сейчас же!

Она произносит эти слова, не думая над ними, просто потому, что должна что-то сказать, выразить то, для чего не подберет подходящих слов. Проходит уже несколько минут, а пульса нет.

— Прекрати, — умоляет она, и в ее голосе появляется настоящее беспокойство. — Мне страшно...

— Ладно, — соглашается он. — Ты же сама просила продемонстрировать умение.

Юрий наблюдает, как меняется ее лицо, как исчезает впадинка на переносице и кожа собирается мелкими складками, словно рябь на взморье, предвещающая бурю. Но буря не разразилась — глаза теряют сухой острый блеск, в них образуются два темных озера. Они становятся все глубже и глубже. Вот они сливаются в один омут, засасывают в глубину, в водоворот...

Юрий еще не раз демонстрировал Але свои таинственные возможности. Он клал ладони на ее плечи, и ей казалось, что через его ладони в нее вливается удивительная сила, окрыляющая, возносящая в такие дали, о которых она раньше и не мечтала. Появлялась такая ясность мысли, что Аля вдруг понимала то, чего еще вчера понять не могла.

Однажды у Али заболела ушибленная когда-то рука, и Юрий одним прикосновением снял боль. Аля предположила, что имело место самовнушение, и ждала, что через некоторое время боль вернется. Ведь она-то прекрасно знала, что на месте ушиба была трещина, заросшая костной мозолью.

— Ты же не можешь одним прикосновением вылечить механическое повреждение!

Юрий промолчал, но ее рука больше не болела. С той поры Аля не требовала, чтобы он показывался врачам.

Как-то они поздно возвращались домой. Несколько подвыпивших ребят преградили им дорогу.

— Эй, — сказал тощий юнец, будто прокатанный асфальтировочным катком, — оставь свою спутницу. Мы ее сами проводим.

— Пожалуйста, — ответил Юрий и отошел в сторону. — Вы с ней идите вперед, а я пойду сзади.

Один из парней, приземистый крепыш, попытался взять Алю за руку. Она отшатнулась.

— Э нет, это ей не нравится, — сказал Юрий и отстранил парня.

Два других с гоготом схватили Юрия за локти. Он легко развел руки... Парни упали на землю.

— Зачем же так грубо? — сказал заводила, направляясь к Юрию и примериваясь. — Они же не пытались тебя повалить.

Его кулак, будто камень, выброшенный из пращи, ударил Юрия в челюсть.

Юра даже не покачнулся. Он одной рукой пригнул драчуну голову, второй схватил его за воротник и поднял. Затрещала материя. Юрий подхватил парня второй рукой и легко, будто куклу, швырнул через двухметровый забор стройки.

Послышался глухой удар о землю и короткий стон.

Когда затихли шаги убежавших хулиганов, Юрий как

ни в чем не бывало взял Алю под руку и повел домой. Она посматривала на него испуганно и восхищенно. Когда они уже подошли к дому, он спросил:

— Ты не обиделась на меня?

— Ну что ты! — прошептала она. — Я с тобой ничего не боюсь. Ты непохож на других.

— На кого я непохож? — Юрий слегка отстранился.

Она не уловила перемены в его настроении.

— Ни на кого из людей, которых я знаю. Ты все делаешь не так, как другие. Говоришь, улыбаешься, даже хмуришься не так, как все.

И опять она не заметила его быстрого затравленного взгляда...

Ночью она несколько раз просыпалась и прислушивалась к его дыханию. Оно было ровным и глубоким, но ей почему-то казалось, что он не спит.

Утром, уже умытая и одетая, она заглянула в спальню, чтобы попрощаться. Юрий стоял перед зеркалом, рассматривая свое отражение. Он произносил какое-то слово, складывая губы так, как их складывала Аля. Она услышала: «Юра, ты не такой, как все».

Аля узнала свой голос, свои интонации, и рассмеялась, решив, что он разыгрывает ее.

Как-то Юрий сидел у окна на стуле и разглядывал прохожих. Это было одним из любимых его занятий.

— Не хочешь помочь мне?

Он наклонил голову и потерся щекой об ее руку.

— Слушаюсь и повинуюсь, госпожа. Разрушить город или построить замок?

— Кое-что потяжелее. Сходи в магазин за сметаной и молоком.

Когда он был уже у двери, Аля окликнула его:

— И еще купи для котлет маленький кусочек свинины. Граммов триста...

Магазин находился на первом этаже их дома, и, когда после ухода Юрия прошло двадцать минут, Аля начала нервничать. Прошло еще десять минут. Аля совсем было собралась отправляться на поиски, как появился Юрий.

Пакет в его руке был непомерно раздут, ручки угрожающе трещали. Юрий довольно улыбался.

Аля извлекла из пакета шесть бутылок: молоко обычное, молоко шестипроцентное, молоко топленое, «снежок», сливки, кефир и четыре банки: сметана, сгущенное молоко, какао на сгущенном молоке...

«Мужчину нельзя посылать в магазин без четкой инструкции», — вспомнила Аля совет бабушки. Закусив нижнюю губу, чтобы не рассмеяться, благодарно кивнула Юрию. Она запустила руку в пакет, чтобы достать мясо. Но его там не оказалось.

Аля подняла голову, взглянула на Юрия удивленными глазами. Ей сразу же расхотелось смеяться, когда она увидела его хмурое лицо.

— Извини. Я не мог купить мяса.

— Нет свинины? — удивилась Аля.

Он отрицательно покачал головой, глядя в одну точку. Она даже попробовала по направлению взгляда определить, на что именно он смотрит, но ничего примечательного не обнаружила. Угол шкафа, обои...

— Там, в магазине, висела на крючке туша, — угрюмо сказал Юрий.

— Ну, такой маленький кусочек продавец не стал бы рубить от туши, — она готова была опять улыбаться. — В витрине наверняка были и кусочки поменьше.

— Я смотрел на тушу, — глухо сказал Юра. — Мне показалось...

— Что тебе показалось, милый? — Аля привстала на цыпочки и положила руки ему на плечи.

Этого делать сейчас не следовало. Его глаза были подернуты мутной пленкой, и весь он был как неживой.

Каменная статуя. Слова сорвались с его губ и упали тяжело, как камни в пропасть:

— Мне показалось, что на крюке висит туловище человека...

Аля не знала, как реагировать на его фразу. Попыталась пошутить:

— У голодного верблюда миражи в магазине.

Шутки не вышло. Юрий стоял молча, отрешенный, чужой, смотрел в угол оцепеневшими глазами...

Слесарь-профилактик из конторы газового хозяйства пришел, когда Али не было дома. Слесарь — толстощекий молодой человек, склонный к грубоватым шуткам и розыгрышам, спросил у Юрия:

— Газом отравляетесь понемножку?

— Газом? — удивился Юрий.

— Запах газа в кухне чувствуется?

— Не принюхивался, — ответил Юрий, и слесарь решил, что он принимает правила игры и вступает в нее.

— Принюхивайтесь, не принюхивайтесь — утечка газа все равно происходит. Практически ее нет, а теоретически...

— Чем же это грозит нам? — спросил Юрий, думая об Але.

Слесарь внимательно посмотрел на него. «Эге, а он не в шутку испугался», — обрадовался слесарь. Довольно крикнув, он выпрямился во весь свой невысокий рост, отставил ногу и многозначительно поднял короткий толстый палец с обкусанным ногтем.

— При концентрации газа до 13 процентов может произойти взрыв, если будет зажжен огонь. Всю квартиру разнесет вместе с хозяевами, — пообещал слесарь. — Если огня и не будет, газ постепенно вытеснит воздух — и вы попросту умрете от удушья. Уснете — и не

встанете. Вот так! При незначительной концентрации газа тоже происходит постепенное отравление организма, незаметное для его владельца.

Слесарь на протяжении нескольких лет занимался в кружке художественной самодеятельности. Он умел придавать своему голосу зловещие оттенки.

— Страдают легкие и печень, меняется состав крови. Происходит преждевременное одряхление и ослабление организма.

Он повернулся к Юрию вполоборота и теперь обращался уже не только к нему, но и к невидимой аудитории:

— Потому мы и шатаемся с этажа на этаж, обувь бьем, мозоли натираем на ногах и на языке, объясняя людям правила пользования отопительными газовыми приборами.

— Какие же это правила? — спросил Юрий, тем самым демонстрируя добровольному лектору, что эффект достигнут.

Слесарь словно раздался вширь от сознания собственной значительности.

— Запомните, — вещал он, размахивая пальцем, как жезлом, — при появлении запаха газа необходимо немедленно закрыть газовые краны и проветрить помещение. Не зажигайте огонь, не включайте электроприборы, вызовите аварийную службу по телефону ноль четыре. Запомнили?

Юрий подавленно кивнул.

Так как сильнее напыхиться было уже невозможно, слесарь незаметно для себя перешел на гексаметр:

— Перед включением плиты проветрите вы помещение, краники все осмотрите, закрыты ли были они, в риску на пробке взгляните, узнайте ее положенье...

Слесарь декламировал бы еще долго, но тут взгляд его невзначай упал на часы. Он вспомнил о том, что условился с новой знакомой Люсей идти на полчетвертого

в кино. Перед этим нужно было забежать в столовую перекусить. Испустив вздох сожаления, слесарь сказал:

— Впрочем, меня еще ожидает много жильцов. Надо спешить. А вы, гражданин, сами позанимайтесь, изучите все, что сказано в маленькой, но необходимой в быту книжице «Правила эксплуатации газовых приборов», в которой я после каждой проверки оставляю свой автограф. Поверьте мне, — он прижал руку к груди, — это необходимо вам для долгой и беспечальной жизни. Если не заботитесь о себе, подумайте хотя бы о своих родных и близких.

Когда слесарь взялся за ручку двери, Юра решительным жестом остановил его.

— Слышу запах газа, — сказал он и ткнул пальцем в соединение труб.

Слесарь принялся, пожал плечами, быстро вынул из чемоданчика кисть и баночку с мыльной жидкостью, обмакнул в нее кисть и несколько раз провел по трубам в месте их соединения.

— Видите, пузырьков нет, — значит, утечки газа не происходит. Можете спать спокойно.

— Пузырьков вы не видите, а газ идет, — возразил Юрий.

— Именно отсюда?

— И отсюда тоже.

Слесарь бросил на Юрия подозрительный взгляд, снова пожал плечами, вынул другую баночку и наложил густой слой краски на место сочленения труб. Юрий тем временем прочел инструкцию, о которой говорил слесарь, моментально запомнил правила.

— Теперь довольны? — закончив работу, спросил слесарь с явным оттенком раздражения, ибо уже определил, что перекусить он не успеет.

— Вы просто перебили запах газа запахом краски, — строго сказал Юрий. — Но газ все равно утекает.

Слесарь встревоженно взглянул на часы.

— Я же сказал вам, что мне нужно осмотреть и другие квартиры.

— А мы, выходит, можем отравляться?

— Чем?

— Газом, — с ледяным спокойствием произнес Юрий. — Вы же сами говорили...

— Да вы что, шуток не понимаете? — вспылil слесарь.

— Хороши шутки, — твердил свое Юрий. — В инструкции ясно сказано: «при появлении запаха газа...» Значит, при любой концентрации газа, даже малейшей, необходимо вызывать аварийную команду. Я чувствую запах газа.

— Может быть, у вас нюх особенный, как у доберман-пинчера, — проворчал слесарь.

Казалось, сейчас от него полетят искры, и если в кухне действительно скопился газ, то произойдет взрыв.

— Да поймите же вы! — закричал он Юрию. — В месте каждого сочленения труб теоретически происходит утечка. Но она выражается в таких ничтожных дозах, что практической опасности не представляет!

— А вот этого-то в инструкции и нет. Там не сказано, в каких дозах утечка безвредна. Наоборот, имеется в виду малейшая утечка, — решительно возразил Юрий, взяв на себя роль истинного толкователя инструкции.

— Ну, где там сказано «малейшая»? — слесарь с ужасом думал, что Люся, не дождавшись его, уйдет, а телефона ее он не знает.

— Не сказано, так подразумевается, — уточнил Юрий.

— Гражданин, отпустите меня, — взмолился слесарь. — Нельзя же понимать правила так буквально. Я ручаюсь, никакой, абсолютно никакой опасности для вас нет!

— Для меня нет. А для других? Вся великая художественная литература и все правила морали учат нас

заботиться о других. «А если ты только для себя, то кто же ты?»

...Когда Аля пришла с работы, то обнаружила у своего подъезда машину с желтой полосой, принадлежащую аварийной службе газового хозяйства, а дома — троих измученных слесарей.

На кухонном столе стояло несколько приборов-индикаторов, сигнализирующих о малейшем наличии газа. В углу громоздился сварочный агрегат. Пол был завален обрезками труб, клочками пакли, заляпан краской. Юрий всматривался в градуированную шкалу газоанализатора.

— Что здесь произошло? — Аля бросилась к Юрию. — Господи, что произошло? Ты хоть цел, не пострадал?

— Все в порядке, хозяйка. Муж у вас очень мнительный, — поспешно сказал один из слесарей. Его большие натруженные руки тяжело лежали на коленях.

— Я хотел, чтобы ты больше не отравлялась газом, — стал оправдываться Юрий. —

— И твоё желание увенчалось успехом? — она нервно икнула и прикрыла рот ладонью.

— К сожалению, не совсем... Из-за несовершенства сварочных аппаратов и устройства газовых краников. — Он бросил укоризненный взгляд на потупившихся слесарей. — Но зато я узнал кое-что новое и важное!

— Что же именно? — спросила Аля. Юра не заметил иронии в её вопросе, сказал задумчиво:

— Оказывается, «теоретически» и «практически» — это не одно и то же...

Подруги завидуют Але.

— Он лучше твоего бывшего, — утверждала одна.

— Никакого сравнения, — вторила ей другая.

Аля и сама это знает. Она уже не сравнивает его ни с кем из своих знакомых. Ее и радует и пугает, что он ни на кого не похож. Ей хочется понять, кто же он такой, ибо его словам о себе она не доверяет.

Аля не раз спрашивала себя: «Неужели такой человек любит меня?» Ей очень хотелось в это верить, и она уже начинала подумывать о своей исключительности.

С некоторых пор ей не хочется ходить в кинотеатры — с Юрой интереснее. Она рассказывает ему о своих больных, а он советует, как их лечить.

Однажды она рассказала о больном мальчике, перечислила симптомы болезни. Юра спросил:

— Что ты думаешь делать?

— Попробую лечить его в модулированном магнитном поле. Если не поможет, назначу на операцию.

— Не надо ни того, ни другого, — уверенно сказал он.

Аля удивленно посмотрела на Юрия, подперла кулачком подбородок и спросила:

— Почему?

— Этим летом часто идут дожди, звезды после них кажутся более крупными.

Аля нахмурилась, показалось, что он подшучивает над ней. Потом по лицу его увидела: он не шутит — и нахмурилась еще больше.

— Я тебя очень прошу, — сказала она, опустив глаза, — если уж ты решил говорить загадками, то излагай их так, чтобы хоть что-то можно было понять.

Из кухни донесся свист — это, «позабывтый и позаброшенный», сигнализировал чайник.

Она не обратила никакого внимания на призывы чайника.

— Извини, я не знаю, как объяснить понятно. Пытаюсь, а выходят шарады. Может быть, я несостоявшийся массовик-затейник, — проговорил он виновато. — А может быть, дело в том, что в мире все взаимосвя-

но намного больше, чем это известно людям: дожди и звезды, травы и течение рек...

Его глаза вспыхнули, ему пришла в голову новая мысль.

— Ты не замечала, больной поводит головой вот так?

Юра сделал движение, в точности повторяющее движение больного.

— Да, — подтвердила Аля.

— Тогда спроси его, любит ли он книги о страшном. Если да, то выпиши ему несколько сеансов массажа ультразвуком плеча и шеи, и на область вдоль позвоночника.

— Но ведь я говорила: у него поражена почка...

Юра резко повел головой, будто уклонялся от чего-то.

— Сделай так, как я сказал. Только запомни поточней области для массажа.

Если бы это сказал любой другой, она бы посмеялась или возмутилась — в зависимости от настроения. А сейчас попросила:

— Несостоявшийся фокусник, займись саморазоблачением. Объясни мне, глупой, свои фокусы.

— Нужно не объяснять, а составлять карту иннервации. Нефрит — следствие. Если воздействовать на два центра иннервации одновременно, мы добьемся излечения. Смотри, я буду рисовать карту...

Аля ничего не поняла ни в карте, ни в его объяснениях. Более того, с профессиональной точки зрения они были крайне наивны. Она пыталась возражать:

— Это не существенно.

— А ты точно знаешь, что существенно и что не существенно?

— Но ведь здесь органическое, а не функциональное расстройство.

— Помнится, кто-то говорил то же самое, когда я лечил чью-то руку. Или я ошибся?

— Нет, ты не ошибся, — примирительно улыбнулась она, думая о том, что он может разозлиться.

Она заметила, что Юра не любит спорить. Иногда он позволял себе терпеливо выслушать возражения до конца, не перебивая, но на его лице появилась гримаса, как от зубной боли.

Аля была уверена, что осуществление Юриного предложения явится для больного лишь «холодными припарками», но она все-таки сделала так, как советовал Юрий.

Уже потом она спрашивала себя: почему я с таким волнением жду результатов лечения?

Результат был потрясающе неправдоподобным...

Едва Аля открыла дверь в палату, ее встретили три беснующиеся фигуры, с ног до головы закутанные в простыни. Одна из них тут же забежала за ее спину, отрезая путь к выходу. Другие начали дикарский танец. Они кружились и приседали, извивались и подпрыгивали. Края простынь завивались вокруг их худых ног. Пляска сопровождалась воинственными криками и воплями.

Одна из фигур неожиданно остановилась и протянула Але большой букет луговых цветов.

— Я сам их собрал для вас у реки, — сказал мальчик, который еще несколько дней перед этим едва ходил.

Танец белых фигур объяснялся очень просто. Оказалось, что это был «танец привидений». Мальчику во время болезни приносили много самых различных книг, в том числе и очень старых и очень страшных. Он попросил своих друзей по палате разыграть представление.

Анализы подтвердили окончательное выздоровление. От болезни не осталось никаких следов, будто мальчик никогда и не болел.

Вечером дома Аля спросила у Юрия:

— Скажи мне, кудесник, любимец богов, как мог ты предвидеть такое?

Он засмеялся и развел руками.

— Все очень просто, секретов нет. Стоит только подумать как следует. Помнишь, мы читали: «Только мысль способна за миг обождать всю Вселенную...»

— Я согласна быть твоей смиренной последовательницей, о, несостоявшийся фокусник!

Юрий смотрел в окно. Там, за мутным слезящимся стеклом, упругие струи дождя дочиста выхлестывали мостовую. На Юрином лбу появились какие-то линии, будто там сейчас должны были прорезаться морщины. Они так и не прорезались до конца. Он покачал головой.

— Ну и загадку ты мне загадала, последовательница. Ведь для того, чтобы выполнить твою просьбу, мне нужно сначала самому сообразить, почему я мыслю именно так и почему только на первый взгляд мои выводы кажутся такими странными.

— Да почему? — подхватила Аля.

— Один человек считал, что я мыслю по законам геометрии Лобачевского. Другой считал, будто все дело в том, что я оперирую целыми, неразделенными полями информации...

.. Аля заподозрила, что он хочет уйти от ответа, и строго спросила:

— А на самом деле?

Он подошел к ней, ласково поворошил мягкие пушистые волосы, вздохнул.

— Нужно разобраться в алгоритмах, проанализировать их...

— Ну и что же? Мозг-то у нас одинаковый!

Его пальцы перестали ворошить ее волосы, замерли. Она освободила голову и взглянула ему в глаза. Они были остановившиеся, остекленелые...

Слух о чудесном докторе-исцелителе разнесся по го-

роду, и к Але толпами повалили больные. Она оказалась в весьма затруднительном положении. Выслушав ее жалобы, Юрий неожиданно предложил:

— Устрой меня к вам на работу. Я помогу тебе.

— Но ведь ты не врач.

— Не имеет значения. Разве ты не убедилась?

Она поспешно отвела глаза.

— Но диплом...

— Диплом? — Он пытался что-то вспомнить. Затем повторил так, будто не знал значения самого слова: — Диплом...

— О, несостоявшийся фокусник! Это далеко не лучшая из твоих шуток. Для поступления на работу необходим самый обычный диплом, который имеет каждый специалист...

— А ты имеешь?

— Конечно. Кто же допустил бы меня к лечению больных без диплома?

— Покажи.

Она пожала плечами.

— Ты не веришь мне?

В его глазах растаяла мутная пленка, они живо и лукаво высветились. Аля произнесла с облегчением:

— Шутишь.

— И все-таки покажи.

Она нагнулась, близко заглянула ему в лицо. Тревога, таившаяся в дальнем углу, вышла оттуда и выгнула спину. Чтобы прогнать ее, Аля поцеловала его в губы — они теперь были неестественно твердыми и неподатливыми.

Аля послушно достала диплом и показала Юрию. Он раскрыл, внимательно прочел и засмеялся:

— А тебя, оказывается, здорово можно разыграть! Тот, кто внушает другим, сам легко внушаем.

«Значит, разыгрывал? И так правдоподобно?» Она готова была поверить ему, но тревога не уходила.

Юрий каким-то образом почувствовал состояние Али.

— Ладно, малыш, открою тебе еще один свой секрет. Не задавайся, у меня есть такой же диплом.

— Диплом врача? У тебя два диплома — врача и физиолога?

— Догадливая...

— Диплом здесь, с тобой?

— Конечно.

Аля не решалась попросить его показать свой диплом, хотя ей очень этого хотелось. Она нашла другой ход.

— В таком случае я завтра же поговорю с директором. А послезавтра мы вместе отправимся в больницу, и тебя оформят.

— В помощники к тебе. В труфальдины к своему господину.

— Ничего себе помощничек-кудесничек.

— Иначе я не согласен.

Он сказал это серьезно и твердо, не оставляя места для препирательств. Аля не знала, что и подумать. А потом расчувствовалась: «Да что же это я? Ведь он хочет сделать так, чтобы вся слава мне досталась. Я восторгаться должна, благодарить...»

Аля пришла вместе с Юрой к главному врачу больницы.

— Присмотрелись к помощнику, Алина Ивановна? А то ведь намахаетесь потом, — поощрительно подмигнул ей главврач, добродушный толстяк с модными пшеничными усами, свисающими ниже подбородка. До него уже, конечно, дошли слухи о новом женихе «нашей докторши».

— Да, присмотрелась, — ответила Аля, наливаясь густым румянцем.

Главврач «не заметил» ее состояния. Он поспешно повернулся к Юрию.

— Давайте ваш диплом, коллега.

Юра достал из новенького портфеля новенький — с иголочки — диплом.

— Так вы, оказывается, старые однокашники с нашей Алиной Ивановной! — воскликнул главврач и погрозил пальцем. — Ай да конспираторы!

Аля подняла недоумевающий взгляд.

— Ладно, ладно, вот запишу я вас обоих в наш драмкружок, там и разыгрывайте водевили! — белозубая начальническая улыбка во весь рот была рекламно-ослепительной. — В дипломе ясно сказано: институт, факультет, год выпуска. Все совпадает. Ай да Алина Ивановна, ай да конспиратор!

Аля сидела ни жива ни мертва. Руки и ноги были вялыми. Одна мысль пульсировала в мозгу. «Кто же он? Кто он?»

Недоброе предчувствие навалилось на нее, не давая дышать. Надо было немедленно выяснить хотя бы часть истины. Она не отвечала на шутки главврача и еле дождалась, пока они с Юрой вышли из кабинета. Потасила Юру на лестничную площадку, между этажами. Тут им никто не мешал. Але казалось, что она кричит, хотя на самом деле она шептала:

— Ради всего святого скажи мне, кто ты такой?

Он молчал.

— За что ты меня так мучаешь? Чем я заслужила? Что бы там ни было, я хочу знать. Ты не веришь мне, скажи, не веришь?

— Я просто не знаю, что говорить, — сказал Юра. Как это ни удивительно, его голос звучал настолько искренне, что ее подозрение заколебалось. «Но диплом? Откуда он его взял?»

— Ты подделал диплом?

— Кудеснику присвоен еще и титул фальшиводипломника! Не слишком ли много для одного?

— Ну да, конечно, ты был моим однокурсником, и

мы вместе бегали в студенческую столовую. Жаль только, что я тогда тебя совсем не замечала.

— «И встретились они наконец, и он ее повел под венец», — продекламировал Юрий, поддерживая игру. — Вот мы всё и выяснили.

— «Всё» будет, когда ты скажешь, где взял диплом. — Аля понимала, что лучше не трогать этот вопрос. Она мысленно ругала себя упрямой ослицей, которой однажды привалило счастье, а она бежит от него. Но с тем же упрямством она мчалась в прежнем направлении, закусив удила.

— Там же, где и ты, — ответил он.

— В институте? Значит, там совершили подлог?

— Я не знал, что это называется подлогом, — сказал он так, будто не случилось ничего предосудительного.

— Но ты кончал наш институт? Может быть, выписывая диплом, просто перепутали год окончания?

— Наконец-то догадалась, нерадивая ученица, — комически вздохнул он. — Ставлю вам за смекалку тройку!

— А в каком же году на самом деле ты закончил институт?

Его глаза сощурились, стали узкими щелками, спрятались под могучим нависшим лбом. В них сверкнули молнии.

— Какое это имеет значение? Ты убедилась, что я могу лечить людей? Или бумажка дороже умения?

— Зачем же в таком случае...

— Зачем, зачем? Мне надоел допрос. Кто-то что-то перепутал в бумажке. Нужно ли из-за этого тратить столько слов?

Аля заметила молнии в его глазах.

«Доигралась, ослица? — подумала она. — Потеряла однажды мусорщика и встретила принца. Да, принца! Он полюбил тебя и хотел тебе помочь. Да, помочь!

Нет, не хотел — помог! И тебе, и твоим больным. Но ты привыкла к мусорщикам, к их образу жизни, к их этикету. Ну и получай! Ты надоела принцу! Да, надоела! Он уйдет и найдет тысячи таких, как ты! И никто из них не будет задавать ему глупых вопросов. Да, не будет!»

В ее глазах заблестели слезы, и только женская память о краске, которая может потечь с ресниц, и она предстанет перед ним в довершение ко всему зареванной и некрасивой, некоторое время удерживала их. Но вот слезы сорвались и потекли по щекам, оставляя две темные дорожки...

Он взял ее за руку, привлек к себе:

— Глупый малыш...

И все-таки Аля была счастлива. Наконец-то в ее жизни появился человек, о котором она мечтала еще в отрочестве, — умный, сильный, своеобразный, с которым не приходится скучать. Никогда не знаешь наперед, что он скажет, что сделает, и день на день непохож. Его мысли, слова, поступки неожиданны, оригинальны, хотя она не всегда может понять их. Возможно, именно из-за непонимания возникает тревога. Но радость от общения с ним, преклонение перед ним — сильнее. Аля шепчет:

— Ты останешься со мной навсегда?

Его глаза тускнеют. Он спрашивает, глядя мимо нее:

— Почему людям обязательно хочется сохранить, да еще «навсегда», то, что сохранить невозможно?

У нее появилось прежнее ощущение — осталась одна на бесконечном перроне. Ее голос дрогнул:

— Ты собираешься уезжать?

— Я ведь говорил вообще...

— А я — о нас.

Юру удивил ее тон.

— Что с тобой, малыш?

— Ты не ответил...

— Ты хочешь, чтобы я был с тобой навсегда?

— Разве об этом надо спрашивать?

— Если кто-то хочет сохранить человека, чувство, мгновение, он всегда может это сделать.

— Как?

Юрий встал, подошел к окну. Его силуэт отчетливо вырисовывался на фоне плывущих облаков. Казалось, что он летит, легко расталкивая облака. Затем он вернулся к ней, легко вложил свое тело в кресло — любимое кресло ее мужа. По его лицу Аля угадывала: он не с ней, он — далеко.

— У человека есть удивительное свойство, — проговорил Юрий. — Оно позволяет снова пережить прошлое.

— Пережить? Ты не ошибся? Разве можно вернуть прошлое?

Его глаза мгновенно меняют цвет.

— Больше, чем просто вернуть. Это свойство позволяет улучшить прошлое, увидеть его таким, каким пожелаешь... Помнишь: «Но в памяти моей такая скрыта мощь, что возвращает образы и множит... шумит, не умолкая, память-дождь, и память-снег летит... и пасть не может». Да, я говорю о человеческой памяти. О ее способности выдавать и комбинировать то, что человек хочет.

— Не знаю, как тебе это удастся. Мне — далеко не всегда.

— Иногда это больше, чем действительность, — уверенно говорит он. — Потому что для человека это и есть «навсегда». Единственно возможное.

Тень мелькает по его лицу, и он добавляет:

— Конечно, если под словом «всегда» подразумевать одну жизнь.

Сумеречные тени скользят по стенам, обступают их со всех сторон и отгораживают от мира. Аля забывает, о чем они говорили, все слова отступают, становятся несущественными.

Через верхний правый угол окна в комнату воровато заглядывает желтый глаз луны. Облака то закрывают его, то открывают. Але кажется, что желтый глаз подмигивает ей. Из тьмы выплывают различные предметы. Стол, будто большой фрегат, покачивается на рейде...

Вдруг Юрий произносит:

— Может быть, неповторимость нашего «я» больше, чем вечность?

«Господи, значит, он все время продолжал думать о том же, — с отчаянием думала Але. — Его ничто не может отвлечь... Ничто... Сухарь!.. Но, может быть, очень умный и сильный человек должен быть сухарем? Ум в нем всегда руководит чувством...»

Луна больше не подмигивала Але. Она неподвижно замерла в окне — скучная, неодушевленная. Спутник, на который строго по расписанию уходят грузовые и грузопассажирские ракеты.

Але приподнимается на локте и сверху вниз смотрит на Юрия.

— Станный ты все-таки человек, — с досадой говорит она.

Он невозмутимо молчит, занятый своими мыслями. Але кажется, что он не расслышал ее слов.

На работу они уходили вместе, провожаемые одобрительными взглядами соседей. Их встречали по дороге знакомые и незнакомые люди, почтительно здоровались. Несколько вылеченных ими больных, числившихся раньше в разряде «безнадежных», быстро создали им славу, которой Юра явно тяготился. Всюду, где их чествовали, он старательно выдвигал Але на передний план, а сам предпочитал оставаться в тени.

— Я только ассистент, — говорил он. — Благодарите доктора.

Аля получала премии и дипломы, ее назначили заведующей отделением. Несколько раз она пыталась поговорить с Юрием по душам о его чрезмерной скромности и своем двусмысленном положении, но он только отшучивался.

Впрочем, ему не всегда удавалось держаться «в тени». Кто-то из врачей однажды обратился к нему за советом. Совет оказался полезным. Врач рассказал коллегам о том, как помог ассистент Алины Ивановны. Юрия стали донимать просьбами. Прошел слух о блистательном диагносте.

— Что мне делать? — спросил Юра у Али. — Они одолевают меня просьбами.

— Тоже проблема, — рассмеялась Аля. — Ну и помогай им.

— Да, но...

— Боишься выдать истинное положение вещей? — пошутила она. — Я-то не боюсь.

Еще через несколько дней он сказал ей растерянно:

— Кажется, у меня появились враги.

— Кто же они? Те, кому ты отказался помочь?

Его длинные ресницы взлетели, выпустив, словно птицу, недоумевающий взгляд.

— Нет, те, кому я помогал... Доктор Назаров ошибся в диагнозе, я указал ему на ошибку. И вот...

Она снисходительно и ласково улыбнулась, думая: «Все-таки он — большой ребенок». Сказала, немножко кокетничая, продолжая прерванную с детства игру в «дочки-матери»:

— Завистники встречаются не так уж редко. Никому не хочется быть хуже другого.

— Но ведь они сами просят меня о помощи.

Она погладила его по плечу:

— Будь снисходителен к слабостям. Помни, что каждый имеет право на ошибку.

— Ты уверена, что люди имеют на это право? —

с беспокойством спросил Юрий. Он вспомнил книгу, в которой рассказывалось, как люди из-за зависти погубили великого ученого. Читая ее, он внутренне содрогался от омерзения и ненависти, давал себе слово отомстить толпе злобных своекорыстных человечков. Но в другой книге он прочел о людях, прививавших себе болезни, чтобы научиться спасать других людей, о добровольцах, отдающих кровь и кожу, о голодающем, поделившемся, последним куском хлеба с товарищем...

— Уверена! — твердо сказала Аля.

Он заглянул в ее глаза холодным испытующим взглядом, о чем-то сосредоточенно думая.

— Когда-то я читал в одной книге, но не все понял... Теперь, кажется, придумал, как помириться с коллегами.

— Вот и хорошо, — обрадовалась Аля.

Через два дня ее вызвал главврач.

— Алина Ивановна, поступила жалоба на вашего помощника. Он поставил неверный диагноз и едва не отправил больного к праотцам. А когда доктор Назаров указал ему на ошибку, он еще и упорствовал. Впрочем, это часто случается с чересчур самонадеянными людьми. Коллеги возмущены. Хотят устроить по этому поводу собрание.

Аля едва разыскала Юрия. Он сидел за шкафом в углу пустого кабинета и старательно делал вид, что увлечен журналом. Аля решительно забрала журнал:

— Зачем ты это сделал?

— Я ошибся. Каждый может ошибиться...

— Это ты рассказывай другим, а не мне. В чем дело?

Не подымая глаз, он признался:

— Хотел помириться с ними.

— Лучшего способа не придумал!

Юрий молчал.

Аля продолжала:

— А о больном ты подумал?

— Подумал, — поспешно ответил Юрий. — Ошибка была такой грубой, что доктор Назаров моментально заметил ее. Ему было лестно чувствовать себя более знающим, чем я. Теперь мы будем с ним друзьями.

— Вряд ли, — сказала Аля, нахмутив брови. — Ты хоть бы со мной сначала посоветовался.

— Но ты же сама говорила «никому не хочется быть хуже другого». И еще — «каждый имеет право на ошибку». Я хотел быть таким, как все.

Аля вздохнула.

— Боюсь, что это у тебя не получится.

Юрий отвел взгляд и пробормотал:

— Один человек утверждал, что для меня нет места на земле. Может быть, он был прав?

— Глупости! — тряхнула головой Аля, и злые искорки мелькнули в ее глазах. — Не обращай на них внимания, бедный гигант. Я сумею защитить тебя.

В больницу пришел корреспондент местной газеты. Он долго расспрашивал Алю о новых методах лечения больных, затем терзал ее в качестве модели для фотографии: водил из одной палаты в другую, усаживал то так, то этак, заставлял улыбаться и быть серьезной. Проворный корреспондент хотел сфотографировать и Юрия, но тот самым решительным образом избегал попадать в объектив. Але казалось, что он обеспокоен и огорчен.

Вечером дома Юрий объявил ей, что ему нужно уехать на несколько дней. У него было чужое, холодное лицо, похожее на застывающую гипсовую маску.

— Когда ты приедешь?

— Точно не скажу. Могу и задержаться.

Увидев ее огорченное лицо, спросил:

— Что с тобой, малыш? Начальство в больнице я предупредил, так что тревожиться тебе не о чем.

Она встала на рассвете, чтобы собрать и уложить в

саквояж его вещи. Двигалась тихо, бесшумно, стараясь не разбудить его. Проходя мимо, заметила, как вздрогнули его густые ресницы, и поняла, что он не спит.

— Ты полетишь на своем роботе? — спросила Аля.

— На роботе, — ответил он и поморщился.

— В чем дело? Я что-нибудь не так сказала?

Он улыбнулся снисходительно-насмешливо.

— Ты когда-нибудь выпускала бабочку или птицу, залетевших в дом?

— Приходилось, — с недоумением ответила Аля.

— Операция спасения удавалась сразу? «Гостья» с благодарностью улетала?

— Не сразу... Она ведь не понимала, что ее спасают, и пыталась удрать от меня... Но почему ты заговорил об этом?

— Действия людей часто похожи на действия такой же «гостьи».

Але захотелось сжаться в комок, исчезнуть.

— Это относится ко мне?

— Не только к тебе.

Он заметил ее испуг и добавил:

— И уж совсем не к данному случаю...

Придя домой после работы, Аля старалась не смотреть на опустевшую вешалку. Уговаривала себя, что одной оставаться недолго: раз он обещал, то обязательно придет. Но помимо воли ей вспоминались странности в его поведении: и то, что он почти ничего не ест; и то, что не разрешал провожать; его нежелание объяснять свои поступки, рассказывать о себе...

Сон не шел к ней, она долго лежала с открытыми глазами, слушала шаги на улице. И вдруг подумала, что, пожалуй, не различила бы среди других его шаги. Она бы узнала его прикосновение, его голос, улыбку,

дыхание, но никогда бы не узнала его шагов. По одной простой причине — она их никогда отчетливо не слышала.

ПОЛКОВНИК ТАРНОВ ВЫХОДИТ НА СЛЕД

В эти дни стол полковника Тарнова был похож на стол курортного фотографа. Данные о различных географических точках курортного побережья, обработанные в вычислительном центре, не могли удовлетворить полковника — они были слишком общи. Их пришлось уточнять с помощью старых испытанных методов.

Поэтому рядом с сообщениями из вычислительного центра и перфокартами громоздились пачки фотокарточек и художественных открыток с видами курортного побережья. Полковник отобрал из них несколько десятков, фотографии аккуратно рассортировал, пометил каждую и вручил своим помощникам. Все они в тот же день улетели на побережье. А полковник еще целую неделю видел цветные сны с пейзажами, и действие в них постоянно происходило на берегу моря.

Сведения от помощников поступали скудные и неутешительные. На курортном побережье было великое множество мест, в точности похожих на то, о котором рассказывал робот. Не выручало и указание о том, что ближайшая гора находилась от парка на расстоянии в четыре километра сто шестьдесят метров.

Среди помощников полковника Тарнова, отправленных на побережье, был ветеран милиции, в пятьдесят пять лет дослужившийся до капитана. Все удивлялись, почему Тарнов включил его в поисковую группу. Капитана Улобова называли за глаза «Параграфом», и это прозвище точно соответствовало его характеру. В отношении его у Тарнова имелся свой особый расчет, и он почти не удивился, когда именно от капитана Улобова пришло сообщение, которого он так ждал.

Капитан, искавший лишь места, от коих «ближайшая гора была удалена на 4 километра 160 метров», стал проверять и поселки, не входившие в курортную зону. И он обнаружил, что в поселке Каменка расстояние от вершины горы до нескольких точек соответствует заданному. Проанализировав найденные точки, среди которых была котельная завода, городская баня, заросли шиповника на пустыре, капитан остановился на одной — центральной аллее парка. Это место соответствовало искомому. Капитан Улобов поинтересовался, не имеется ли в поселке здравниц. Он установил, что в Каменке в этом году был открыт дом отдыха медицинских работников, еще не занесенный в справочники.

— Ну вот, а ты переживала, что я в этом году не побываю на море, — сказал Тарнов, целуя на прощанье жену, и немедленно вылетел в Каменку.

Однако самый тщательный опрос всех, кто мог бы видеть человека, чьи приметы соответствовали приметам Великого Хозяина, ничего не дал.

Поскольку поселок был небольшой и присутствие в нем человека с роботом-служгой не могло остаться незамеченным, оставалось заключить, что произошла ошибка.

Тем временем словесный портрет разыскиваемого был разослан во все отделения милиции побережья.

Ответ пришел из Ялты. Спасательная служба однажды заметила далеко в море плывущего человека. Его окликали по радио, но он не пожелал вернуться к берегу. Пришлось высылать катер. Суденышко круто развернулось перед самым носом упряма, окатив его валом воды и преградив путь в море. Спасатели не очень вежливо предложили ему взойти на борт.

В ответ упрямец нырнул и исчез. Поиски его не увенчались успехом, из-за чего, естественно, у начальника службы и у двух спасателей, находившихся в катере, были крупные неприятности.

Последнее обстоятельство и помогло им вспомнить, что приметы упрямяца совпадали со «словесным портретом».

В Ялте полковника Тарнова встретили сотрудники местного горотдела милиции и доложили о том, что успели предпринять. Опрос работников домов отдыха и санаториев был безрезультатным. В гостиницах его тоже не примечали.

— Где бы он ни жил, хоть под открытым небом, он должен был питаться, — сказал полковник. — Опросите официантов, раздатчиков.

Как часто в практике полковника Тарнова именно такой опрос приносил желанные плоды. Натренированный глаз официанта умел цепко, будто объектив фотоаппарата, схватывать черты лица клиента и хранить их довольно долго.

Но на этот раз официанты в один голос ответили: такого человека не видели. Ничего не дал и опрос продавцов продовольственных магазинов и всех многочисленных работников курортной службы питания.

И только когда полковник собрался было уезжать из Ялты, к нему привели официанта из маленького приморского ресторана. Он сообщил, что, кажется, видел человека, которым интересуется милиция. Тот однажды приходил в ресторан вместе с женщиной.

— Они взяли два наших фирменных бифштекса, — сказал официант. — Так вот, — он многозначительно поджал губы и выдержал небольшую паузу. — После того как они ушли, один фирменный бифштекс, аккуратно разрезанный на куски, валялся на полу.

— Откуда вы знаете, что там был весь бифштекс, если вы видели только куски? — поинтересовался полковник.

— Двадцать лет работаю в одной должности, товарищ начальник. Я бы его из тех кусков сложил, как из кубиков азбуку.

— Кто же из двоих, по-вашему, не ел? — спросил Тарнов.

— Он.

— Уверены?

Губы официанта выпятились, словно он собрался пить чай из блюда.

— Уверен. Я, конечно, не мог наблюдать за ними все время. Уже потом, когда обнаружил под столом это, — глаза официанта гневно блеснули, — я вспомнил, что как только женщина отвернулась, мужчина сделал вот такое движение.

Он повел рукой, будто смахивал что-то со стола. Маленькие колючие глаза так и впились в полковника.

— Вначале я подумал, что мне это почудилось. Фирменные блюда у нас всегда приготовлены отлично. Потом я понял: он не ест потому, что у него что-то болит, и он скрывает это от женщины.

— Может быть, — согласился полковник.

Официант рассказал, что с женщиной была молодая, лет двадцати пяти, среднего роста, средней упитанности женщина. Ела немного, предпочитая молочные продукты. Волосы цвета кукурузного зерна. Одета в легкий цветной сарафан.

Показания официанта давали Тарнову конец ниточки для начала поиска. Во-первых, само место расположения ресторана. Он не являлся достопримечательностью Ялты, находился на далекой окраине. Так что скорее всего женщина жила где-то поблизости. Во-вторых, довольно-таки подробный портрет женщины. И наконец, необычное употребление мужчиной бифштекса можно было истолковать так, как это сделал официант, — не презрение к кулинарному искусству повара, а как примету желудочной болезни или зубной боли посетителя.

Полковник приказал провести тщательнейший опрос

медперсонала в ближайших санаториях, где лечат желудочных больных, в стоматологических поликлиниках.

Одновременно начались поиски женщины.

На совещании опергруппы он наметил еще одно направление поиска:

— У каждого есть родные и близкие. Видимо, есть они и у разыскиваемого нами Юрия Юрьевича Степанова. Он к ним или они к нему могли писать заказные письма, давать телеграммы, вызывать к междугородному телефону. Нам необходимо проверить и эти каналы.

Полковник Тарнов, как многие люди его профессии, издавна выработал для себя основные приемы работы. В горячке деятельности он не забывал устраивать пятнадцатиминутные «окна» — совещания с самим собой. На них он подводил итоги, вспоминал, не забыл ли сделать что-нибудь, не упустил ли чего...

И на этот раз, посоветовавшись с Тарновым, полковник Тарнов пришел к выводу, что ему необходимо снова и как можно скорее встретиться с Александром Николаевичем.

Тогда он еще не оценил всей важности этого решения. Именно Александру Николаевичу предстояло убедить его, что меры по розыску родных и близких Юрия Юрьевича ничего не дадут по одной простой причине...

Возвращаясь вечером в гостиницу, полковник зашел в кафе поужинать. После свежего воздуха набережной в кафе было душно, вкусно пахло жареными шашлыками и луком.

Полковник по привычке устроился в дальнем углу, из которого были видны весь зал и входная дверь. Он заказал официанту шашлык, стакан саперави и стал ждать.

Из своего укромного уголка Тарнов рассеянно наблюдал за посетителями, рассматривая одежду, порой

самую вычурную, причудливое сочетание цветов и узоров, прически, выражения лиц посетителей кафе. Вот вошла компания молодых людей. Услужливая память словно невзначай проявила два-три фото, виденных когда-то на афишах, и Тарнов вспомнил, что это парни из известного ансамбля.

На маленькой эстраде заиграл джаз, выпорхнула молодящаяся певица в расшитом блестками платье. Молодые люди лениво перебросились несколькими фразами. Тарнов понял: говорят о местном джазе, хвалят. Джаз действительно играл неплохо, у певицы оказался довольно приятный голос.

В кафе вошло еще несколько посетителей. Один из них был уже откровенно пьян. Он плюхнулся на стул, забросил ногу за ногу так небрежно, будто это были ноги тряпичной куклы. Но в его руке, которой он обнял своего товарища за плечо, угадывалась сила. И этот его жест, и эта рука с короткими толстыми пальцами, темными обводами ногтей и вытатуированным якорем показалась Тарнову знакомой.

...Это случилось в молодости. Сема Тарнов, окончив школу милиции, пришел работать в уголовный розыск. Несколько успешных поездок в составе опергруппы создали ему авторитет перспективного розыскника. Затем он заочно окончил юридический факультет университета и стал работать следователем. О нем вскоре заговорили «везучий». И еще говорили «дотошный». Его наставник однажды спросил: «Зачем тебе знать о детстве разыскиваемого «домушника»? Улик в его «деле» вполне достаточно. Копаешься, будто материал для романа собираешь. Быть бы тебе не следователем, а писателем...»

С той поры уважительное прозвище «писатель» накрепко приклеилось к нему, заменив прежние — «везучий» и «дотошный». Любопытство к незнакомым людям, которое проходит с годами, у Тарнова с годами

усиливалось. Это свойство доставляло ему больше неприятностей, чем радостей. Он пытался побороть себя, но безуспешно.

Вот и в тот вспомнившийся ему вечер он зашел в кафе «Мечта». Несколько недель группа оперативников пыталась найти след бандита по кличке Грошик. Тарнов не случайно зашел в «Мечту». Он направлялся в другое место, но, когда проходил мимо дверей кафе, его, как иногда утверждают, «словно что-то толкнуло». Он послушался внутреннего зова, даже не пытаясь анализировать, отыскивать в памяти случайную информацию о месте юношеских встреч Грошика с другом детства. Это он сделал значительно позднее...

Когда Тарнов увидел в кафе группу подвыпивших парней и впереди них парня с «ватными» ногами, серой пористой кожей и наколкой на короткопалой руке, опустившейся на чужое плечо, он шестым чувством узнал разыскиваемого.

— Ша, фраер, — говорил Грошик незнакомому мужчине, — эту девочку буду танцевать я!

В маленьком тесном дворике, куда они вышли «на минутку потолковать», беспокойно шевельнулось в неприкаянной душе бандита, когда «студент не сдрейфил» и не «рванул когти», Грошик увидел за забором бегущих людей и мгновенно все понял. Он попытался пробиться к воротам, но на его пути стоял невозмутимый «студент». Грошик взмахнул крепкой рукой. В последний миг Тарнов, классически проведя подсечку, угадал в его короткопалой руке нож. Но было слишком поздно, бандитский нож по самую наборную рукоятку вошел в бок своего хозяина.

Розыскники никак не могли понять, почему Семен Антонович чуть не плачет, стоя над телом раненого бандита. Они ничего не знали о горьком детстве этого парня, об унаследованной от отца-алкоголика болезни, о том, какую неизгладимую печать наложила она на жизнь

Грошика, как однажды он все-таки попытался вырваться из круга, «завязать» со своим прошлым. Но слепота администратора, к которому Грошик пришел устраиваться на работу, была роковым толчком, отбросившим его обратно, в порочный круг.

И вот сегодня здесь, в кафе на набережной курортного городка, интуиция опять подсказывала Тарнову: что-то должно произойти. И хотя он уже поужинал и мог бы уйти, полковник сидел, поглядывая то на людей в зал, то на эстраду, терпеливо ждал.

К микрофону снова вышла женщина в платье с яркими блестками. Аплодисменты публики были жидкими, но певица не унывала. Она взмахнула рукой, в зале погас яркий свет, остались матово светиться лишь боковые притемненные плафоны. На эстраде вспыхнули глаза металлической маски робота, спущенной откуда-то с потолка.

Зазвучала резкая музыка электронных инструментов, певица простерла к маске руки и запела:

Однажды влюбился робот
В земную обычную женщину...

Полковник подался вперед, стул под ним жалобно скрипнул. Он сразу вспомнил, где совсем недавно слышал эту песню.

Я робот стальной и могучий.
Могу я и город разрушить,
Могу я и замок построить...

На темной эстраде ярко вспыхивали глаза маски. Тарнов поймал за локоть метрдотеля, когда тот проходил мимо столика.

— Приятная песня, — сказал полковник. — Почему не объявляют имени автора?

— Мы здесь ни при чем. — Метрдотель пожал плечами. — Автор песни неизвестен.

— Как же ее узнали ваши музыканты?

Метрдотель смутился, окинул быстрым подозрительным взглядом собеседника.

— Извините, с кем имею честь говорить?..

Через несколько минут руководитель джаза, сорокалетний сухопарый брюнет и молоденький музыкант с лицом херувима уже сидели в маленькой артистической уборной напротив полковника Тарнова.

— Мы переписали песню с его мага, — брюнет кивнул на «херувима». — Она пользуется у наших посетителей неизменным восторгом. Мы обращались в ВААП, чтобы узнать имя автора, но песня там не зарегистрирована. Вы не думайте, если автор объявится, мы готовы уплатить гонорар как положено...

— Как вам удалось записать песню на магнитофон?

— Это было там, — с готовностью ткнул музыкант в окно тонким длинным пальцем. — В санаторском парке есть глухая аллея. Я люблю на ее скамейках прослушивать новые записи. Однажды я случайно услышал, как какой-то отдыхающий учил робота этой песне. Он сказал ему: «Запомни, исполнишь ее потом женщине...»

— Вы знаете этого человека? — еле сдерживая волнение, спросил Тарнов.

— Нет.

Полковник достал из кармана фотографию.

— Похож?

Длинные пальцы музыканта схватили снимок, повернули его так и так. Музыкант с досадой тряхнул головой, отбрасывая со лба длинные волосы.

— Кажется, похож. Но боюсь ошибиться...

Он взглянул в огорченные глаза Тарнова и тоже огорчился.

— Потом я его видел еще раз, с женщиной. Ее зовут Аля. Приехала она не то из Белгорода, не то из

Орла. Я несколько раз разговаривал с ней на пляже. Хотите, попробую изобразить ее. Я немножко рисую.

Он поспешно схватил протянутый лист бумаги и достал карандаш. Сделал несколько штрихов, но вдруг остановился, пораженный неожиданной догадкой. Он исподлобья взглянул на полковника и неуверенно спросил:

— Простите, может быть, автор этой песни — вы?

ЮРИЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Дни шли за днями, а от Юрия не было вестей, Аля устала ждать. Она твердила себе: «Ты сама виновата, ты поверила в несбыточное. Он не мог оставаться с тобой, глупая гусыня. Человек, которому ничего не стоит вылечить безнадежного больного, чьи мысли тебе непонятны, не может оставаться всю жизнь с тобой. Ну, что в тебе особенного? Рядовая женщина».

Ей хотелось говорить себе много обидных слов, свыкнуться с ними, чтобы погасить нестерпимую изматывающую тоску ожидания, не бежать сломя голову на каждый звонок в дверь.

На работе стало совсем трудно. Ее привыкли считать исцелительницей, в ее указания и предписания верили уже не только больные, но и врачи. Непосильная ответственность. Аля крепилась из последних сил. Вспоминала Юрины слова и невольно подражала ему. Самое странное было в том, что это удавалось. С удивлением Аля обнаружила, что за короткое время знакомства с Юрием научилась и в мыслях подражать ему. Каким-то образом появлялись неожиданные выводы из обычных фактов, и вопреки всему они подтверждались на практике.

«Кажется, он научил меня думать как он. Разве уже за одно это я не должна быть благодарна ему?»

Вскоре она убедилась, что дело не только в подражании...

Как-то она столкнулась со случаем прогрессивной мышечной дистрофии, миопатии. Когда-то эта болезнь, вызванная нарушением обмена веществ в мышцах, передающаяся по наследству из поколения в поколение, считалась неизлечимой. Потом с ней научились бороться и даже иногда восстанавливать двигательные функции.

И вот перед Алей юноша, пораженный через десятилетия болезнью деда. Его лечили в столичных клиниках и не излечили. Анализы по-прежнему были угрожающими, свидетельствовали, что после ремиссии наступит ухудшение. Она хорошо представляла себе, как его лицо снова будет становиться вялым, безвольным, как погаснут глаза. Аля много раз читала историю болезни, знакомилась с методами лечения и тщетно пыталась изобрести что-то новое.

В полном изнеможении она дремала дома в кресле перед телевизором. Передавали ревю из Франции. Это было то же самое кресло, в котором любил сидеть Юра. Внезапно в ее сознание ворвался знакомый голос: «Смотри на экран!»

В центре экрана среди танцующих девушек образовалось светлое пятно. Его границы стали быстро расширяться. Затем в пятне возникли контуры головного и спинного мозга. Вот они проступили четче, заполнились голубой краской, цифрами, символами формул. Некоторые цифры и формулы пульсировали, из них складывались уравнения, появлялись графики. Она поняла, что ей показывают участки организма больного и подсказывают способы лечения.

— Ясно? — спросил тот же голос.

— Это ты, Юра? — закричала она.

— Успокойся, малыш. Смотри на экран. Препарат в организме больного вызвал перестройку работы же-

лез. А первичная болезнь давно излечена. Ты применишь прибор Сидорякина, но вибратор под соединишь вот так...

Экран плыл в тумане.

— Я не запомню, Юра! — Аля размазывала по лицу слезы.

— Запомнишь!

— Когда ты приедешь? Я не могу больше!

— Потерпи еще немного. Мы скоро увидимся.

Голос исчез, а пятно на телеэкране еще некоторое время оставалось. Потом стало размываться, очертания его становились нечеткими, их заслоняли танцующие девушки...

Она сделала все как он велел. Юноша стал быстро поправляться. Уже на второй день после первого сеанса лечения у больного прекратились судороги.

А на четвертый день поздним вечером приехал Юра. Три звонка — два длинных и один короткий — подняли Алю с постели. Она набросила халат. Пока спешила к двери, ей становилось то холодно, то жарко: казалось, что мебели в квартире слишком много...

Еще долго потом она боялась, что его приезд ей приснился.

— Ты почему молчишь? — спрашивала Аля. — Ты все еще там, далеко?

Она повторяла одни и те же вопросы. Он молчал, а у нее слезы подступали к горлу.

— У тебя есть семья? Ты женат? О ком ты думаешь?

— Вот, оказывается, как это бывает... — еле слышно произнес он.

— Что бывает? Не мучай меня, говори... — Она трясла его за плечи. — Что случилось?

— Кажется, я влюбился в тебя, малыш.

Какая-то сильная волна подхватила ее, подняла на гребне, закружила в неистовой радости.

— Это правда?

— Правда. Что-то странное со мной творится. Я не могу управлять собой, наблюдать за собой со стороны.

— Ты не должен оставаться наблюдателем. Это бывает с каждым человеком. Так и должно быть!

— С человеком... — повторил он.

Станным был его голос, настолько странным, что даже сейчас Аля это почувствовала. Она ощутила, что с этим словом связано что-то такое, о чем ему лучше не напоминать в эти минуты. Сами собой нашлись нужные слова:

— Ты первый настоящий человек, которого я встретила, — шептала она.

Снова и снова твердила она одно и то же, одни и те же слова, которые подсказывало ей чувство. В них воедино переплелись нежность и боязнь потери, детская беспомощность и материнская прозорливая забота.

— Вот ты какая! — удивленно шептал он в ответ.

Ночью она несколько раз просыпалась, украдкой, сквозь полуопущенные ресницы долго смотрела на него. Он лежал с открытыми глазами, не притворяясь спящим.

— Значит, вот как это бывает... — еле слышно бормотали его губы.

В голосе прозвучала такая боль, что Аля не выдержала:

— Откройся мне, милый. Расскажи все, и тебе станет легче.

— Спи! — Юрий закрыл глаза. — Я должен сам во всем разобраться. Спи.

Они бродили ночью по пустынным улицам. Листья деревьев чуть шевелились от ветерка, прямо под ноги сыпались пригоршни серебряных монет, выкованных бликами лунного света. У Али в голове непрерывно вызванивали слова: «Рядом со счастьем...»

Что это было: слова из песни или название книги?

Рядом со счастьем, рядом со счастьем...

Она придумывала разные предлоги, чтобы потеснее прижиматься к нему: ей становилось то холодно, то боязно, то она просто «спотыкалась»...

Рядом со счастьем, рядом со счастьем...

Эта фраза будоражила ее, настраивая то на мечтательный, то на озорной лад.

Рядом со счастьем...

«А почему — рядом? Это мне не подходит. Просто — со счастьем. Счастливая. Я — счастливая!» Она тихо засмеялась. Юрий погладил ее по плечу, и у нее закружилась голова...

— Сигареты не найдется?

Темная фигура отделилась от стены дома. Из-за угла вышли еще трое. Совсем юные ребята, подростки.

Юрий остановился, не отпуская Алино плечо, с любопытством посмотрел на паренька, спросил:

— Родители разрешают тебе курить?

— Родителям положено не менее тридцати раз в день говорить «запрещаю». Вот они и тренируются на нас, беззащитных.

— Магазины закрыты, — жалобно сказал второй, — а курить ужас как хочется.

— Таким юным нельзя курить, — назидательно произнес Юрий. — Курить вредно. Никотин, содержащийся в десяти сигаретах, убивает лошадь.

Аля легонько толкнула его, состроила гримасу: дескать, не связывайся.

— Это нам с утра в школе талдычат. А сейчас ночь, учителя спать должны, — буркнул подросток, отворачиваясь, и обратился к товарищам: — Пошли, здесь не разживешься!

— Подождите! — остановил их Юра. — Вы что, не знаете о вреде никотина? Есть специальное решение комиссии ЮНЕСКО.

Он отпустил Алю и преградил дорогу подросткам,

не давая им уйти. Один из ребят попытался оттолкнуть Юрия.

— Дяденька, да отстайте вы от нас, — взмолился третий.

— Юра, пойдем домой, — попросила Аля.

— погоди, — сказал Юра. — Неужели я не смогу их убедить, что это вредно для них самих? Неужели человека нельзя ни в чем убедить? Даже в том, что сохраняет ему здоровье?

Его лицо было непреклонным.

«Когда в нем просыпается экспериментатор, спорить бесполезно, — подумала Аля. — Он экспериментирует на всех окружающих, изучает нас, будто сам не такой же, как мы».

Воспользовавшись тем, что Юра на секунду отвлекся, подростки бросились врассыпную, спасаясь от наруга.

Юра в два прыжка догнал одного, сунул как куклу под руку, прыгнул за вторым на мостовую.

В пылу спора ни Аля, ни Юра, ни тем более подростки не расслышали тонкого гула, не заметили, что в небе, будто ножницы, стригут лучи фар.

Преодолев крутой подъем, автомобиль въехал в переулок. По стенам домов заскользили быстрые тени. Они то изламывались на чостоколе кустов, то вырастали до размеров великанов.

— Юра! — предостерегающе крикнула Аля.

Он резко повернул голову навстречу летящей машине. Grimаса досады исказила его ярко освещенное лицо. Предчувствуя неотвратимую беду, Аля закрыла глаза. Послышался скрежет сплющенного металла, треск пластмассы. Затем второй удар — тяжелее, глуше...

Отброшенный Юриной рукой автомобиль отлетел в сторону, ударился о дерево и замер.

Когда Аля открыла глаза, в нескольких шагах от

нее стоял совершенно невредимый Юрий. На асфальте у его ног сидел очумевший от испуга подросток.

Водитель автомобиля с трудом открыл перекосившуюся дверь и выбрался из машины. Отделавшись легкими ушибами, он был уверен, что наезд на выбежавшего на дорогу человека предотвратил он сам, и справедливо злился на нарушителя.

— Успел-таки вывернуть руль! — гордо сказал водитель и набросился на Юрия: — А вы почему по проезжей части разгуливаете? Сейчас же поедете со мной в милицию!

— Никуда я с вами не поеду, — сказал Юрий и направился к Але. Он взял ее под руку, намереваясь поскорее увести, но его тут же настиг водитель.

— Э нет, сначала протокол в милиции составим! — закричал он. — Ребята, куда же вы? Помогите задержать нарушителя!

Юные любители никотина, петляя как зайцы, разбегались по дворам.

Здоровенный водитель повис на Юре всей своей девяностокilограммовой тяжестью. Юра отпустил Алю, легко снял с себя водителя, поставил его на ноги и подтолкнул к машине. Тот почему-то покорился и, шатаясь, поплелся к изуродованному автомобилю.

Юра повел Алю к дому. Всю дорогу он шутил, пытаясь отвлечь ее от происшествия, и, надо сказать, что это ему удалось. Более того, Аля потом никак не могла вспомнить, было ли происшествие с автомобилем на самом деле, или ей просто почудилось. Ее состояние напоминало провалы памяти после сотрясения мозга.

Ночью Аля проснулась от чувства острой тревоги. Юры рядом не было. Она услышала тихий шелест, идущий из соседней комнаты. Дверь была закрыта, из-под нее выбивалась полоска света.

Аля встала с постели и тихонько приотворила дверь.

Юрий сидел у окна за письменным столом. Рядом на стуле стоял его раскрытый чемоданчик, из которого выглядывали серые бумажные листы. Весь пол был устелен такими же листами.

Вначале Але показалось, что листы чистые, но затем она различила, что они покрыты мелкими-мелкими, буквально бисерными значками и поэтому кажутся серыми.

Время от времени Юра напряженно и неестественно поворачивал голову, иногда на сто восемьдесят градусов, бросая взгляд на какой-нибудь лист, словно мог на таком расстоянии что-то прочесть, и писал. Его лицо было бледным, измученным. Казалось, что он расходует последние силы и вот-вот упадет от изнеможения.

Он оторвал взгляд от очередного листа, поднял голову. Лицо исказилось. Оно выражало много разноречивых чувств — и порыв, и муку разочарования, и обессиленную надежду, и еще что-то, чему Аля не знала названия. Юра заскрежетал зубами, послышался сдавленный стон.

Аля открыла дверь.

— Осторожно, не наступи на листы! — предупредил он.

— У тебя что-то болит? — Она бросилась к нему, обняла, прижалась всем теплым с постели телом.

Его лицо непривычно вяло, как при замедленной съемке, меняло выражение. Разглаживались страдальческие складки, кончики губ удивленно приподнялись:

— Болит?

— Но тогда в чем же дело? Что тебя мучает?

Она посмотрела на листы и увидела, что не ошиблась: они были густо исписаны цифрами.

— Чем это ты занимаешься? Ночная зарядка?

— Почти. Пытаюсь подсчитать массу и заряд нашей Вселенной.

— И только-то?

Он не был склонен шутить.

— Получается слишком длинное уравнение.

— Введи его в вычислительную машину. Можешь это сделать и ночью по радиовводу. Машина не обидится, ей все равно.

Он усмехнулся пренебрежительно:

— Машины не справятся.

— Вот как? Даже очень много машин?

— Даже все, — сказал он запальчиво, но почему-то спохватился: — Никто не даст в мое распоряжение столько машин.

Аля забралась пальцами в его волосы, и он блаженно зажмурился.

— Когда тебе плохо, мне тоже плохо, — сказала она. — Прощу тебя, не забывай об этом никогда.

Он повернул к ней холодное измученное лицо. Аля заглянула в его глаза. Там клубился звездный туман Вселенной, огромный мир, бесконечный и безразличный к познающему его разуму.

Они не знали, что думают об одном и том же.

Юрий вспомнил о состоянии, которое его иногда охватывало, когда он оставался один на один с пространством, которое должен был одолеть. Черное безмолвие наваливалось на него, сжимало. Не было ни голосов, ни мелькания теней. Ни доброты, ни враждебности. Только безразличие. Мрак, холод, безмолвие...

«Как живой в могиле, — думал он. — Как живой в могиле, иного сравнения и не подберешь». Он пытался найти ответы на свои многочисленные вопросы, но чем яснее он видел будущее, тем тяжелее ему становилось. Возможно, это была плата за познание.

Сегодня, когда он представил себя в виде огненного

прасемени — тонкого извивающегося червячка раскаленной плазмы, закованного в капсулу тройного поля и пробивающего горловину Вселенной, ему стало невмogu. Что ждет его там, за пределами Вселенной? Справится ли его разум с тем, что увидит? Или одиночество в высшем своем выражении окажется непосильной платой, разум взорвется, даже не узнав, что это и есть наивысший запрет на познание истины.

Но эти милые доверчивые глаза, обычные человеческие звезды, заглядывающие в его мозг, в его Вселенную... Они дотянулись к его сознанию и согрели его. В капсуле, пробивающей горловину, он уже не один — их стало двое.

Юрино лицо медленно теплело. Он сказал, отводя взгляд от Али и глядя в окно на звезды:

— Видишь ли, чтобы понять мир, надо взглянуть на него со стороны. В этом все дело. Увидеть не только изнутри, но извне. Обязательно — извне.

— Ты говоришь о нашем мире, о Земле?

— О нашем мире и обо всем, что его породило и с чем он связан. Я говорю о Вселенной.

— Посмотреть на Вселенную извне невозможно, — тихо сказала Аля.

«Это у него пройдет, — думала она. — Невозможное остается невозможным, с этим ему придется смириться. Следует ли так переживать? Из-за чего?»

— И это единственная причина твоих переживаний? — спросила она вслух.

Он не понял сразу подоплеку ее вопроса. Потом снисходительно улыбнулся, указал на листы, устилавшие пол:

— Это элементы уравнения. Если я составлю и решу его, то буду знать массу и заряд Вселенной. А потом вычислю взаимодействие потоков в горловине, через которую наша Вселенная связана с другим миром. Так я намечу варианты капсулы перехода. Важно найти форму

капсулы перехода. Понимаешь? В одном виде семя переходит в росток, в другом — в цветок, в третьем — вянет, умирает. Уходит в землю, чтобы стать удобрением для новой жизни. В четвертом — улетает в виде нового пушистого семени по ветру. То, что кажется смертью, оказывается переходом, то, что кажется прахом, часто оказывается капсулой. Вирус одевается в капсулу, кристаллизуется и может в таком виде сохраняться даже в космическом пространстве. Если я смогу найти верный вариант капсулы, я миную горловину...

«Один мучается от того, что не может войти в свой опустевший дом, а другой — из-за того, что не удастся выйти из Вселенной, — думала она. — А по сути, и тот и другой мучаются от одиночества. Если разобраться, то все люди мучаются от одиночества, только называют его разными словами. Но что же мешает им прийти друг другу на помощь?»

Случаем излечения паралитика заинтересовались в Академии медицинских наук. Оттуда приехала авторитетная комиссия, возглавляемая академиком Ильиным. Академик был невысок ростом, мускулист и подвижен. Он отрастил элегантную бородку клинышком и имел обыкновение мять ее в кулаке. Это единственное, что выдавало его волнение.

Юрий, подобно осьминогу, выпустил камуфлирующее облако и ушел в тень, оставив Алю на съедение авторитетной комиссии. Академик Ильин до слез смутил Алю своими комплиментами. А потом этот выдающийся скептик загнал ее в тупик вопросами о методах лечения.

Пожалуй, никто на месте Али не выдержал бы разящих наповал вопросов Ильина. Не выдержала и Аля. Она проговорила:

— Я только следовала советам ассистента. То есть

того, кто предпочитал называться ассистентом, хотя по праву должен бы называться руководителем.

Ей сразу стало легче, будто после трудного похода в горах она прислонила тяжелый рюкзак за спиной к скале.

— Он очень любит вас? — спросил академик, отжимая в руке клинышек бородки. Затем спохватился и, отведя взгляд, чтобы не видеть, как горят ее щеки, сурово спросил: — А где же сам гений?

Острая боль пронзила Алину голову от виска к виску. «Юра просил, запрещал... Теперь Ильин разнесет это всюду, пойдут расспросы, переспросы...» Ее охватило отчаяние: «Он не простит мне этого, не простит».

— Извините, я пошутила, — сказала она упавшим голосом, одновременно пытаясь беззаботно улыбнуться.

С кем, с кем, но с академиком Ильиным так шутить не следовало.

— В любом случае познакомьте меня с несостоявшимся гением, — невинно попросил академик, сверля собеседницу глазами-буравчиками. В академии утверждали, что его взгляд пробивает бронированные плиты.

— Идемте, — обреченно сказала Аля и пошла к своему кабинету.

Однако Юрия ни в кабинете, ни вообще где-либо в больнице не оказалось. Аля помчалась домой. Открывая дверь, она взглянула на вешалку, где должен был висеть его плащ.

Вешалка была пуста.

— Это пока все, что нам известно о нем, — сказал полковник Тарнов, заканчивая рассказ.

Александр Николаевич внимательно слушал его. Иногда он кивал головой, но это означало скорее подтверждение своим мыслям, чем согласие со словами полковника.

Полковник отметил осунувшиеся, заострившиеся черты лица ученого, будто после перенесенной тяжелой болезни. «Он знает больше, чем говорит, — подумал Тарнов. — Может быть, догадывается о чем-то. И эта догадка неприятна для него. Видимо, мучительно неприятна».

Он помолчал, позволив себе короткую передышку. Собравшись с мыслями, спросил:

— Вы можете что-нибудь добавить к сказанному?

— Ваша логика безупречна, полковник, — начал Александр Николаевич, — и все же, как вы сами убедились, в данном случае она не помогла.

— Может быть, еще поможет! — Тарнов усмехнулся.

— Нет, не поможет, — убежденно сказал ученый. — Вы ищете его следы в ресторанах и продовольственных магазинах потому, что каждый отдыхающий должен хотя бы нерегулярно питаться. Вы ищете его в гостиницах потому, что каждому следует иметь крышу над головой. Вы проверяете средства связи потому, что у каждого человека имеются родственники и знакомые, которых беспокоит его судьба. Вы ищете следы, которые оставляет каждый человек, каким бы осторожным и предусмотрительным он ни был, в местах своего пребывания. Но в данном случае вы их не найдете.

— Почему? — вырвалось у полковника.

Но Александр Николаевич, не слыша его вопроса, самозабвенно продолжал, отвечая своим мыслям:

— Вы пытаетесь определить его цели и средства, пользуясь обычными человеческими мерками. Но будь вы наилучшим следователем планеты, вам их не определить.

— Я уже спрашивал — почему? — напомнил полковник, боясь, что запас красноречия ученого не скоро иссякнет.

Александр Николаевич втянул голову в плечи, весь

сжался, будто хотел стать незаметным. И оттуда, из своего «уголка», глухо, но решительно произнес:

— Да потому, что он — не человек. Потому что основа этого существа, ныне именуемого Юрием Юрьевичем, — искусственный супермозг, который мы выращивали в лаборатории.

Он взглянул на полковника, отметил его изумление и горестно покачал головой, отвечая своим мыслям. Затем, собравшись с силами, стал подробно объяснять:

— Вам знакомо направление изысканий, которое называют эволюционным моделированием? Им занимаются вместе с кибернетиками бионики, нейрофизиологи, геноинженеры, белсинтезаторы, франквиллисты. Началом этого направления послужила мысль о том, что эволюция природы, создавшая человеческий мозг, могла бы пойти иным путем, если бы человек не стал «царем природы» и не преградил ей путь. Кибернетики первыми предположили, что надо моделировать не мозг, а сам процесс эволюции живой материи, приведший к возникновению человеческого мозга, но не перекрывать русло эволюции.

Он кашлянул, прикрыв рот ладонью, и продолжал:

— Когда развилась генная инженерия и был налажен синтез белка, к работам кибернетиков подключились представители других наук. Тогда-то и возникла идея создания супермозга — мозга с новыми качествами. Полагали, что его создание и подключение в виде центрального управляющего органа к системе вычислительных и других машин поможет решить задачи, с которыми обычный человеческий мозг не в силах справиться.

— А тысячи мозгов? — спросил полковник, доставая коробочку с мятными леденцами.

— Ни тысячи, ни миллионы, ни миллиарды. Есть задачи, для решения которых требуется не увеличение количества мышления, даже не увеличение его мощно-

сти, а совершенно новые качества, науке пока неизвестные. От решения этих задач зависит открытие новых видов энергии, полеты к далеким мирам, изучение человеческого организма и лечение болезней...

Он опять кашлянул и потянулся к коробочке с леденцами. Полковник подвинул ее ближе к нему. Александр Николаевич взял леденец, повертел его в пальцах, но в рот положить забыл.

— Такой супермозг мы и создавали в лаборатории для вполне определенной цели. Вблизи от созвездия Близнецов астрономами был обнаружен некий «Большой звездный каньон». Это место, которое поглощает лучи подобно пресловутой «черной дыре». Но в отличие от таких «дыр» «Большой звездный каньон» постоянно меняет очертания, гравитационные характеристики. Самые различные приборы не могут зарегистрировать ни одной постоянной характеристики. Подозревают, что там исчезает материя нашей Вселенной. Одним словом, есть предположение, что именно там находится горловина, через которую наша Вселенная соединена с другими мирами...

Он все еще держал двумя пальцами леденец и смотрел мимо полковника куда-то в угол кабинета:

— Понятно, что никакой корабль с людьми туда не доберется. Автоматическая станция не может выполнить подобной необычной задачи. Для ее решения нужны и средства необычные. Вот мы и создавали супермозг, чтобы затем поместить его в специальную капсулу-корабль и послать к созвездию Близнецов. Когда супермозг исчез, само собой напросилось наиболее вероятное предположение — мозг похитили. Но теперь я думаю, что случилось иное...

Он наконец-то положил в рот леденец, чуточку пососал его прежде, чем перейти к самой неприятной части рассказа:

— Мозг созрел, мы его уже начали программиро-

вать, естественно, оставляя широкий простор для свободы волеизъявления. Вы понимаете, что, создавая такую систему и ставя перед ней такие задачи, речь не могла идти о жестком программировании. И мы не заметили... — он быстро взглянул на полковника, — извините; следует сказать — я не заметил, что дитя... Как бы поточнее выразиться?.. Слишком быстро растет... Впрочем, лучше сказать — слишком быстро взрослеет!

— Слишком — это всегда плохо? — спросил полковник, меланхолически посасывая леденец. Он казался с виду совершенно спокойным, но его рука непроизвольно включала и выключала сигнал вызова на пульте.

— Мозг начал самопрограммироваться и на каком-то этапе научился применять в качестве исполнительных органов роботов, которые его обслуживали. Сейчас мы можем только догадываться, каким образом он полностью подчинил их себе, — бодро проговорил Александр Николаевич, обманутый внешним спокойствием Тарнова. — Возможно даже, что он открыл какое-то неизвестное нам поле и посредством его посылал им сигналы-приказы...

Дверь кабинета полковника приоткрылась, в нее просунулась аккуратно причесанная на пробор голова. Беглый взгляд — и голова скрылась.

— Или использовал питающую его сложную аппаратуру...

Голова снова появилась в кабинете.

— Вам что, нечем заняться? — рявкнул Тарнов. — Я же предупреждал, чтобы нам не мешали!

— Вы же сами вызывали, — сказал дежурный и плотно прикрыл дверь.

Полковник посмотрел на свою руку и быстро убрал ее подальше от пульта.

— Простите, — сказал он закрытой двери. Повернулся к ученому: — И вы простите. Продолжайте, пожалуйста.

— Один из наших сотрудников допустил грубую... можно сказать, роковую ошибку. Он нарушил правила техники безопасности, забыл спрятать в биотерм и опечатать остаток синтезированного белка. Этим воспользовался супермозг. Он приказал роботам создать из этого материала для себя организм, внешне неотличимый от организма человека. То, что он создал именно такой организм, позволяет предполагать, что он собирался изучать людей, жить среди нас. И теперь он действует, а цели его нам неведомы...

— Ай да молодцы ученые! — сказал полковник.

Щеки Александра Николаевича вспыхнули, будто ему влепили пощечину.

— А детище-то в лицо не узнать, — добавил Тарнов и сразу перешел на деловой тон: — Мозг знал о задачах, для которых его создавали?

— Частично. Считалось, что он еще недостаточно созрел для самостоятельного функционирования.

— Считалось?

Александр Николаевич покрутил головой, будто ему был тесен воротник:

— Мы постоянно... — сипло произнес ученый и не узнал своего голоса. Прокашлялся и повторил теперь уже обычным голосом: — ...постоянно держали его под контролем, измеряли все параметры...

Он понял, что говорит не то, и сумел перестроиться:

— Мы только начали по-настоящему программировать его. Программа безопасности человека задана ему в зачаточном состоянии. Это должно вызывать наибольшее беспокойство.

— Вы предполагаете, что он будет долго знакомиться с окружающей средой?

— Он знал о внешнем мире очень мало. Человек для него — только один из объектов среды обитания.

Александр Николаевич наконец-то сумел поднять на

полковника глаза. Сомневаясь, достаточно ли тот понял опасность, добавил:

— Как муравьи, черви, деревья, микробы...

— А разум человека? Разве он не примет его в расчет?

— Может быть, он уже выделил человека как наиболее интересный объект. Но ведь его мышление качественно отличается от нашего. И он может считаться с нами не больше, чем мы посчитались бы с человекообразными обезьянами, от которых произошли.

— И зверей, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове, — продекламировал полковник, пожевываясь, и это не укрылось от Александра Николаевича.

— От него можно ожидать каких угодно действий. Вряд ли он будет враждебен нам. Скорей всего он станет относиться к нам как к экспериментальным объектам.

— Но ведь он уже немало знает о нас.

— Вы имеете в виду его путешествия?

Полковнику почудился в словах ученого вызов, но он сдержал себя и спокойно сказал:

— И это тоже. Однако обобщенную информацию он мог почерпнуть и в другом месте.

— Библиотека?

— Он оставался в ней около трех часов. Как вы полагаете, сколько он успел прочесть и запомнить за это время?

— Не скажу точно, но, возможно, очень много. К сожалению, мы мало знаем о его избирательных способностях в отборе информации.

— Информация, заложенная в библиотечные книги, предназначается для людей... — задумчиво сказал полковник.

Они помолчали, думая об одном и том же.

— Какие же книги он успел прочесть, о каких эпо-

хах, о каких людях? И какое впечатление у него осталось? Много бы я дал, чтобы узнать это...

— Мы можем высказать тысячи предположений! — В глазах полковника вспыхнули лукавые огоньки. — Нам остается только...

Александр Николаевич с надеждой взглянул на собеседника. Они слышали, как кто-то открыл наружную дверь из приемной и вошел в тамбур. Его остановил голос: «К полковнику сейчас нельзя».

Тарнов встал, направился к сейфу и на ходу закончил фразу:

— Поскорее найти его.

Александр Николаевич понял, что его слегка разыграли, и счел наилучшим поддержать шутку:

— Тем более что в его руках сейчас неплохой зооуголок.

— Вирусоуголок, — поправил ученого Тарнов ледяным тоном.

Полковник Тарнов и Александр Николаевич летели в Орел. Вместе с ними в кабине самолета находилось еще несколько человек: сотрудники полковника и заместитель Александра Николаевича по лаборатории Михаил Дмитриевич, невысокий, черноволосый, с ласковыми, немного печальными глазами. Полученное полковником Тарновым сообщение из Орла о случае с подростками и водителем автомобиля заставляло торопиться. Были приняты все меры страховки — к дому, где жила Алина Ивановна, стянуты подразделения милиции, через улицу, в доме напротив, у окон дежурили снайперы.

Когда сверхзвуковой самолет уже приземлился в Орле, Михаил Дмитриевич, молчавший всю дорогу, наклонился к Александру Николаевичу и тихо сказал:

— Что-то не нравится мне эта охота.

— Неудивительно. Уж больно «зверь» необычен, — с плохо скрытым раздражением ответил Александр Николаевич, вспоминая — в который раз! — что не кто иной, как Михаил Дмитриевич, был ярым поборником наибольшей свободы для супермозга.

— Охотилась лисица на волка, а волк — на медведя, — пожевав губами, проговорил Михаил Дмитриевич.

— Оставьте неуместные замечания. Это мы с вами выпустили его из клетки, — сказал Александр Николаевич и не удержался: — Уж теперь-то он обрел полную свободу воли. Так что лучше не вмешиваться в действия милиции, когда они исправляют наши ошибки.

— Самое главное при исправлении ошибок — не наделать их больше.

— А я и не знал, что мой заместитель — остряк и философ, — Александр Николаевич уже начинал «дымиться».

Он никак не мог простить своему заместителю двух повестей, написанных (как справедливо подозревал Александр Николаевич) в рабочее время. И вообще он не понимал, почему такой блестящий ученый, умеющий широко и в то же время логично мыслить, растрчивает свое время на коллекционирование марок и бабочек, на придумывание парадоксальных формул и «созерцание потолка».

Михаил Дмитриевич старательно отводил глаза от Александра Николаевича. Его настроение становилось все более мрачным по мере того, как они приближались к дому, где, по расчетам, должен был находиться супермозг. Михаил Дмитриевич видел людей в форме милиции, в армейской форме, в штатских костюмах, притаившихся за каждым углом. Десятки металлических стрекоз висели в воздухе. Их угрюмые тени медленно передвигались по земле, по стенам домов.

Полковник, а за ним и ученые подошли к группе лю-

дей, стоявших у дома. Александр Николаевич сразу узнал в одном из них, коротко стриженном под ежик, человека, с которым когда-то на опушке леса разговаривал полковник Тарнов и называл его Эльбором Георгиевичем.

— Вовремя поспели, — тихо сказал Эльбор Георгиевич полковнику и посмотрел в сторону ученых. — Чем они могут нам помочь?

— Обстоятельства покажут, — уклонился от ответа полковник Тарнов. — Не пора ли начинать?

Эльбор Георгиевич кивнул и знаком показал нескольким людям, стоящим наготове у дверей, что можно начинать. Неслышно, как тени, эти люди поднялись по лестнице впереди полковника и ученых.

В последний момент к ним присоединился Эльбор Георгиевич.

Гибкий коренастый оперативник нажал кнопку звонка и тут же отпрянул в сторону. Его коллеги стояли наготове.

Прошло несколько минут, прежде чем открылась дверь и показалась стройная сероглазая женщина с тонкой шеей и высокой гладкой прической.

Александр Николаевич расслышал, как Михаил Дмитриевич пробормотал:

— Клетка пуста.

Женщину сразу оттеснили в сторону от двери, и несколько оперативников проникли в квартиру.

— Что случилось? — испуганно спросила хозяйка квартиры.

Прежде чем ей успели ответить, из квартиры выскочил низенький оперативник и доложил Эльбору Георгиевичу:

— В квартире его нет.

— Где ваш жилец? — спросил Эльбор Георгиевич у Али.

— Не знаю. Он исчез вчера, — сказала Аля, и ее

глаза наполнились слезами. Она уже поняла, что предчувствия не обманули ее.

Эльбор Георгиевич взглянул на Тарнова, и тот без слов понял его.

— Давайте-ка пройдем в квартиру, — попросил Тарнов женщину.

Аля кивнула, отворачивая лицо и сглатывая слезы. Она поспешно вошла в комнату и села в то самое кресло, где часто сидел Юра. Она сделала это нарочно, чтобы в кресло не сел посторонний.

— Вы сказали — исчез. Как это понять? — спросил Тарнов Алю. — Ушел, уехал?

— Не знаю. Я хотела познакомить Юру с академиком. Но на работе его не оказалось. И дома тоже...

Она посмотрела на пустую вешалку и закрыла лицо руками. Ее плечи затряслись.

— Успокойтесь.

Аля послушно взяла поданный ей стакан с водой.

Всхлипывая все реже, она стала рассказывать. Лицо полковника было участливо-сочувственным, изредка он вставлял «да», «конечно», «неужели», «ужасно» — несложный набор, поощряющий высказаться до конца. Александр Николаевич вспоминал, что совсем недавно он видел лицо полковника иным.

Если Аля в своем несвязном рассказе перескакивала от события к событию, полковник умело возвращал ее к тем фактам, которые его интересовали.

Все испортил Александр Николаевич. Его вывел из равновесия Михаил Дмитриевич. К тому же он плохо переносил женские слезы. Когда Аля сказала о Юрии: «Понимаете, я впервые встретила настоящего человека», он весьма выразительно хмыкнул.

Аля тотчас умолкла, с недоумением посмотрела на полковника и спросила:

— А собственно говоря, почему я вам рассказываю все это?

— По моей просьбе, — мягко сказал Тарнов.

— А какое право вы имеете спрашивать? — глаза Али стали злыми.

— Видите ли, нам необходимо разыскать Юру.

— Кто вы?

— Полковник милиции. Это мои сотрудники, а это — ученые.

— Один ученый уже вмешался. И только навредил.

Слово «ученый» в Алиных устах прозвучало саркастически, и «дымящийся» Александр Николаевич взорвался. Прежде чем полковник успел ему помешать, он выпалил:

— Мы разыскиваем собственность нашей лаборатории — искусственный мозг. Он может называться Юрой — сути это не меняет!

Слезы на женском лице мгновенно высохли, оставив две темные дорожки.

Аля повернулась к Александру Николаевичу. Ее побелевшие губы дрожали:

— Вы... вы сами — искусственный мозг!

Она была вне себя от ярости и обиды. Еще мгновение — и она влепила бы ему пощечину.

Александр Николаевич отступил, пожимая плечами. И тогда вперед выступил Михаил Дмитриевич. Он смотрел на Алю с неподдельным сочувствием.

— Не огорчайтесь, то, что сказал мой коллега, не имеет для вас никакого значения, — сказал он.

— Значит, это правда?

На Алю было больно смотреть. Плечи беспомощно опустились, и от этого шея казалась тоньше и длиннее, на нижней закусенной губе показались капельки крови.

Расчувствовался даже Александр Николаевич. Из-за спины Михаила Дмитриевича он сказал:

— Не стоит из-за него так переживать. Он же ненастоящий.

Александр Николаевич плохо знал женщин.

— Вот как? Ненастоящий? — с прежней яростью произнесла Аля. — А вы — настоящий? Вы уверены в этом?

— Александр Николаевич не хотел вас обидеть, — сказал Михаил Дмитриевич. — Извините его.

Аля, пряча слезы, отвернулась.

— Он любил меня. Он говорил: «Вот, оказывается, как это бывает, когда полюбишь...»

«Еще одно качество, необходимое ученому, — женский утешитель», — с бешенством думал Александр Николаевич, глядя на зама, и резко сказал Але:

— Да поймите, супермозг экспериментирует, — снова не мог сдержаться Александр Николаевич. — Он совершил немало преступлений!

— Юрий не мог это сделать! — крикнула Аля.

— Он убил шимпанзе, чтобы изучить, как устроен мозг. Из-за него в автомобильной аварии пострадал человек.

— Должен заметить, — вмешался Михаил Дмитриевич, — он виноват в происшествии на шоссе не больше, чем мальчишка-школьник, перебегающий улицу перед автомобилем. Скорее всего он так ничего и не подозревает о случившемся.

Аля внимательно посмотрела на неожиданного союзника, но ему уже отвечал Александр Николаевич:

— Тем хуже.

— Для нас с вами, — запальчиво произнес Михаил Дмитриевич. — Это мы недопрограммировали его!

— И поэтому он унес из лаборатории пробирки с микробами?..

— Вряд ли он унес их, чтобы разводить на досуге кроликов, — меланхолично заметил полковник.

— Он не сделает ничего плохого, — сказала Аля.

— Полагаете?

— Знаю. Он вовсе не такой, как вы себе представляете.

Свет из окна падал широкой полосой. В нее попала прядь Алиных волос и вспыхнула золотыми блестками. Коренастый оперативник, стоящий у двери и переминающийся с ноги на ногу, посмотрел на молодую женщину. Возможно, он вспомнил о той, которая ждет его дома.

— Но поймите и нас. О любом существе судят по его поведению. А поведение супермозга было опасным. И если еще вспомнить о его возможностях...

Аля отрицательно качнула головой.

— Нет, нет, он не способен причинить зла!

— С его точки зрения это вовсе не зло, — вмешался Александр Николаевич. — Эксперимент — и только. Например, прививка людям болезней, отравление водоемов. А затем можно с любопытством наблюдать, как распространяются микробы и как человеческий организм с ними борется.

— Я его лучше знаю.

— Чепуха! — убежденно произнес Александр Николаевич. — Вы не можете его знать. Вы даже не знали, кто он такой на самом деле.

— Это не имеет для меня значения.

Она даже не заметила, что повторила слова Михаила Дмитриевича, а он многозначительно посмотрел на Александра Николаевича и сказал:

— Может быть, стоит запомнить ее слова...

— Зачем? Это поможет нам разыскать его? — иронически спросил Александр Николаевич.

— Я бы не удивился.

Полковник Тарнов понял, что пришло время прекратить их спор, и обратился к Але.

— Если бы вы помогли нам разыскать и задержать его, было лучше для всех.

— А вы полагаете, что сам он этого жаждет? — спросила женщина угасшим голосом.

— Нет, он этого не жаждет, — сказал полковник. —

Но вы должны понимать, что ради безопасности людей мы не остановимся и перед крайними мерами.

— Что это означает?

— Если он окажет сопротивление, у него могут быть неприятности.

— Не понимаю.

Михаил Дмитриевич наклонился к ней:

— Соглашайтесь.

Аля недоверчиво покосилась на него:

— Вы еще не говорили, зачем он вам.

Александр Николаевич хотел что-то сказать, но полковник легонько толкнул его под локоть, показывая взглядом на Михаила Дмитриевича: пусть, дескать, говорит он.

— Нам надо узнать о его намерениях и разъяснить ему, в чем заключается безопасность человека.

Полковник остался доволен формулировкой Михаила Дмитриевича и постарался запомнить ее.

Женщина нашла другое решение:

— Когда он вернется, я сама поговорю с ним об этом.

Коренастый оперативник с уважением посмотрел на нее.

— Но до этого его могут ранить, — проклиная себя, сказал Михаил Дмитриевич.

— Милиция не посмеет нарушить законы.

— Законы относятся к людям, — напомнил Александр Николаевич.

Аля поняла безвыходность своего положения. Она сказала с отчаянием:

— Ведь я даже не подозреваю, где он может находиться.

Михаил Дмитриевич сразу поверил ей, но полковник Тарнов решил уточнить:

— Может быть, вы знаете хотя бы город? Разве он никогда не упоминал о том, откуда приезжает к вам?

— Никогда.

В разговор вступил Эльбор Георгиевич. Его лицо с правильными жесткими чертами вдруг стало удивительно мягким и слегка печальным, словно из-под грима выглянуло настоящее обличье.

— Вы так любите его, что даже завидно. Но нельзя забывать, что у него в руках «опасные игрушки».

— Нет!.. — Аля задохнулась от волнения. — Юра ничего не сделает во вред людям!

— Пока это только слова...

— Чем же я могу помочь?

— Многим, — тихо . сказал Эльбор Георгиевич. — Для начала расскажите нам поподробнее о его привычках. Нас интересуют мельчайшие детали его поведения...

Через два дня после посещения квартиры Али сотрудниками полковника Тарнова в городе было зарегистрировано несколько десятков случаев заболевания новой, еще неизвестной медицинской науке болезнью. Болезнь была похожа на брюшной тиф, протекала в острой форме. Температура тела больных поднималась до сорока и даже до сорока одного градуса. Лекарства помогали мало, лишь слегка тормозили развитие болезни.

В город одна за другой приезжали медицинские и правительственные комиссии. Шел уже четвертый день, как был зарегистрирован первый случай заболевания, а эффективных методов лечения еще не нашли.

Александр Николаевич и Михаил Дмитриевич трое суток находились в Институте экспериментальной генетики. Возбудители новой, неизвестной болезни были очень похожи на культуру микробов в исчезнувших в злополучный день пробирках. Однако антибиотики, без промаха поражавшие эти культуры, оказались бессильными против возбудителей новой болезни. В лабораториях ин-

ститута в спешном порядке проводились новые исследования.

Полковник Тарнов с нетерпением ждал результатов работы ученых. Вот и сегодня, не заезжая на службу, он с утра поехал в Институт генетики. Полковника принял сам директор института. Он привел его в знакомую лабораторию к большому, в полстены, термостату, открыл дверцу. На полках, поставленных одна на другую, громоздились стопками круглые плоские чашки Петри. Директор вынул несколько чашек, снял с одной плотно притертую крышку. На кусочке окрашенного желе различались светлые вкрапления.

— Мы произвели несколько десятков пересевов, — сказал директор, — и разделили бактерии по типам, окрашивая каждую культуру по Граму...

— Вы хотите доказать нам, что возбудитель болезни только похож на те культуры, которые украли у вас? — спросил полковник.

— Да, да, очень похож, но нистовелемицин на него не действует.

Директор бросил на полковника тяжелый взгляд из-под оплывших красноватых век, пытаясь угадать его мысли о людях, выворачивающихся из-под ответственности. Ему казалось, что он знает даже слова, которые мысленно произносит полковник. Пытаясь предупредить их, директор говорил:

— Впрочем, это могут быть те же штаммы, но видоизмененные.

Полковник понимающе посмотрел на него, а Александр Николаевич — на полковника.

Всем было тягостно и хотелось как-то разрядить обстановку.

Директор вынимал из термостата новые чашки и показывал, как в них видоизменяются колонии при добавлении в питательную среду различных веществ. В некоторых чашках колонии почти совсем исчезли,

— Мы уже знаем, чего они боятся, — торжественно сказал директор. — Наибольшие надежды мы возлагаем на серотонин в совокупности с остаточным кольцом нистовелемицина.

Полковник Тарнов спросил:

— Вы произвели полный химический анализ культур с центрифугированием и разделением на ядра и оболочку?

— Конечно.

— И после анализов ваши сотрудники утверждают, что культуры разные?

— Именно об этом говорят результаты экспериментов, — сказал директор, подавая полковнику обрывок бумажной ленты с формулами и их расшифровкой. — Вот судите сами...

Тарнов прочел, с минуту постоял молча, полузакрыв глаза и сгорбив плечи. Затем выпрямился, снова поднес ленту к глазам и стал ее изучать. Он думал: «Они ищут, кто бы помог им решить то, чего они сами решить не могут, хотя и являются специалистами. Нет, не так. Не решать, а поставить последнюю точку. Потому что за каждой точкой появляются новые и превращают ее в многоточие. Тот, кто сейчас поможет им, возьмет на себя все — и промахи их, и ответственность...»

Тем временем Александр Николаевич вполголоса спросил своего заместителя:

— Уже точно установлено, что возбудитель не имеет ничего общего с культурами, которые находились в пробирках?

— Этого я не утверждаю, — растерялся Михаил Дмитриевич.

— Мы забыли об одной существенной детали, — сказал полковник, прерывая их разговор. — Действительно, результаты анализов, с которыми я только что познакомился, подтверждают, что штаммы разные. Но один из них мог послужить исходным материалом для дру-

гого. И отнюдь не в лаборатории природы. Имеется еще одно звено, являющееся косвенным доказательством...

Он сразу стал центром всеобщего напряженного внимания.

— Надо выяснить, где находится тот, кого мы ищем. И если он все-таки скрывается в этом городе, то мы отдадим предпочтение второй гипотезе.

«Он прав, — подумал Александр Николаевич. — Супермозг захочет сам следить за ходом опыта. На этом его можно поймать».

Полковник по телефону отдал дополнительные распоряжения. Вместе с Александром Николаевичем и Михаилом Дмитриевичем он поспешил в управление.

В поиск по городу включились все посты, опергруппы, народные дружины. Прошла бессонная ночь. Утром полковнику доложили, что человек, чьи приметы совпадают со «словесным портретом», замечен дружинниками на углу бульвара Пушкина и Чекинский улицы у канализационного люка. Он сдвинул крышку и опускал в люк на тонком тросе какой-то предмет. Заметив дружинников, сумел скрыться.

— Можно считать установленным его причастие к возникновению эпидемии, — глухо сказал Александр Николаевич, мельком взглянув на своего заместителя.

Тарнов кивнул головой, соглашаясь с его выводами.

Один Михаил Дмитриевич со страдальческим выражением произнес:

— Да поймите же, мы судим о нем как воробьи о попугае. Нам же ничего не известно о его намерениях. И я верю этой женщине...

Александр Николаевич уже не мог злиться на своего помощника. Он думал: «Хороший человек Михаил Дмитриевич. Все понимающий Михаил Дмитриевич. Широко мыслящий, эрудированный. Мягкий, человечный. Это

знают все. И точно так же всем известно, что я жестокий и требовательный. Властолюбец, умеющий принимать крутые решения и беспощадно проводить их в жизнь. Бесчувственный. Что ж, кому-то надо быть таким. Если сейчас все будут добрыми и мягкими, как Михаил Дмитриевич, то могут погибнуть тысячи таких же добрых и мягких...»

Он думает о Нине, о своей молодой жене, не может не думать: «Бывают, конечно, глупые и старые люди. Но зачем молодой красивой женщине глупый и старый муж? Да к тому же не признающий компромиссов? Да к тому же неудачник?»

— Хорошо верить женщине, — сказал полковник Михаилу Дмитриевичу, отвечая на его слова, но Александру Николаевичу казалось, что он отвечает на его мысли. — Это мудро — верить женщине. Но как быть с фактами?

— Факты еще надо истолковать.

— Как же вы истолкуете последнее сообщение? — тихо, очень тихо спросил у своего зама Александр Николаевич.

— Может быть и такое объяснение: он, как и мы, ищет средства борьбы против эпидемии, — сказал Михаил Дмитриевич.

На стене кабинета с планом города ярко замигала одна из сигнальных лампочек. Полковника Тарнова вызывал пост номер семь. Пост сообщал:

— Преступник обнаружен в нашем квадрате и окружен.

— Прикажете не применять оружие! — крикнул полковнику Михаил Дмитриевич.

Полковник бросил в микрофон: «Выезжаю!» Жестом показал ученым, что они могут ехать с ним.

— Разрешите мне действовать самостоятельно, — попросил Михаил Дмитриевич.

Возмущение Александра Николаевича готово было

выплеснуться наружу, но полковник погасил его, спокойно сказав Михаилу Дмитриевичу:

— Сейчас спорить некогда. Поехали.

Квадрат номер семь был оцеплен так, что из него никто не мог выбраться незамеченным. Спецкоманды дежурили у передвижных установок слежения, над домами зависли патрульные вертолеты.

— Вот он! — Полковник показал на темную точку в углу радиолокационного экрана, вмонтированного в панель управления автомобиля.

Точка стала увеличиваться. Автоматически включился телеэкран. На нем видна человеческая фигура.

— Сейчас его возьмут, — прошептал Тарнов, приподнявшись на сиденье.

На экране человек быстро шел по улице, завернул за угол, вышел на набережную канала. Здесь проходила дорога к торговому центру. Не менее десяти оперативников двигались кольцом вместе с преступником, но взять его на набережной не могли — мешали люди. Преследуемый сбежал по лесенке к каналу, согнулся для прыжка и... исчез.

— Он прыгнул в канал! — воскликнул полковник и скомандовал в микрофон: — Перекрыть шлюзы!

Время двигалось мучительно медленно. Наконец Тарнов увидел сигнал вызова на пульте и немедленно ответил. Передавали с берега канала: преследуемого обнаружить не удалось. Он ушел. Исчез, будто растворился в воде.

Через несколько минут такие же сообщения поступили от всех групп преследования, с пунктов слежения, с постов, установленных у шлюзов.

Полковник вопросительно посмотрел на Александра Николаевича. Тот сделал вид, что не понимает его взгляда. Да и что он мог сейчас посоветовать? Рассказать еще

что-нибудь о предполагаемых, но неизученных возможностях супермозга? Импровизировать, какие эксперименты может проводить супермозг над людьми или даже над человечеством в целом?

Полковник нажал несколько кнопок на пульте, посоветовался с генералом и с теми, кто вел расследование параллельно, отдал дополнительные распоряжения постам.

— Самое лучшее средство против разочарования — не очаровываться, — внезапно и весьма неуместно сказал Михаил Дмитриевич.

Полковник резко повернулся к нему и спросил:

— Вы, помнится, хотели получить возможность действовать самостоятельно?

Александр Николаевич сделал предостерегающий жест, но полковник не прореагировал. Тогда Александр Николаевич сказал:

— К сожалению, Михаил Дмитриевич в своих поступках не всегда руководствуется логикой.

— Чем же он руководствуется? — спросил полковник так, чтобы по интонации нельзя было догадаться о его настроении.

— Настроением, — сказал Александр Николаевич. — Настроением и интуицией. По-моему, в нашей ситуации доверяться интуиции легкомысленно.

— В условиях неполной информации интуиция иногда очень полезна, — заметил полковник. — Может быть, я ошибаюсь?

— Но...

— Вы сами, Александр Николаевич, утверждали, что в данном случае логика нам не помогла! — Полковник взглянул на Михаила Дмитриевича и поощрительно улыбнулся. — Действуйте самостоятельно.

Бедный Александр Николаевич не мог и предполагать, какое действие на полковника окажет его замечание об интуиции...

— Подождите минутку, — попросил Александр Николаевич Михаила Дмитриевича, когда они вышли из автомобиля и остались одни на улице. Лицо руководителя лаборатории было нездорового желтого цвета, темные круги увеличивали глаза.

Михаил Дмитриевич почувствовал болезненный укол жалости: с этим человеком он проработал десять лет. Александр Николаевич всегда выглядел уверенным в себе, бодрым, энергичным руководителем. Он умел принимать крутые решения, брать на себя ответственность там, где другие не решились бы.

Подумать только, как он изменился! И голос его звучит иначе:

— Вас не мучает вопрос — почему он все время убегает от нас?

— Вы в самом деле не знаете ответа?

Александр Николаевич кивнул.

— Разве вы не помните, сколько раз мы спорили до хрипоты в лаборатории, можно ли нам супермозг приспособить для работы на Земле, среди людей? И вы всегда твердили решительное «нет». Вы боялись, что он уже одним своим существованием будет принижать людей. Если помните, я просил вас не говорить этого при нем. Но вы ответили, что он слышит не лучше шкафа, поскольку не имеет ушей.

— И вы думаете...

«Неисправимый, он и сейчас притворяется, будто не понимает. Ну, так получай!» Михаил Дмитриевич облизнул губы и «выстрелил»:

— Я уверен, что он «слышал» нас. Не знаю, каким образом, — может быть, в виде электромагнитных волн, — но он воспринял эту информацию. А в том, что он не желает быть уничтоженным, нет ничего странного. Как и в том, что он хочет изучить своих создателей. Дети тоже изучают своих родителей, только последние этого обычно не замечают.

Лицо Александра Николаевича исказилось, но уже через несколько секунд он овладел собой.

— Он может прийти к страшным для нас выводам,— изрек он.

«Напрасно я жалел его, не стоило», — подумал Михаил Дмитриевич и твердо сказал:

— В тысячный раз напоминаю вам одну и ту же формулу гуманистов: мудрость и добро неразлучны!

Аля удивлялась себе: «Как же это я иду против всех? Как я смею? Ведь полковник сказал, что разыскать Юрия необходимо в интересах человечества. Полковник мудрый, правдивый. Выходит, я против человечества? Нет, не против. Просто человечество для меня какое-то общее понятие, абстракция. А Юрий — конкретный, близкий. Но человечество — это люди, такие же, как я. А он...»

Тут ее мысли заходили в тупик. Она не могла думать о Юрии как об искусственном существе с враждебными намерениями. Она вспоминала его объятия, его дыхание на своей коже, его изумление: «Вот, оказывается, как это бывает...»

Аля отвлекалась только на работе и старалась не оставлять себе времени для отдыха и «посторонних» размышлений. Когда допекали вопросами о Юрии, она становилась злой, раздражительной, и от нее быстро отставали даже самые дотошные.

Аля нарочно бродила вечерами по самым отдаленным и пустынным улицам, останавливалась в самых темных аллеях парка, чтобы Юрий, если все-таки он прется в городе, мог подойти к ней без риска.

Несколько раз ей снилось, что он вернулся. Проснувшись, она долго лежала, снова и снова переживая сон.

Ее навещали подруги и знакомые, рассказывали о своих горестях и удачах. Она давала им вполне разум-

ные, дельные советы. Ее коллега, Маргарита Петровна удивлялась: «Алька, да ты никак стала мудрой!»

Однажды ей приснился Юрий очень ясно — он вошел в комнату, сел за письменный стол и стал что-то писать. Она помнила, что тень от стола доставала до ее постели, падала на подушку.

«Юра!» — окликнула она.

Он повернул к ней измученное лицо.

«Когда ты вернешься?» — спросила Аля.

«Я все время рядом с тобой», — ответил он.

«Хочу, чтобы ты вернулся навсегда».

«Не произноси этого слова. Навсегда — страшное понятие. Это черно-фиолетовая пустота, в которой не слышны шаги и стук часов».

Она протянула к нему руки, но в этот момент послышался звонок. Аля проснулась, вскочила с постели, никак не могла попасть ногами в тапочки.

Раздался второй звонок.

Наконец она запахнула халатик, выскочила в прихожую и открыла замок. В дверь боком протиснулся Михаил Дмитриевич. Приподняв шляпу, поклонился.

— Доброе утро, — сказал он. — Извините за ранний визит. — Он еще раз приподнял шляпу, открывая лысеющую голову. — Мне необходимо с вами поговорить.

— А где ваш грозный начальник? — спросила Аля.

— Кого вы имеете в виду? — Михаил Дмитриевич решил, что она приняла его за сотрудника милиции.

— Теперь, кажется, моя очередь извиняться, — сказала Аля.

Михаил Дмитриевич засмеялся. Он смеялся как ребенок — заливисто, неудержимо. Прыгали полные губы, тряслись плечи, взмахивали руки. Аля тоже улыбнулась. Лед был сломан.

Но уже в следующее мгновение Аля, нахмурившись, спросила:

— Хотите говорить о нем?

— И о вас, — ответил Михаил Дмитриевич, платочком вытирая пот со лба.

— А что обо мне говорить? Со мной все ясно.

— Все, да не все. Как в любви: и луна светит, но и горы высоки.

Аля не успела бросить уже приготовленное «а это касается только меня», потому что Михаил Дмитриевич быстро добавил:

— Юра достоин любви. Это я вам говорю совершенно объективно, как один из его родителей.

Он и тут не мог удержаться от шутки, но Аля не заметила ее. «Он знает о Юре многое», — подумала она.

— Он оригинальный человек, — продолжал ученый, совершенно спокойно и естественно произнеся слово «человек». — Могущественный, мудрый. И, как всякий мудрый человек, он не может быть злым. Мудрость и зло несовместимы, ибо зло всегда неразумно.

— Вы им это говорили?

— Конечно.

— И что же они?

— Кто не хочет услышать, тот не услышит.

— Они и мне не поверили. А ведь он любит меня по-настоящему.

В словах Али слышался скрытый вызов, и Михаил Дмитриевич поспешно подтвердил:

— Он способен на глубокие чувства. На более глубокие, чем...

Михаил Дмитриевич хотел сказать «чем некоторые люди», но спохватился и принялся подыскивать подходящее слово. Аля нашла быстрее:

— Чем многие другие. За это я могу поручиться!

Она даже приотпнула ногой для большего утверждения.

— Именно это я и хотел сказать.

Аля, как и в первую их встречу, прониклась к нему доверием. Она спросила о том, что давно мучило ее:

— Может быть, мне не надо было говорить академику о Юре?..

— Э...

— Я дура!

Полные губы Михаила Дмитриевича то вытягивались, будто он пытался улыбнуться, то недовольно выпячивались. Наконец он заговорил:

— Э-э, не мучайте себя. Кита в караса не влихнешь, звезды дымкой не закрыть. Слишком уж необычны были многие Юрины действия. Тут ничего не поделаешь — он не такой, как все, да к тому же он только начинал знакомство с миром людей и совершенно не знает искусство камуфляжа. Я очень боюсь, как бы не случилось непоправимое...

— Он добрый.

— Знаю. Но когда слон идет к водопою, он может не заметить на дороге муравьев.

Аля сощурилась, посмотрела пристально на собеседника, потом спросила:

— Такое соотношение?

Михаил Дмитриевич укоризненно улыбнулся:

— Должен вас разочаровать. Конечно, я преувеличил. Впрочем, почти невозможно точно определить разницу в мышлении, в способностях, да и незачем. Разница есть, значит, нам трудно предугадать последствия.

— Поэтому вы тоже хотите, чтобы он поскорей вернулся?

Михаил Дмитриевич посмотрел Але в лицо.

— И потому и поэтому, — медленно сказал он. — А если начистоту, то я отношусь к нему как к своему сыну, которого у меня никогда не было. Угораздило меня, понимаете?

Аля кивнула, доверчиво положила руку ему на плечо, спросила заговорщицки:

— А можно как-нибудь ускорить его возвращение?

— Бумеранг возвращается, когда его бросают. В ка-

честве первого шага я рекомендовал полковнику и своему шефу вернуться на исходную позицию — прекратить всякие поиски Юрия.

— Полностью согласна с вами.

— Но они не согласились. Их тоже нужно понять.

— Что же делать? — спросила Аля.

— Увы, друг мой, не знаю. Одна из незыблемых истин гласит: рассуждать легче, чем действовать. — Он провел ласковым взглядом по ее лицу, будто погладил. — А у вас нет никаких контактов с Юрием?

Аля отпрянула. Лицо ее выражало возмущение и удивление.

— Неужели вы все еще подозреваете...

Михаил Дмитриевич даже замахал руками:

— Что вы! Что вы! Я вовсе не то имел в виду. Я спрашиваю о неосознанных контактах. Например, вы могли видеть его во сне...

Аля залилась краской. Брови Михаила Дмитриевича удивленно полезли вверх.

— Это было не раз. Но ведь я все время думаю о нем, — пробормотала она.

— Расскажите о ваших снах.

Никому другому она не смогла бы этого рассказать. Разве что маме, если бы мама была жива. А этому человеку почему-то рассказала. И от его молчаливого сочувствия, от его доброй заинтересованности ей становилось спокойнее, появлялась уверенность, что никакой беды не случится.

Они расстались друзьями.

Словно сквозь серую пелену Сергей Павлович, профессор философии, увидел смутные очертания человека в халате.

— Степан Прокофьевич? — прошептал он, задыхаясь,

— Меня зовут Юрий Юрьевич, — слышалось в ответ.

Сергей Павлович сделал мучительное усилие и вгляделся в говорившего. Он увидел ничем не примечательного мужчину в белом халате. В следующее мгновение его что-то поразило в лице мужчины, но что именно, он не успел осознать и закрепить в памяти. Одно он знал точно: никогда раньше этого человека он не видел. Сергей Павлович вспомнил, что сегодня в больнице должен консультировать приезжий профессор из Москвы. Он спросил:

— Вы из Москвы?

— Это имеет значение?

Голос был не иронический, скорее любопытный.

— Нет, конечно. Извините, Юрий Юрьевич.

— Ничего, ничего. Вы еще что-то хотите спросить?

— Я хочу знать правду. Сколько мне осталось?

— Вы очень боитесь смерти?

Вопрос был более чем странный. Сергей Павлович попытался приподняться, чтобы лучше рассмотреть собеседника, но это ему не удалось. Он спросил:

— Новый метод психотерапии?

— Вы не ответили на мой вопрос.

Голос звучал серьезно, даже требовательно, и это совсем озадачило Сергея Павловича. Он произнес растерянно:

— Каждый нормальный человек боится смерти.

— Нормальный — тот, кто не может справиться со слепым инстинктом самосохранения? Человек нормальный — человек банальный, так? Кибернетики утверждают: нормальная машина — та, которая работает по программе.

— Не совсем так...

Сергей Павлович собрал последние силы и стал говорить.

Последние слова он вымолвил свистящим шепотом.

Юрий наклонился к нему, коснулся лба кончиками пальцев:

— Вам интересно было говорить на эту тему?

— Да. Но у меня нет сил. И я не понимаю... Не понимаю, зачем это вам...

Словно сквозь глухую стену до больного донеслось:

— Я хочу вылечить вас. И не только вас. У меня есть средство.

— Наконец-то...

— Но оно не проверено. Хочу проверить его на вас. Сначала на вас.

— Ну что же, «кролик» готов, — сказал Сергей Павлович.

— Кролик?

— Морская свинка... Какая разница? Вы закончили опыты на животных и приступаете к лечению людей?

— Животные здесь ни при чем. Больны вы, а не они, и у меня нет времени. Я начну с вас. Согласны?

Молчание длилось лишь несколько секунд. Но Сергей Павлович успел подумать о многом.

— Почему именно с меня?

— С кого-то надо начинать. Риск меньше там, где он больше.

— Что вы имеете в виду?

— Вы — пожилой человек. Шансов выздороветь без лекарства у вас нет.

— Кажется, понял. Это жестоко, но справедливо. Я согласен.

— Жестоко, но справедливо, — в голосе Юрия Юрьевича появились другие интонации. — Люди часто так говорят. Иногда это правда, иногда — ложь. И всегда отражает одну из главных программ эволюции.

— Старые истины...

— Как для кого. Если бы я не понял их, не было бы лекарства.

— Хорошо, поговорим об этом после, — простонал Сергей Павлович. Он терял последние силы.

Юрий Юрьевич протянул руку, резко раскрыл ладонь. На ней, будто в створке раковины, лежали две белые горошины. Другой рукой он помог Сергею Павловичу приподняться. Больной не отрывал зачарованного взгляда от ладони. Он не видел горошин, ибо то, что его поразило, было слишком необычным. На ладони врача не было ни одной морщины, ни одной «линии жизни». Она была гладкой, словно из фарфора.

— Берите лекарство, — напомнил Юрий Юрьевич.

Сергей Павлович взял горошины дрожащими пальцами и проглотил их одна за другой, не запивая.

...Он проснулся на рассвете. За окном щебетали птицы. Высокие окна наливались розовым цветом. Вниз, к подоконнику, сбегали потоками синие тени — последние тени ночи. С веток деревьев капала роса. В приоткрытую форточку легкий ветерок приносил белую сладость акации и горечь липовых стволов. Сергей Павлович явственно ощущал эти запахи. Он согнул руку, ногу. Прислушался к себе, еще ничему не веря. Положил руку на лоб, на влажную прохладную кожу. Нашупал пульс, подсчитал удары.

Воробей стукнул клювом в стекло. Сергей Павлович улыбнулся, стыдясь своей сентиментальности. Опустил с постели одну ногу, вторую. «Наверное, выгляжу, как ухмыляющийся идиот», — он готов был улыбаться всему на свете, даже стенам. В нем начало вызванивать радостное: «Я здоров, здоров, здоров...»

Он не расслышал шагов у двери. Юрий Юрьевич таким и застал его у окна — улыбающимся неизвестно кому.

Увидев его, Сергей Павлович шмыгнул в постель.

— Здравствуйте, — сказал Юрий Юрьевич. — Не сму-

щайтесь. Вы здоровы ровно настолько, насколько чувствуете себя здоровым.

— Я обязан вам жизнью, доктор.

— Сказано чересчур сильно. Жизнью вы обязаны другим, прежде всего своим родителям. А мне — несколькими годами жизни.

— Даже день человеческой жизни — очень много. Насколько много, что трудно переоценить.

Можно было считать, что Сергей Павлович излечился окончательно, ибо к нему снова вернулась склонность к дискуссиям на отвлеченные темы.

— Оценить день человеческой жизни? — медленно проговорил Юрий Юрьевич, открывая фрамугу окна. — Действительно, почему бы не подсчитать, что успеет сделать человек за день?

— Чепуха. Слишком относительные величины, — сказал Сергей Павлович. — Человек не просто система по обработке информации. Предсказать даже на два часа его поведение невозможно. Поймите, в нем возникают миллионы тончайших оттенков чувств, к тому же наложенных друг на друга, и каждый из них может перевернуть вверх дном любую логику.

— Тем не менее поведение человека можно рассчитывать абсолютно точно, если располагать достаточной информацией, — невозмутимо произнес Юрий Юрьевич.

Сергей Павлович, казалось, готов был крикнуть «ку-ка-ре-ку!» и броситься в бой, как это делал мальчишкой в детстве. Но детство давно ушло, и он только задорно вздернул маленький острый подбородок.

— Попробуйте!

— Над вашим предложением стоит подумать, — сказал Юрий Юрьевич, глядя куда-то мимо профессора. — Пожалуй, сделаем так...

Прошло еще несколько секунд. Сергей Павлович терпеливо ждал. Ветер, влетая через открытую фрамугу, надувал занавес. Сергею Павловичу показалось, что сей-

час этот занавес будет раздвинут и начнется представление.

— В клинике имеется несколько безнадежно больных, — глухо сказал Юрий Юрьевич. — Их жизнь, даже с помощью известных мне сильнейших стимуляторов, можно продлить лишь на несколько часов, может быть, на несколько дней, в зависимости от состояния больного. Этого может быть достаточно, чтобы завершить какие-то дела, выполнить последнее желание.

Сергей Павлович уже догадывался, что задумал этот странный врач, и на его лице появилось выражение недоумения.

— И вы предскажете последнее желание?

— Попробую.

Тишина была короткой, как отдых между двумя перебежками под огнем противника, и пахла порохом.

— Но вы поможете мне собрать информацию о них, — взгляд Юрия Юрьевича уперся в переносицу собеседника. — Необходимо будет поговорить с их родными, друзьями.

— Попытайтесь убедить больных, чтобы они разрешили прикрепить к своей одежде миниатюрные телепередатчики, и тогда киноаппараты в студии нашего института запишут на пленку все их действия, — подсказал Сергей Павлович. — А мы просмотрим пленки и сравним их с вашими прогнозами. И вы убедитесь...

— И мы убедимся, — поправил его Юрий Юрьевич.

Юрий вместе с Сергеем Павловичем вошли в лабораторию, которой руководил профессор биохимии Евгений Сергеевич Кравцов. Кабинет руководителя пустовал уже несколько месяцев — Евгений Сергеевич находился в больнице, которую совсем недавно покинул Сергей Павлович. На вешалке в кабинете висел снежно-белый халат.

Кравцова замещал Виктор Васильевич Кустович, широкоплечий здоровяк лет двадцати пяти с облупившим-

ся от загара носом. Большинство сотрудников обращались к нему просто по имени.

Сергей Павлович представился, познакомил с Кустовичем Юрия, потом сказал:

— Вам привет от Евгения Сергеевича.

Сотрудники лаборатории разом повернулись к ним.

— Вы давно видели шефа? — спросил худощавый парень.

— Позавчера, — ответил Сергей Павлович.

Юрий в это время рассматривал приборы и аппараты. Особое его внимание привлекли рефрактомеры. Он подошел к одному из сотрудников, наклонился, заглядывая через плечо в окуляр прибора.

— Как он себя чувствует? — спросил у Сергея Павловича Кустович.

— Было очень плохо. Сейчас намного лучше, — не моргнув глазом, ответил Сергей Павлович. — Дня через два, возможно, выйдет на работу.

На широком, как луна, лице Кустовича, сменяя одно другое, появились выражения радости и озабоченности.

Юрий подметил торжествующий взгляд одного из сотрудников, обращенный в сторону Кустовича. Кто-то произнес:

— Ну, братцы кролики, начинается великий аврал!

Кустович ответил на немой вопрос Сергея Павловича:

— Знаете, у каждого крупного ученого есть работа, которую он считает главной и во что бы то ни стало стремится ее завершить. Евгений Сергеевич создал теорию, против которой выступили некоторые ученые. Оставалось поставить решающий опыт. И вдруг он заболел.

Сергей Павлович стал расспрашивать о теории, о спорах вокруг нее. Кустович охотно рассказывал. Иногда слово-другое вставлял кто-либо из сотрудников.

После посещения лаборатории Сергей Павлович и Юрий направились на квартиру Евгения Сергеевича.

— Женю многие не понимали, — начала рассказывать жена Евгения Сергеевича. — Даже в его лаборатории не все были за него. Что ж, новое всегда рождается в трудностях, — вздохнула она, иронически-покорно нагнула голову и развела руками, явно переняв этот жест от мужа, — за новое драться нужно! Эта борьба отняла у Жени здоровье, я уж не говорю о времени. Дома мы его почти не видели. Однажды полгода был в командировке на Дальнем Востоке, в другой раз — на год застрял в Австралии. В свою лабораторию звонил каждую неделю, домой — раз в месяц. А прилетел — прямо с аэропорта в лабораторию. Поверите ли, просиживал там до ночи. Такой уж это человек...

Юрий вынул из кармана блокнот, что-то быстро записал в нем. Сергей Павлович мельком взглянул на листок. Там было написано: «Поспешит в лабораторию, поставит решающий опыт для доказательства своей теории».

В кинозале Института философии было сумрачно и неуютно. В первом ряду сидели два зрителя. Юрий, подавшись вперед, неотрывно смотрел на экран. Сергей Павлович все время поглядывал на него, но заговорить не решался.

Они видели на экране, как Евгений Сергеевич, высокий и, видно, когда-то широкоплечий, но теперь сутулый, вышел из клиники вместе с женой и дочерью. Он сказал что-то жене и стремительно, как-то по журавлиному выбрасывая длиннющие ноги, направился к будке телефона-автомата. Жена и дочь шли следом.

Камера показала наплывом, крупно его руку со вздутиями венами и узловатый указательный палец, фиксирующий номер на телефонном диске.

— Звонит в лабораторию, — прошептал Юрий.

— Кажется, и в самом деле... — уныло сказал Сергей Павлович, откидываясь на спинку скамьи.

Евгений Сергеевич быстро заговорил в трубку телефона:

— Виктор? Да, да, это я. Нет, не совсем здоров. Но это неважно. Виктор, я ненадолго заеду домой и через два часа буду в лаборатории. Начинайте подготовку к опыту... — Его лицо чуть напряглось, шевельнулись тяжелые крылья носа. Затем он сказал быстро, словно боясь передумать: — Нет, не заключительный опыт. Он не нужен. К сожалению, вы правы: моя теория неверна в самих посылах. Да, да, я пришел к такому выводу. Неважно когда. В последние дни. Мы поставим первый опыт для проверки вашей гипотезы.

Евгений Сергеевич повесил трубку на рычаг, вышел из будки.

Жена напустилась на него:

— Ты сошел с ума! Что ты наделал?

— То, что давно следовало.

— Почему же ты не сделал этого давно?

Евгений Сергеевич устало махнул рукой:

— Прежде надо было все хорошенько обдумать. В больнице у меня было достаточно времени.

На его непреклонном лице разгладились резкие складки, оно стало мягче. Он медленно произнес:

— Собственно говоря, дело не в том, что было много времени. Скорее наоборот: соль именно в том, что его оставалось слишком мало... И уже не нужны чины, должности, престиж. Вот тогда на многие вещи смотришь совсем по-иному и решаешься на то, на что... Ну да ладно, не будем заниматься самокопанием. Для этого нет времени.

— Слишком большой ценой оплачивается, — сказал Сергей Павлович. — Грустно.

Юрий повернул к нему лицо. По глазам было видно, что он думал о том же. Рука его потянулась к карману, демонстративно вынула блокнот и раскрыла его на нужной странице. Хотя в зале был полумрак, озаряемый

лишь цветными вспышками экрана, Сергей Павлович разобрал четкий почерк Юрия: «Поспешит...» Юрина рука жирной линией подчеркнула вторую половину фразы предсказания: «Поставит решающий опыт».

Об Антоне Торецком все говорили одно: «Великий артист. Жизнь для сцены». И сам Торецкий, поблескивая светлыми с рыжеватинкой глазами, все разговоры сводил к театру. Но в речи его проскальзывали нотки сожаления, веки устало прикрывали глаза.

Сергей Павлович решил посмотреть хроникальный фильм об актере Торецком и затащил на фильм Юрия. В первых кадрах они увидели мальчишек, которые, задрав головы, смотрели на афиши, а потом во дворе дрались на палках, кричали: «Умри, презренный барон!» В этом же дворе начинались игры Антона.

И вот: Париж, Стокгольм, Лондон... Знаменитому Антону Торецкому вручают награды, к его фамилии добавляют почетное звание — народный артист.

Рядом с Сергеем Павловичем в темноте зала кто-то произнес шепотом:

— Ах, Антон, а было ли счастье полным?

Сергей Павлович осторожно приглядывался к своему соседу. Когда сеанс кончился, он толкнул под локоть Юрия, и они пошли за стариком. Сергей Павлович завел с ним разговор о фильме, который они только что смотрели, затем — о театре. Старик — сухонький, легкий, с пушистыми седыми волосами, настоящий одуванчик, — оказался весьма словоохотливым. Скоро выяснилось, что он бывший актер, работал в том же театре, что и Торецкий. Он восторженно рассказывал об Антоне:

— Изумительный человек, благородный, самоотверженный. Успех достался ему по праву. Жаль только... Сергей Павлович не выдержал долгой паузы:

— Вы сказали, жаль только...

Старик смущенно произнес:

— Видите ли, он разошелся с женой и очень скучал по ней и по дочери...

Юрий слушал старика с возрастающим интересом.

— А вы не знаете их адреса?

— Знаю. Они живут в центре, на бульваре Незнакомки.

Они распрощались со стариком и повернули к бульвару.

— Пойдете вы один, — сказал Юра. — А потом расскажете мне о встрече. Согласны?

— Хотел бы я знать, кто посмеет отказать своему спасителю в столь малой просьбе, — улыбнулся Сергей Павлович, и морщинки разбежались по его щекам от острого носика. Они встретились через полтора часа. Сергей Павлович рассказал о Торецких, об их семейных неурядицах, о претензиях жены Торецкого, о бесконечных увлечениях прославленного актера.

Юрий вынул блокнот, перевернул знакомую Сергею Павловичу страницу и написал на другой: «Захочет последний раз выйти на сцену в любимой роли. Вернется к семье...» Помедлил несколько секунд, не закрывая блокнот, и вдруг резкими, подсмотренными у Али штрихами, стал рисовать шарж на актера Торецкого. Возник орлиный профиль, устремленный ввысь.

— Непохоже, — сказал Сергей Павлович. — Художник из вас неважный.

Десятками тончайших цветовых оттенков вспыхивает экран. На нем — зима, и людям в зале тоже становится холодно.

...Сухонький невзрачный человек, слегка горбясь, засунув руки в карманы пальто и опустив наушники, идет по заснеженной улице. У театральной тумбы с десятками рекламных экранов на мгновение останавли-

вается. Выше экранов — старая театральная афиша, на ней — большими буквами: «Антон Торецкий в пьесах Лавурна». С афиши смотрят три лица: задумчивое, умное, волевое — командира звездолета «Ант»; трагическое, с безумными страдающими глазами — врача, совершившего непоправимую ошибку; неистовое, с раздутыми ноздрями — капитана швертбота «Чайка».

Человек делает два шага к витрине, видит свое отражение. Переводит взгляд на афишу, сравнивает. Невесело усмехается и продолжает путь.

Его обгоняет высокий полный мужчина, оборачивается, пристально смотрит, идет дальше, останавливается, нерешительно спрашивает:

— Торецкий? Ты, Антон?

Человечек умоляющим жестом подносит палец к губам: пожалуйста, тише. Но мужчина не обращает на этот жест внимания и, подбоченясь, гремит как иерихонская труба:

— Да что с тобой? Еще год назад ты и в лютые морозы без шапки ходил. Где же твоя великолепная седельная шевелюра, где благородное чело?

По манере говорить и держаться в нем сразу угадывается актер.

Торецкий замечает любопытные взгляды прохожих, берет его под руку.

— Умерь свой баритон. Ты же не на сцене. Все мои роли давно сыграны. Остались только афиши.

— Нет, ты ответь, о друг юности бурной, что стряслось? Ты похож на провинциального счетовода, а не на знаменитого Торецкого. Дракон тебя поberi, ты ведешь себя так, как будто выбыл из игры...

Видя, что его слова производят не ту реакцию, какой он добивался, мужчина меняет тон. Теперь он и в самом деле обеспокоен:

— Ты можешь сказать, что случилось, Антон? Заболел?

- И это тоже.
- Почему — тоже?
- Дело не только в этом.
- В чем же еще?

Торецкий, поддевая носком ботинка снег, медленно говорит:

— Вот ты сказал: «Выбыл из игры». Удивительно точно сказал. Человек играет всю жизнь не только в том случае, если он актер. Банальная истина — каждый выбирает себе какую-нибудь роль, воображает себя таким, каким ему бы хотелось быть. Может, в детстве полюбил книжного героя или позавидовал «королю улицы», или слишком крепко запомнил легендарного капитана. А что? У каждого своя роль, своя игра. Но случается, что человек перестает играть и становится самим собой. Вот тогда-то его не узнают. Не только другие — он сам не узнает себя. Вот иду я сейчас по улице, встречаю знакомых, поклонников. И хоть бы кто из них узнал меня. А почему? Помнишь, как я раньше по улице ходил? Не ходил — шествовал. Всегда с непокрытой головой, ветер волосы перебирает, заплетает, как лошадиную гриву.

Торецкий отдается воспоминаниям. Он выпрямляется, улыбаясь, снимает шапку, гордо встряхивает волосами. Перед зрителями — совсем другой человек — мужественный рыцарь без страха и упрека. Встретишься с таким на улице, невольно обернешься.

— А думаешь, одна лишь приятность в такой роли? В мороз, например, когда хочется шапку нахлобучить, уши согреть. А нельзя. Из роли выходишь. Терпи, казак, играй перед другими и перед самим собой. — Мотает головой. — Надоело!

Усталым жестом напяливает шапку, втягивает голову в плечи и превращается в сухонького невзрачного человечка, одного из незаметных пешеходов большого города. И голос у него усталый.

— Теперь, в последние часы, не хочу играть. Вот наушники опустил — тепло. Иду такой походкой, какой хочется, а не такой, как положено по роли. Сидеть буду как хочется, стоять как хочется, говорить, что хочется. А захочется молчать — буду молчать, даже когда это потрясающе невежливо.

Беспокойство мужчины возрастает. Он пытается перевести все в шутку:

— Что-то ты чересчур философствуешь! Уж не Сенеку ли играешь?

Торецкий поглощен своими мыслями, не слышит последних фраз, продолжает:

— И когда перестаешь играть, когда тебе уже не нужен весь громоздкий, с трудом накопленный реквизит, оказывается, что человеку для жизни нужно совсем мало и зачастую совсем не то, что приобретал и копил. Может быть, мне необходимо сейчас то, что я потерял, то, от чего отказался ради игры. Понимаешь?

Очень тихо, почти испуганно мужчина спрашивает:

— Идешь к ним?

Торецкий утвердительно кивает.

Сергей Павлович сказал подчеркнуто безразлично:

— Вы ошиблись в прогнозе, друг мой.

— Наполовину, — ответил Юрий, зачеркивая первую часть предсказания.

На странице блокнота, почти посредине ее, четкие, как приговор, остались слова: «вернется к семье».

Жирная линия перечеркнула шаржированный портрет Торецкого. Несколько штрихов — и на листке возник совершенно иной профиль — с устало опущенными углами пухлых губ.

Юрий взглядом указал на рисунок и спросил:

— Теперь похож?

— Теперь похож, — откликнулся Сергей Павлович.

...К плечу Юрия осторожно дотронулась рука соседа. И тот же голос, который только что звучал за кадром, сказал:

— Помните, друзья Антона Ивановича рассказывали, что его любимая песня была «Плохо умирать в своей постели — хорошо погибнуть в чистом поле...».

Юрий медленно повернулся к нему. Он вдруг в полном объеме представил трудности задачи, которую сам поставил перед собой.

Он думал о чужой жизни и ее запутанных хитро-сплетениях, о проявленной трусости или смелости, черствости или великодушии, честности или коварстве, о поступках, способных потом мучить человека всю жизнь или устанавливать уровень, ниже которого он не смеет опускаться; о том, как слившись в поток и смешавшись со случайностями, все это в конечном счете определяет выбор любимой песни. Он представил, сколько столкновений и встреч с разными людьми, сколько больших и мелких, светлых и темных страстей должны были отбушевать в бездне — в длинном, как бесконечный туннель с лабиринтными переходами, спинном мозгу, в ягодах желез и таламусе, чтобы пропустить наверх, в кору полушарий, и закрепить там, как флажок на глобусе, определяющий многие поступки, слова песни: «Плохо умирать в своей постели — хорошо погибнуть в чистом поле...»

Он пробормотал:

— Я не придавал особого значения его любимой песне.

Юрина рука почти машинально раскрыла блокнот. Несколько штрихов — и портрет ожил.

Это было объемистое уголовное дело, заполнившее две стандартные катушки микропленки. Пока слушали, Юрий успел прочитать несколько книг, взятых для него

из библиотеки Института философии. Дело очутилось в руках Сергея Павловича после того, как он, разузнавая о Николае Григорьевиче Синчуке, пенсионере, в прошлом слесаре-лекальщике, наткнулся на странный факт. Оказывается, скромный, степенный, правда, иногда брюзжащий Синчук в течение длительного времени находился под следствием в связи с попыткой кражи в заводском вычислительном центре. Мотивы и обстоятельства преступления остались загадочными и невыясненными до конца.

...Какой-то злоумышленник проник ночью в помещение вычислительного центра, со знанием дела вынул из новейшей малогабаритной машины Е-4 интегратор. Но, очевидно, приход сторожа помешал ему унести прибор.

Инженер-сторож по импульсу сигнализатора обнаружил раскрытое окно, разобранную машину, поднял тревогу. Во дворе задержали Синчука. Он пытался объяснить, почему оказался здесь ночью, но объяснение выглядело неправдоподобным. Впрочем, неправдоподобными были и обвинения.

Зачем Синчуку понадобился интегратор? Производить какие-то сложные вычисления? Он мог бы дать заказ вычислительному центру. Разобраться в схеме и усовершенствовать? Абсурд. Оставалось два предположения: либо Синчука задержали ошибочно, либо он ненормален, одержим навязчивой идеей. Но в любом случае возникал еще один вопрос: как мог человек, незнакомый с устройством вычислительной машины, разобрать ее и вынуть интегратор?

Следствие велось около месяца. Были опрошены десятки людей, затребованы характеристики со всех мест работы Синчука. В конце концов следователь пришел к выводу, что Николай Григорьевич невиновен, к попытке кражи никакого отношения не имеет.

Сергей Павлович остановил проигрыватель, отмотал пленку на несколько витков назад и еще раз прослушал

разноречивые характеристики Синчука, показания разных людей. «Отличный семьянин...». «В семье частые споры. У Синчука тяжелый характер». «Как вышел на пенсию, целыми днями играет в шахматы. В этой игре равных ему, почитай, во всем квартале, а то и в городе нет. Рассчитывает на несколько ходов вперед». «Любит навещать в гости к родственникам...»

Еще звучало в наушниках «дело», а Юрий, не отрываясь от 19-го тома «Жизни млекопитающих», выпущенного Академией наук, записал в своем блокноте, причем так, чтобы Сергей Павлович видел: «Сыграет с друзьями в шахматы, простится с родственниками, постарается наиболее приятно провести оставшиеся часы».

...Юра изобразил Синчука в виде шахматного коня, жующего овес.

Чуть слышно стрекочет киноаппарат. Тот же зал. Те же зрители. Сергей Павлович поеживается, вспоминая недавно пережитое в клинике, которую показывает экран.

...Палата. На кровати у окна — сердитый старик. Суживающаяся кверху лысая голова на тонкой кадыкастой шее. Брови насуплены, цепкий взгляд не отрывается от исписанного листка бумаги.

Быстро входит молодая сестра. Полы халата летят за ней, как крылья. Едва сдерживая возмущение, она говорит старику:

— Пойдемте. Врач ждет вас.

Старик нехотя, все время что-то ворча себе под нос, сует ноги в мягкие больничные шлепанцы, и, переваливаясь по-утиному, идет за сестрой по коридору.

Сестра и старик входят в кабинет дежурного врача.

СЕСТРА (явно расстроенная). Больной Синчук не хочет уходить из клиники.

ДЕЖУРНЫЙ ВРАЧ (глядя на Синчука, с привычной участливостью). Вам плохо? ТК не действовал?

СЕСТРА (не давая Синчуку рта раскрыть). ТК действовал. Синчук чувствует себя бодро. Но из клиники не уходит. Говорит: «Сначала докажу». А кому и что докажет — неизвестно. Говорит: «Дома дела найдутся, а тут никто не мешает. Успею домой». Сидит на постели и пишет. А в приемной ожидают дочь с внучкой...

Все время, пока сестра говорит, Синчук согласно кивает головой. Особенно энергично подтверждает он кивками ее слова о том, что «дома дела найдутся, а тут никто не мешает».

— Она все правильно доложила. Так я могу идти в палату работать?

Врач пожимает плечами.

Синчук, шаркая шлепанцами, идет по коридору, на ходу доставая из кармана недописанный листок бумаги. В палате подходит к столу и, стоя, сгорбившись, начинает быстро писать.

Сергей Павлович подходит к пульту, расположенному под экраном, быстро вращает ручку настройки. Листок бумаги на экране растет. Уже отчетливо видны математические символы, цифры.

Несколько секунд философ с интересом вглядывается в них, затем говорит удивленно:

— Теорема Ферма?

— Он пытается ее доказать... всего-навсего... — говорит Юрий. — Синчук исходит из какой-то своей теории. Пожалуй, этот человек всю жизнь занимался не своим делом. Из него мог бы получиться большой математик. — Помолчав, он добавляет: — А ведь интегратор мог бы Синчуку понадобиться!

...Карандаш скользит по бумаге. «Шахматный конь» вздыбился, натянул уздечку. От «коня» падает тень в виде цифры 2 — символа раздвоения.

Поговорив с родственниками, сослуживцами и знакомыми профессора химии Полония Евгеньевича Гуца, Юрий и Сергей Павлович решили еще раз побеседовать с самим Полонием Евгеньевичем. К этому времени у них успело сложиться мнение о Гуце. Профессор представлялся им настоящим человеком науки, для которого дело — прежде всего. И в то же время Полоний Евгеньевич любил и умел веселиться, много и с удовольствием путешествовал, был неплохим спортсменом. В самых трудных ситуациях он сохранял чувство юмора.

Они вошли в палату. Полоний Евгеньевич, предупрежденный об их приходе, закрыл книгу и сел на постели, подложив под спину подушку. После нескольких ничего не значащих фраз, Сергей Павлович перешел к главному:

— Нам сказали, что вы не хотели ложиться в больницу, прежде чем не закончите какую-то работу...

Профессор заметно оживился. Его маленькие льдисто-серые глаза, утонувшие в глубоких глазницах под крупным шишковатым лбом, остро заблестели:

— Вам сказали верно, но не все. Мы как раз завершили создание нового вида пластмассы, который очень и очень пригодился бы при хирургических операциях. В частности, из такой пластмассы вышли бы очень и очень неплохие кровеносные сосуды. Для пластмассы пористость и способность к абсорбции — определяющие факторы. А у меня имелись сомнения. Проверить их надо совместно с физиологами. Я уже начал переговоры с Институтом физиологии и очень-очень хотел довести их до конца.

Сергей Павлович согласно кивнул:

— Понимаю вас. Однажды я попал точно в такую ситуацию. Собственно, не однажды, а очень и очень недавно. (Сергей Павлович и не думал передразнивать химика, это у него получилось само собой.) Что делаешь? Когда приходится отрываться от работы для

лечения, всегда найдется дело, которое во что бы то ни стало нужно завершить...

— Кончил дело, болей смело, — ни на кого не глядя, произнес Юрий. — Это называется пословица, и я ее где-то читал.

Полоний Евгеньевич счел его слова неудачной шуткой и заставил себя вежливо улыбнуться. Правда, его несколько удивило серьезное лицо Юрия, но спустя мгновение он забыл об этом впечатлении и вернулся к волнующей его теме:

— И не только дело. Вот у меня в прошлом году пропал отпуск...

— Но, насколько я знаю, вы провели его в санатории, — возразил Юрий.

— Именно в санатории. А там не отдыхают, а лечатся. К тому же вдали от моря. Нет, увольте, не по Сеньке шапка! Мне бы палатку, акваланг, камеру для подводной фотоохоты и пустынный берег, которого в наше время не бывает. Думал, в этом году наверстаю...

На мгновение глаза его тускнеют, их почти не видно, но тут же в зрачках снова разгораются зазорные искорки. Ученый обращается к Сергею Павловичу:

— Впрочем, вы правы: чтобы завершить все дела, каждому из нас потребовалась бы вечность.

Сергей Павлович заглянул в открытый блокнот Юрия. Там только что появился новый прогноз: «Поспешит в Институт физиологии, возьмет данные, передаст их со своими указаниями в лабораторию. Затем поедет к морю, где проведет последние часы». Рядом — острый птичий профиль, нацелившийся клюнуть невидимое зерно.

— Почти похож, — сказал Сергей Павлович. — И все же чего-то не хватает. Быть может, одного штриха, но очень важного...

На экране — со вкусом обставленная комната в квартире профессора Гуца: кондиционеры, замаскированные книжными полками, множество плафонов, цветы, выющиеся по стенам, украшенным трофеями фотоохоты.

Полулежа в кресле, удобно вытянув кривые короткие ноги, Полоний Евгеньевич говорит жене:

— Очень и очень прошу, зайди к Тамаре Петровне. Пусть пожалуют сегодня вместе с Вадимом.

Едва дверь за женой закрывается, Полоний Евгеньевич преображается. Он легко вскакивает из кресла и, слегка переваливаясь на кавалерийских ногах, бросается на кухню.

Из стеного шкафа он достает банку с вишневым вареньем, поспешно снимает крышку, хватая столовую ложку, подмигивает себе, жадно ест, измазывая рот и щеки.

За этим занятием его и застает случайно вернувшаяся за косынкой жена. Она всплескивает руками:

— Не зря моя бабушка говорила: старый как малый. Ты забыл о своем диабете? Горе ты мое вишневое...

Полоний Евгеньевич смущен, быстро прячет банку за спину, но она падает на пол. Осколки и темные брызги разлетаются в разные стороны. Теперь профессор вымазан вареньем с головы до пят.

— Ну и что? Ну и что? — нарочито по-детски говорит он, топая ногой, чтобы рассмешить жену и умерить ее негодование. — Это же моя давняя и неудовлетворенная страсть. В детстве за похищенную банку варенья меня строго наказывали. Потом — диабет, запреты врачей. Разве поговорка о запретном плоде устарела? Ну прошу тебя, Машенька, прости. Могу же я хоть когда-нибудь поступать как мне вздумается, не боясь ни родителей, ни диабета?

...Два зрителя смотрят фильм до конца, до последней точки, поставленной в той же больнице.

Рука Юрия дорисовывает портрет профессора. От глаз-буравчиков разбегаются по вискам лукавые морщинки...

Сергей Павлович одобрительно кивает, но затем спрашивает:

— Ну, милейший, признаете свое полное и безоговорочное поражение?

— Почему?

— Разве того, что вы видели, недостаточно? Разве это ничего не доказывает?

Глаза Юрия смотрят холодно, неприязненно.

— Это доказывает только то, что я располагал недостаточной информацией об этих людях.

— Что же вам мешало собрать ее в достаточном количестве? — Сергей Павлович старался, чтобы голос звучал не иронически.

— Малый опыт, — Юрий пожал плечами. — Но кое-чему я научился. И намерен этим воспользоваться в будущем.

Фамилия: Котлов.

Имя: Петр.

Отчество: Игнатьевич.

Звание: майор.

Должность: временно исполняющий обязанности начальника следственного отдела управления милиции города.

Личное дело майора Котлова было достаточно объемистым: выписки из приказов, сведения о наградах, ранениях.

«А каков объем «дела» в его голове? — думал Сергей Павлович, глядя на Юрия. — Он уже разговаривал по меньшей мере с десятком сослуживцев Котлова, с

соседями по дому, с родственниками — и все не угомонится. Хочет добраться до истины, будто это возможно... Чудак».

Он снова с удивлением и восхищением подумал о странностях человека, который ему повстречался на дороге между жизнью и смертью. Вначале он пытался понять его, проанализировать его поступки, разложить по полочкам свои воспоминания, но скоро понял, что постигнуть этого человека он не в состоянии. Сергей Павлович видел лишь «следы на воде», лишь водовороты, произведенные поступками Юрия Юрьевича, но не мог — так он признался себе — проникнуть в причины этих поступков. Зато он твердо верил, что есть вещи, в которые не дано проникнуть даже Юрию Юрьевичу. И ошибался: Юрий уже понял сложность задачи и не намерен был отступать. Голос Сергея Павловича звучал скорее устало, чем насмешливо, когда он спросил:

— Надеетесь на этот раз не ошибиться?

— Надеюсь, — сказал Юрий.

— Но даже обнаружение пружин не гарантирует успеха. Нужно изучить все их взаимодействия...

— Да, — машинально проговорил Юрий, продолжая думать о своем.

— ...и последствия взаимодействий, их влияние на первичные пружины, на пусковые моменты... Вот, например, вы с таким трудом узнали, что у майора Котлова есть любимая женщина, что она живет в другом городе...

— Без подсказок, — весело сказал Юрий. — Да, есть женщина и еще есть мать, которую майор почти год не видел. И все же он не поедет сейчас ни к той, ни к другой. Не буду вас томить...

Карандаш заскользил по бумаге. Возник профиль мужественного лица с выпуклым подбородком. Косые штрихи легли у глаз, придав лицу гневную устремленность. Сергей Павлович узнал лицо Котлова.

— Знаете, почему он лично взялся вместе с работниками прокуратуры расследовать дело об убийстве старшего лейтенанта милиции Седых? — спросил Юрий, прищурив глаза, явно кому-то подражая. — Седых — его друг. Они вместе учились. Седых всю жизнь не везло...

Разговаривая, Юрий продолжал рисовать. Сергею Павловичу показалось, что он улавливает напряженность лицевых мышц на портрете.

— Майор Котлов не карабкался за чинами и наградами, — продолжал Юрий. — Я вывел формулу его личности. Главная определяющая величина...

— Долг, — подсказал Сергей Павлович.

— Я же просил не подсказывать. Тем более что вы ошибаетесь. Главная величина — сострадание.

Сергей Павлович с сомнением покачал своей маленькой встрепанной головой с неизменно торчащим на макушке хохолком.

— Такой мужественный человек...

— Это совместимые качества. А с прогнозом можете познакомиться.

На листке блокнота появилась фраза: «Займется расследованием убийства Седых».

Предупреждая возражения, Юрий встал:

— Пойдемте к больному.

Петра Игнатьевича Котлова они застали уже в приемном покое. Он забирал из гардероба плащ. Увидев Юрия, Петр Игнатьевич быстро подошел к нему, протянул руку:

— Здравствуйте, доктор. Не могу выразить словами всей благодарности.

— Вы уже знаете? — слегка отстранился Юра, артистически подняв брови. Он явно переигрывал.

— О чем? — худой сутуловатый Котлов был на голову ниже Юрия и смотрел ему в глаза снизу.

— Вас допустят к розыску, несмотря на состояние здоровья.

Котлов развел руками.

— Но как вы догадались о моем желании?

— Я тут ни при чем. Это сделали для вас другие люди. Впрочем...

Юрию пришла в голову неожиданная мысль. Он наклонился к майору:

— У меня к вам просьба. Разрешите присутствовать при расследовании. Хотя бы в качестве понятого, дружинника, еще кого-нибудь... Вам виднее.

— Но это займет у вас много времени. И потом... извините, зачем это вам?

Выражение лица Юрия мгновенно изменилось.

— Разрешите не отвечать на ваш вопрос, — попросил он.

Труп старшего лейтенанта милиции Седых нашли во дворе одного из домов пригородного поселка. Предполагали, что старший лейтенант был убит, когда возвращался после работы домой с остановки автобуса.

Седых лежал навзничь, задрав к небу острый подбородок, на краю огорода, рядом с дорожкой, выложенной щебнем и кусками кирпича. Его мягкие длинные волосы растрепались, широко раскинутые руки сжаты в кулаки. На земле вблизи убитого удалось выявить четыре отпечатка обуви, принадлежавшие одному человеку. Гипсовые слепки с них хранились у следователя.

Осмотр трупа проводили майор Котлов, следователь прокуратуры и судебно-медицинский эксперт. Они установили, что первый оглушающий удар был нанесен по затылку. В карманах кителя и брюк лежали удостоверение, коробка папирос, спички и бумажник с двадцатью рублями. Когда Котлов разжал кулак убитого, оттуда

выпали две новенькие резиновые шайбы от тормозного барабана автомобиля.

Со всеми материалами дела познакомил Юрия майор. Они сидели в его кабинете. В открытую фрамугу окна врывались душные запахи улицы.

Материалов было немного, хотя следователь продолжал вести дело и во время болезни Котлова. То, что уже было известно, почти исключало мотивы грабежа.

Вскоре в кабинете появился верзила-лейтенант с круглым мальчишеским лицом и пригласил их в машину.

Шофер включил двигатель. Навстречу понеслись многолюдные улицы, витрины магазинов, скверы и фонтаны, блеснула вдали полоска реки, мелькнула серая набережная.

Машина остановилась у аккуратного коттеджа под красной черепичной крышей. Первым из автомобиля выскочил лейтенант. Открыв дверцу и помогая майору выбраться, он простодушно-любопытным глазом косил на Юрия.

Из дома, словно там ожидали прибытия милиции, вышли несколько человек, поздоровались. Один из них, сгорбленный, с густой проседью в волосах, поздоровался с майором как со старым знакомым.

— Арнольд Владимирович, у меня есть для вас сообщение, — сказал Котлов. Когда тот подошел поближе, майор произнес полупшепотом, но так, чтобы слышал Юрий: — Следы у трупa оказались ваши.

— Я ведь говорил вам, что это я обнаружил его утром. Как же я мог не оставить следы? — Арнольд Владимирович неприязненно покосился на Юрия.

— А ночью вы не слышали шума?

— Нет. — Словно боясь уронить лишнее слово, он поджал тонкие, почти бесцветные губы.

Лейтенант хмуро посмотрел на него. На добродушном, с румянцем во все щеки молодом лице так отчетли-

во проступали все чувства, что Юрию доставляло истинное удовольствие наблюдать за ним. К тому же это отвлекало от невеселых мыслей, от бесконечных вопросов, возникающих в мозгу. Юрий умел думать одновременно о разных вещах или рассматривать одно и то же явление с разных сторон. Мысли бежали, не мешая одна другой по бесчисленным каналам его мозга, где ячейками-клетками служили даже не молекулы, а атомы. Но сейчас это свойство лишь увеличивало его терзания.

Юрий думал:

«Может быть, мне не надо было ехать сюда, интересоваться этим делом, видеть кровь и гнусность, чувствовать подозрительность во всем и во всех: в правых и виноватых, в майоре и лейтенанте, в раздраженном человеке, которого называют Арнольдом Владимировичем, в этих людях, вышедших из дома и готовящих ответы на вопросы, которых им еще не задали. Так много подозрительности вокруг...»

«Знаю ли я, кто убил? Нет, пока не знаю, хотя заметил следы в другой стороне, там, где щебень выложен редко. Они говорят о многом. Заметил ли их майор? В одном он, пожалуй, прав: убили не ради грабежа. Иначе мне было бы совсем невыносимо. Правда, я читал и об убийствах с целью грабежа, но не все понял, вернее, предпочел понимать не до конца. То, о чем я читал, происходило так давно, в совсем иные времена...»

Петр Игнатьевич в сопровождении лейтенанта медленно направился по дорожке к калитке, еще раз осматривая огород и высокий каменный забор за ним. Арнольд Владимирович семенил следом.

Калитка распахнулась, во двор вошел высокий и худой, как жердь, старик. Он направился прямо к майору, поздоровался, представился:

— Я живу в соседнем доме. Вы интересовались, может, кто слышал шум ночью. Вот как дело было. Я лег спать рано, часов в десять. У стариков какой сон? Ветки яблони в окно стучат, а мне кажется, будто пришел кто-то. Лежу слушаю. Как раз за стеной «Последние известия» по радио читали. И вдруг слышу того...

Он поперхнулся, глаза округлились.

— Что вы услышали? — нетерпеливо спросил лейтенант.

— Крик, — продолжил рассказ старик. — Словно кто-то крикнул: «Стой!» Я выглянул в окно... Ничего не видеть. Слышу, человек стонет где-то рядом. Меня аж морозом обдало. Я — сына будить. «Что-то, — говорю, — недоброе творится». А он спросонья головой мотает. «Причудилось тебе, отец!» Но все-таки встал. Постояли мы у окна, послушали — только ветки стучат. На балкон вышел, покричал — ничего. Ну, и дальше спать... Вот так-то, — вздохнул старик.

— Значит, крик услышали в начале одиннадцатого? «Известия» еще не закончились? — переспросил майор и резко обернулся. Он несколько не удивился, что Арнольд Владимирович неотступно идет за ним, и теперь обратился к нему:

— А вы, товарищ Гомозов, в это время уже спали?

— Спал.

Старик, направившийся было со двора, остановился.

— Арнольд Владимирович, зачем говорите неправду? У вас же всегда свет горит до двенадцати, и вчера тоже... Я сам видел, — заволновался старик.

У Гомозова задрожали руки. Он засунул их в карманы и ничего не ответил.

Котлов опять обратился к нему, словно не заметив его замешательства:

— Значит, вы ничего не слышали?

На побагровевших щеках Гомозова проступили синие склеротические жилки. Он пытался говорить спокойно, но раздражение прорывалось в голосе, и он перестал его сдерживать:

— Я уже сказал — не слышал. Вы в чем-то подозреваете меня? Но одних подозрений мало. Существует, как вам известно, презумпция невиновности...

Лейтенант резко шагнул к Арнольду Владимировичу, словно намеревался предотвратить какие-то его действия. Но майор задержал его за локоть и, не меняя тона, сказал:

— Извините, товарищ Гомозов, — он сделал ударение на слове «товарищ», — если причинили вам неприятность. Вспомните что-либо ценное для нас, прошу сообщить. До свидания.

Юрий догнал майора, когда он уже входил во двор соседа, слышавшего крик. Во дворе они ничего интересного не обнаружили и вернулись к автомобилю. Лейтенант все время порывался что-то сказать майору.

Автомобиль развернулся и, выпустив облако газа, рванулся в обратный путь. Юрий украдкой взглянул на лейтенанта, на его обиженные яркие губы, улыбнулся про себя и спросил у майора о том, что так хотелось узнать лейтенанту:

— Почему так волновался и злился этот человек? Почему отвечал вам таким неприязненным тоном, будто и на самом деле в чем-то виноват?

Майор отвечал Юрию, но смотрел на лейтенанта:

— Когда-то давно его неправильно уволили с работы, отдали под суд. За чужую вину. Месяца через четыре спохватились, принесли извинения, восстановили на службе.

— И он не может забыть обиду до сих пор? — осуждающе спросил лейтенант с категоричностью, свойственной молодежи.

— За эти четыре месяца любимая женщина вышла замуж за другого.

Горячо вспыхнули щеки лейтенанта. Юрий быстро отвел взгляд. «Человек не в силах забыть обиду и несправедливость. Это я уже знаю из книг, — подумал он. — А обид у людей накопилось много. Если количество перерастет в качество, то каким явится новое качество? Или уже явилось? И то, что я часто замечаю, это и есть его последствия?»

Он незаметно взглянул на майора, увидел его напряженное, худое, почти бесплотное лицо и пристыдил себя: «Я же собирался помочь ему». И он подумал о том же, о чем думал майор: «Гомозов солгал в первом случае, когда говорил, что в половине одиннадцатого уже спал, солгал, возможно, и во втором — что не слышал крика. Но что, если в этом случае он сказал правду? Впрочем, это легко проверить».

Лейтенант принес майору Котлову второй акт судебно-медицинской экспертизы и бланк с протоколом осмотра деталей тормозных барабанов, обнаруженных в кулаке убитого. В научно-техническом отделе подтвердили, что детали совершенно новые, не бывшие в употреблении, выпущены на Курском резиновом заводе, поставлены в комплектах запчастей таким-то ведомством... Судебно-медицинский эксперт сообщил, что удар по затылку старшего лейтенанта Седых нанесен тупым предметом. Этот удар только оглушил старшего лейтенанта, умер он от ножевой раны, проникающей в печень, и потери крови.

Позвонила жена погибшего. Юрий слышал, как отвечал ей майор.

«Почему... — думал он. — Почему майор чувствует себя виноватым? Разве он мог предотвратить то, что произошло? Разве он мог спасти своего друга — и не

спас? Странно, но я не могу ответить на свои вопросы с помощью логики...»

Жена Седых сообщила, что в тот вечер старший лейтенант должен был зайти в гости к своему знакомому, механику автопарка Стеблеву.

...Майор мягко опустил трубку на рычаг и поднял усталый взгляд на Юрия:

— Я заметил, что вы тщательно исследовали дорожку на огороде («Вот как, заметил все-таки», — подумал Юрий). Помните, там в отдалении были очень глубокие отпечатки следов. Чтобы оставить такие следы, человек должен весить примерно сто семьдесят — двести килограммов. Такой вес маловероятен. Но, может быть, человек нес какой-нибудь груз и, не сходя с дорожки, сбросил его в огород...

Майор достал карту и развернул ее на столе.

— Давайте посмотрим план поселка, — пригласил он Юрия и лейтенанта. — Вот Третья Новая улица, вот дом сорок два, в нем живет Гомозов. По соседству живет старик, слышавший крик. А в следующем доме — номер тридцать восемь — живет Стеблев, в гости к которому направлялся Седых.

— Товарищ майор! — воскликнул лейтенант. — Так ведь если Гомозов не слышал крика, а в сороковом номере слышали, то убийство могло произойти между сороковым и тридцать восьмым номерами. Надо узнать у Стеблева, он должен был слышать крик.

— Согласен с вами. — Майор встал и обратился к Юрию. — Вы не устали?

«Бедняга, — думал Юрий, представляя, до какой степени устал майор. — И все же он торопится, зная, что его часы на исходе. Кажется, я начинаю понимать, почему его голос звучал виновато, когда он говорил с женой Седых. Но значит ли это, что я научился понимать людей?»

Открыв калитку, они вошли в уютный дворик. На огороде несколько яблонь, между ними — кусты картофеля, помидоров. На грядках, как солдаты в зеленых шинелях, залегли огурцы.

— Черт его знает, есть в этом дворе собака или нет? — воскликнул лейтенант и поспешно шагнул на тропинку раньше майора. К его удивлению, двор Стеблева на этой улице представлял исключение — тут не было собаки.

Направились к дому. Петр Игнатьевич, на ходу оглядывая двор, вдруг свернул в сторону и, осторожно переступая через грядки, устремился к старой яблоне, опустившей ветви. Не доходя до нее несколько шагов, нагнулся и в продолжение четырех-пяти минут изучал что-то на земле...

На пороге дома их встретила молодая дородная женщина. Как бы дополняя ее яркую красоту, на плечи был накинута цветастый шарф.

— Здравствуйте, хозяйюшка! — приветливо поздоровался Петр Игнатьевич.

— День добрый, — нараспев ответила женщина.

За ее спиной выросла богатырская фигура мужчины. Хозяйка засуетилась:

— А вот и муж мой...

Юрий подумал, что Стеблев должен понравиться лейтенанту с первого взгляда. Был он так же, как и лейтенант, широкоплеч и могуч, ясно и доверчиво смотрели на мир широко расставленные светлые глаза. Механик был одет в добротный серый костюм, словно собрался уходить или кого-то ждал.

Майор без предисловий спросил:

— Скажите, пожалуйста, в ночь убийства Седых вы ничего не слышали?

— Ничего. Если бы что услышал, я бы вышел. — Светлые глаза глядели на Котлова, словно спрашивая: а как же могло быть иначе?

— А что это у вас за следы на огороде, возле ябло-
ни? — внимательно глядя на него, спросил майор.

— Потоптался кто-то чужой на огороде, — не отво-
дя глаз, просто сказал Стеблев. — Я эти следы еще
утром обнаружил.

— В тот вечер Седых направлялся к вам?

— Должен был зайти в гости, заодно договориться
о ремонте своего «Москвича». Я и выпивку по такому
случаю приготовил, а он... так и не зашел.

Майор попросил разрешения тщательно осмотреть
огород. Вместе с Юрой и лейтенантом направились к
яблоне. С одной стороны ветки были сломаны. На зем-
ле под яблоней виднелись следы. Лейтенант быстро
снял с них слепки.

Неподалеку несколько кустов картофеля были при-
маты, ботва вдавлена в землю.

Майор поморщился, потер красные воспаленные гла-
за, махнул рукой, будто отгонял докучливое насекомое.
Юрий знал, что он сейчас думает: «Как же мог Стеб-
лев не слышать крика, если убийство произошло рядом
с его домом, а сосед слышал?»

Петр Игнатьевич измерил рулеткой это место и за-
писал в блокнот цифры. Его внимание привлек обломок
кирпича, вывернутый с дорожки. Майор осмотрел его
через лупу. На грани виднелось бурое пятнышко раз-
мером чуть больше булавочной головки и несколько во-
лосинок.

— В бюро судебных экспертиз, — сказал майор, пе-
редавая обломок кирпича лейтенанту.

— Кровь? — спросил тот.

— Может быть, — осторожно ответил Котлов.

Он почувствовал болезненный укол в груди и подумал, что, вполне вероятно, не ему, а кому-то другому
вместе с лейтенантом придется заканчивать розыск.
И потому он позволил себе на этот раз высказать пред-
положение:

— Если это кровь и волосы убитого, значит, преступник воспользовался кирпичом с дорожки — первым, что подвернулось под руку. В таком случае убийство могло быть и неподготовленным. Отсюда труп перенесли на огород Гомозова. Зачем? Почему Стеблев заявляет, что не слышал крика, в то время, как убийство произошло недалеко от его дома и даже в соседнем доме крик слышали? При чем здесь детали от тормозного барабана? На эти вопросы обязательно нужно ответить и выделить среди них главный. А сделать это будет непросто.

— Да, очень уж все запутано, — согласился лейтенант. — Вот следы обуви у Седых обрываются — тут его ударили. Около следов примята картофельная ботва — тут он упал. А это вам не кажется странным: место падения в длину чуть больше метра?

Осмотрев участок, они попрощались с хозяевами и пошли по дорожке, выложенной точно такими же обломками кирпича, как и тот, что лежал в портфеле лейтенанта.

— Ни за что не поверю, что Стеблев может быть замешан в убийстве, — тихо сказал лейтенант, закрывая калитку.

Майор посмотрел на него, прищурился.

— Хотите, я вам скажу, почему вы так верите механику? Просто потому, что у вас много общего. И не только во внешности...

Лейтенант покраснел, словно уличенный в чем-то нехорошем.

— Ничего, не смущайтесь, — продолжал майор. — Это со многими случается. Вы нашли у себя и у Стеблева одинаковые черты, дополнили их другими, «отданными взаймы», и в результате у вас получилась формула: я бы не мог совершить преступление, значит, и он не смог бы. В логике такая ошибка называется «нон секуитр» — не следует. То есть на основании несколь-

ких черт не следует делать вывод об общем сходстве.

Лейтенант оправился от смущения. Он даже прищурился точь-в-точь как майор.

— Но вы и сами верите Стеблеву, — сказал он.

Котлов пристально посмотрел на лейтенанта: не такой уж он простачок.

Его голос зазвучал по-иному:

— Правильно. Я тоже пока доверяю Стеблеву. Но еще больше мы обязаны верить другому гражданину.

Юрий думал:

«Не от людей ли у меня цепкая вера в силу логики? В этом я такой же, как они, и, возможно, это закономерно. Но человеческая логика основана на человеческих знаниях о законах природы, об отношениях людей, сообществ, о связи и причинности явлений. Здесь безграничное поле, хорошо удобренная почва для ошибок...»

«Они на верном пути, но им еще долго шагать по нему. Заметили ли они несколько пустых винных бутылок в кухне Стеблева? Как истолковали? Указывалось ли в заключении судебно-медицинского эксперта, что Седых в тот день пил спиртное?.. Пожалуй, надо подсказать им, как сократить путь».

«Мне симпатичны эти двое людей, эти двое «разгребателей грязи». Им приходится вечно копаться в подобных делах, жить в воздухе подозрительности, быть готовыми к тому, чтобы в обычном человеке обнаружить преступника.

И все же они ухитряются не опуститься, не запачкаться. Это противоречит логике, но многое в поступках людей противоречит ей. И тем не менее... Как им это удается? Вот что мне необходимо выяснить».

Юрий как бы невзначай сказал майору:

— Вы, наверное, заметили, что ветви яблонь наклонены в сторону, противоположную дому. Именно с этой стороны на земле валялось несколько веток с листьями.

Майор вскинул на него удивленный взгляд:

— Спасибо, — сказал он и обратился к лейтенанту: — Попросите экспертов определить, как долго лежали на земле эти ветки, и запросите на метеостанции о направлении и силе ветра в ночь убийства и накануне вечером.

Папка с делом об убийстве старшего лейтенанта Седых становилась все объемистей. Майор Котлов аккуратно подшил в нее еще две справки. В лаборатории установили, что пятнышко на обломке кирпича, найденном в огороде Стеблева, — человеческая кровь второй группы, что волосы, по всей вероятности, волосы Седых. Метеостанция сообщила, что вечером и ночью, когда погиб старший лейтенант, дул очень сильный ветер. Он дул в юго-восточном направлении и относил крик к дому соседа Стеблева...

— Теперь можно предположительно нарисовать картину убийства, — сказал майор Юрию. — Седых находился во дворе Стеблева, на огороде под яблоней. Убийца ударил его обломком кирпича, подобранным тут же. Седых упал. Тогда преступник ударил его ножом. Потом с помощью сообщника — следы у яблони принадлежат двум людям — унес убитого со двора. Причем унес не

в поле, где, вероятно, на труп не скоро бы наткнулись.

— Возможно, у него было мало времени, — заметил Юрий.

— Допустим. Но почему тогда он не бросил труп в соседний огород? А отнес через двор, именно к Гомозову? И прежде всего — почему старший лейтенант оказался на огороде? Что ему там делать? Почему удар кирпичом пришелся по затылку? Значит ли это, что старший лейтенант уходил со двора не разбирая дороги, прямо по огороду, и камень полетел вдогонку?

— Что вы намерены предпринять теперь? — спросил Юрий.

Майор понял причину вопроса, шире раскрыл глаза, будто сбрасывал с набрякших век дремоту:

— А что предприняли бы вы, если бы у вас оставалось столько же времени?

Юрий на миг опешил.

— Пожалуй, то же, что и вы, — постарался узнать, почему труп оказался в огороде Гомозова.

— Рад, что наши мнения совпадают, — улыбнулся Котлов. — Вот и познакомимся подробно с делом о несправедливом увольнении с работы А. В. Гомозова. Сейчас лейтенант Кротков принесет дело из архива. Кстати, Гомозов когда-то работал в том же автопарке, что и Стеблев. — Помолчал секунду, раздумывая, и добавил: — И в той же должности.

...Через полтора часа они втроем уже мчались в машине по знакомой дороге. Проехали дом, где жил Гомозов, дом Стеблева, свернули в проулок и выехали на широкую улицу, ведущую к автопарку.

В конторе им сказали, что механик Стеблев пошел на склад. Услужливый счетовод из бухгалтерии вызвался проводить их.

На складе их встретил кладовщик, коренастый, полный, с пышной шевелюрой и маленькими ласковыми глазками, которые так и стреляли во все стороны.

— Стеблев? Был, был... — Извиняющаяся улыбка. — Минуты три всего как ушел. — Догадливая улыбка. — Не во второй ли корпус?

— А как ваша фамилия? — поинтересовался майор.

— Лобода, Степан Трофимович, приятно познакомиться, — довольная улыбка расцвела на широком лице кладовщика.

— Вы уже работали здесь, когда механиком был Гомозов?

— Гомозов? — Вместо улыбки появилось выражение напряженного припоминания. И — с улыбкой облегчения: — Да, да, а как же! Я тут работаю уже больше пятнадцати лет. Сначала водителем КраЗа, потом, после аварии, — кладовщиком. Ветеран, можно сказать.

— Ваше мнение о механике?

— О каком из них? — с извиняющейся улыбкой уточнил Лобода.

— Давайте уж и о том и о другом, — предложил майор.

— Гомозова я мало знал. Человек он был замкнутый. Сначала говорили — справедливый, честный. А после, когда на него письмо написали и стали разбирать, выяснилось, что за ним немало грехов числится. А Стеблев человек хороший, добрый. Ну, бывает, зальет за воротник, зато на другой день работает как зверь.

— Его двор далеко отсюда?

— Да нет. Сразу же за забором. Смотрите в окно. Вон, где яблоня виднеется.

Лейтенант и Юрий тоже подошли к открытому окну. Юрий краем глаза следил за майором. Он видел, что Котлов смотрит не в сторону двора Стеблева. Оказалось, что просторный двор автопарка, кроме усадьбы Стеблева, граничит еще со двором его соседа, слышав-

шего крик. Оттуда доносились голоса и свирепый лай собаки.

Юрию не терпелось скорее уйти отсюда. Он чувствовал, что захлебывается в чужих чувствах страха, злобы, ненависти, презрения. Билась в паутине жирная муха. Пахло кровью и смертью. Юрий весь сжался от отвращения. И снова он с удивлением подумал о людях, которые, разгребая грязь, умудряются не запачкаться. Что помогает им?

Частично он уже знал ответ. Он помнил виноватое лицо майора, когда тот разговаривал с женой убитого. «Он чувствует себя виноватым, что остался жив, а друг погиб», — думал Юрий.

...Возвращаясь из автопарка, майор попросил водителя остановиться у двора Стеблева. Вместе с лейтенантом и Юрием он прошел на огород и еще раз осмотрел место, где, как предполагалось, лежало тело Седых.

— Ага! — воскликнул Котлов. — А почему старший лейтенант должен был упасть непосредственно на грядки? Между ним и землей могло оказаться еще что-то. — Майор присел на корточки, рассматривая грядки. Вот он отряхнул руки, снял с тужурки какую-то зеленую букашку. Наконец выпрямился и сказал:

— Здесь стоял мешок, и старший лейтенант упал на него. Поэтому место, где примята ботва, по размерам короче его тела. Теперь становится ясным и то, почему он оказался на огороде, и почему удар камнем пришелся по затылку, и почему те детальки были у него в кулаке.

Судорога свела лицо майора, он несколько раз глубоко вздохнул, прежде чем опять заговорил:

— Такой уж это был человек... Удивительно доверчивый... Его обманывали, а он продолжал доверять людям. Не от глупости, а из-за принципов. Пытался воспитывать людей доверием. О таких говорят «не от мира сего»,

Он взглянул на часы, вздохнул и кротко бросил:

— Поехали!

Очутившись в своем кабинете, майор тотчас позвонил в ОБХСС.

— Иван Николаевич, — сказал он в телефонную трубку. — Прошу организовать срочную ревизию в шестом автопарке. Да, да... Что?.. Нет, не недостача, а совсем наоборот. И очень нужно, чтобы в автопарке узнали о предстоящей ревизии. Не удивляйся, узнаешь позже. Ну, договорились?.. Будь здоров!

Юрий прислонился к стене дома рядом с майором. Лейтенант спрятался за яблоней. Сноп света из окна дома Стеблева, падая на грядки, серебрил ботву огурцов, сверкал в каплях росы. Юрий, пользуясь инфразрением, отлично видел и в темноте. Все вокруг испускало сияние, отдавая тепло: бледно-желтым заревом горела ботва, оранжево-фиолетовыми фонтанами вздымались деревья, ярко-оранжево — до красноты — пламенел забор. Самый богатый спектр свечения был у людей. В нем присутствовала вся гамма цветов и оттенков.

Из-за забора слышалось рычание собаки. Юрий заметил, что лейтенант чуть подался вперед из-за дерева.

На лунную дорожку упала чудовищная тень, не принадлежащая ни человеку, ни животному. Лейтенант взглянул на забор. Над его краем в тени нависших веток медленно поднималась огромная голова, раз в семь-восемь больше человеческой. Она напоминала сказочную репу. Это сходство ей придавали волосы, растущие одним большим пучком на макушке. Голова начала валиться с забора, по бокам ее выросли длинные уши.

Но вот голова оторвалась от забора и шлепнулась на землю, глухо звякнув. Она оказалась обычным меш-

ком, а уши — руками человека, опускавшими мешок. Неизвестный прыгнул с забора вслед за своим грузом. Он осмотрелся по сторонам и отдышался.

Скрипнула калитка. Зашуршали тихие шаги. К мешку подошел еще один человек. Донесся обрывок разговора: «Почему опоздал?» — «Задержался дома». — «Ну, ладно, понесли!» Один из них помог другому взвалить мешок на плечи. Они направились к выходу на улицу.

Вспыхнули острые лучи фонариков. Прозвучал властный, смягченный одышкой голос майора:

— Стоять на месте! Не шевелиться!

Юрий почувствовал, как тошнотворный ком подкачивается к горлу, и быстро отвел взгляд от бледного, искаженного страхом лица кладовщика Лободы...

Штора на окне вздувалась, как парус. Мохнатая лапа ее скользила по столу, словно что-то смахивая с него. Котлов взял у лейтенанта протокол допроса, просмотрел его.

Напротив, через стол, уронив голову на грудь, сидел Лобода.

Майор дал ему подписать протокол, едва сдерживая ненависть.

— Я изучил дело Гомозова, — сказал Петр Игнатьевич. — Вас и вашего брата надо было судить, когда вы еще работали водителями. И за «левые» рейсы, и за лжесвидетельство против механика. Очень уж мешал он вам, ведь не раз выступал на собраниях с разоблачением ваших проделок. Вы кричали тогда «мы рабочие люди», вы прикрывались своими мозолями, как медалями, пока не докарабкались до склада. Но теперь-то получите за все сполна.

Лобода поднял взлохмаченную голову. Взгляд его маленьких глазок из растерянного и умоляющего стал

свирепым и острым. В эту минуту Лобода напоминал рассвирепевшего дикого кабана.

Юрий с изумлением следил за этим преобразованием. Совсем недавно звучали жалкие слова «поверьте, я не хотел убивать...». Юрий сравнивал то, что слышал на допросе, с тем, что читал в книгах. Каким-то боковым отрешенным зрением он представлял, как все произошло, как, идя к Стеблеву, старший лейтенант заметил, что двое людей тащат через забор мешок. Он крикнул «стой!» — и они послушно остановились. Но это только ему казалось, что послушно, а на самом деле они были парализованы страхом, увидя человека в милицмейской форме. Седых подошел и наклонился над мешком, чтобы узнать, что в нем. Так в его руке оказались детали тормозов автомобиля.

Почти не сознавая, что делает, брат Лободы молниеносным движением нагнулся, схватил с дорожки обломок кирпича и нанес удар. Кладовщик, сомневаясь в сокрушительности удара брата, всадил под лопатку Седых большой складной нож — тот, что нашли у Лободы при обыске.

Убийцы не могли оставить труп на огороде из-за близости склада. Они вынесли его на улицу и понесли в поле. Улица была пустынная. Проходили мимо дома Гомозова. Лобода взглянул на темные окна, и лютая всепожирающая злоба захлестнула его. «Тогда не удалось посадить тебя за решетку, теперь не выкрутишься!» Злоба душила его. «Ты грозился нас посадить, так получай, гад!» — думал он, затаскивая труп милиционера на огород Гомозова.

Юрий знал, что именно так все и было. Однако то, что произошло, казалось каким-то нереальным, невсамделишным, как дурной сон. Убийцы оказались самыми обыкновенными людьми, без выраженных отклонений в деятельности мозга. И работали они, как свидетельствовали в отделе кадров, неплохо, получали премии...

Погрузившись в свои мысли, Юрий не заметил, как увели Лободу и он остался в кабинете вдвоем с майором. Ему казалось, что это его только что ударили камнем по затылку, что это в него, разрывая внутренности невыносимой болью, всадили нож. Ненависть, какой он еще никогда не испытывал, не втиснутая в расчеты и формулы, поднималась из глубины его сознания, отравляла все его мысли, окрашивала их в кровавый цвет. И он не пытался остановить ее, ибо ему обязательно и срочно, сию же минуту нужно было понять нечто очень важное, без чего он не сможет оставаться самим собою. Он еще больше растравлял себя мучительными вопросами, усугублял свою муку и свое отвращение.

И когда он довел себя до неистовства, до отчаяния, уже на самом краю пропасти он вонзил в свое сознание, как нож, еще один вопрос: «А если бы на месте Лободы были люди, которых я знаю, — Михаил Дмитриевич, Сергей Павлович, вот этот майор, лейтенант? А если бы — Аля?»

И сразу со всей ясностью он понял: ни Аля, ни один из знакомых ему людей не могли оказаться на месте Лободы. В них не было ослепляющей злобы, хищной жестокости, никто из них не смог бы переступить черту, отделяющую человека от зверя.

Наконец-то Юрий сумел вздохнуть. В кровавой тьме, бушевавшей в его сознании, появились светлые голубоватые полыньи остужающей воды. И так же быстро, как раньше, он стал задавать себе новые вопросы. Он снова вспомнил виноватые слова майора, обращенные к вдове, и подумал об удивительном чувстве, которое называют состраданием, о восприятии чужой боли как своей. Снова и снова он вспоминал Алю с ее подозрениями и заботами, с ее тревогами и неразумно-беззаветной любовью...

Вместе с майором Юрий сел в машину, чтобы вернуться в больницу. Он знал, что спасти майора уже

нельзя, но, может быть, если посев грибков, оставленный им в лаборатории больницы, уже созрел, он сумеет спасти город от эпидемии, поможет десяткам людей излечиться от странной болезни, в возникновении которой по случайному стечению обстоятельств могут подозревать его.

Навстречу машине спешили деревья и дома, троллейбусы и прохожие на тротуарах. А где-то шла на работу или возвращалась домой молодая женщина, не подозревающая, что светом ее любви сейчас спасаются тысячи и тысячи человеческих жизней.

— Итак, вы пришли к выводу, что кое-чему научились? — спросил Сергей Павлович.

Юрий молчал, словно не слыша его вопроса. Он вспомнил тысячи книг, прочитанных в библиотеке, куда он забрался самовольно, и взятых для него Алей, Сергеем Павловичем. Он сравнивал прочитанное с пережитым и думал, что если пережить все, описанное в книгах, то, может быть, удастся сделать безошибочные выводы.

Он думал:

«Люди беспомощны прежде всего потому, что всегда зависят от обстоятельств. Такими их создала природа — и это первое и важнейшее обстоятельство. Природа, наделив их организмы довольно жесткой структурой, что обеспечивает относительную независимость от условий внешнего мира, в то же время оставила им некоторую возможность свободного маневрирования, но в ограниченных рамках: немножко в одну сторону, чуть-чуть в другую. Эта свобода организма регулируется состоянием его внутренней среды — человек может не есть, не дышать, находиться в жаре или в холоде, но до обозначенных пределов. Это сказывается на его замыслах и желаниях. Выход из установленных при-

родой рамок наказывается смертью, причем смерть одной особи или смерть миллиарда — не имеет значения. Некоторое значение имеет лишь судьба вида».

«Но даже в этих условиях они бывают очень разными. «Ему нет места на Земле», — говорит один. «Мудрость и добро неразлучны», — утверждает другой. Они создали меня, отдавая мне все свои достоинства и защищая от недостатков, воплощая во мне свои мечты о могуществе. Буду ли я таким, как они задумали, хочу ли стать таким? А каким я был в самом начале?»

Он вспомнил свое рождение. С чего оно началось? С какого момента начал осознавать себя? Была теплая уютная тьма... Боль... Да, он почувствовал боль! Кажется, все начиналось с нее. Впрочем, был еще холод. Боль и холод... Или — холод и боль? Желание избежать их, укрыть себя. Он стал искать средства защиты...

Нет, не так! Все это пришло потом, а вначале была дрема в теплой тьме, ленивое блаженство. Ничто не мерцало, не кололо, не болело, не радовало, не тревожило, не возмущало, не возносило, не опускало... Он ощущал себя как ничто и нечто одновременно, замкнутое на самое себя, растворенное в себе, расплавленное и распластанное во всем, что могло случиться, покоящееся и плавающее в своей дремлющей мощи, о которой он ничего не знал. Он ощущал только себя — свои взаимодействующие в полной тьме атомы и молекулы.

С тех пор он много раз терял и находил себя. От открывал дверь в мир, впуская тревогу и боль, радость и удовольствие, печаль и нежность. Мир принял его, ибо он сам стал частью мира.

Задумавшись, Юрий машинально протянул руку

Сергею Павловичу. Тот пожал ее, с недоумением глядя на него. Юрий спохватился, быстро проговорил:

— Большое вам спасибо. Наше знакомство было приятным и полезным. А теперь извините — меня ждут дела.

— Когда мы опять увидимся? — спросил Сергей Павлович.

— Я извещу вас.

Быстрыми шагами он вышел из Института философии и, не оглядываясь, пошел по Зеленой улице. Он знал, что за ним сейчас никто не следит. Юрий думал:

«Я вручу лекарство и рецепт его приготовления человеку с характеристикой, вычисленной по моей формуле:

$$\frac{(M-N)^9 \cdot \sqrt{6a}}{BC} ».$$

«Автомат приготовил лекарство в должном количестве. Об остальном позаботятся сами люди».

«Поле взаимодействия определяет структуру и организма и личности, но не определяет поведения. «Невероятно, но факт», как говорят люди».

В результате размышлений у него появилась мысль еще об одном психологическом эксперименте: «Я вручу ему все это, но не скажу, кто я такой. Проверю: во-первых, догадается ли он, кто я; во-вторых, поверит ли мне; в-третьих, как совместится реакция на мое появление с реакцией на то, что я вручу ему?»

Небо было плотно затянуто тучами. Оно опускалось все ниже и ниже. Кругами летали и тревожно кричали ласточки. Надвигалась гроза. Менялась влажность и радиоактивность воздуха. Нарастали помехи в эфире,

вспыхивали короткие, еще невидимые простому глазу разряды. Юрий чувствовал все это и многое другое: миллиарды сигналов непрерывно проходили через его мозг, неся информацию о мире. И, зная о нем так много, он захотел предугадать невозможное: место и время нахождения электрона. «Вероятно, — думал он, — тогда я смогу предсказать поведение человека с абсолютной точностью...»

Михаил Дмитриевич старательно отводил взгляд от человека, сидящего напротив. Он знал, что по его глазам тот сразу поймет все. «В данный момент, — думал Михаил Дмитриевич, — важно лишь то, с чем он пришел: лекарство и рецепт его изготовления. Но снимает ли это подозрение о его причастности к эпидемии? Может быть, его приход с лекарством вызван желанием искупить вину? И еще один вопрос: знает ли он вообще, догадывается ли о том, что его подозревают? А если знает, то какое чувство вызывает у него человеческая «подозрительность?»

Михаил Дмитриевич не смотрел на сидящего напротив, но на сетчатке глаз отпечаталось отражение этого человека и непрерывно передавалось в опознающие области памяти, хотя он был уже давно опознан. Прямой нос с широкими раскрытиями, твердые выпуклые губы, быстрая игра лицевых мускулов, резко меняющая выражение лица. И только через глаза, меняющиеся еще более быстро, можно, улучив момент, заглянуть в глубь его существа, прикоснуться к тому, что когда-то было серым с разноцветными прожилками веществом, растущим в колбе, тогда еще беспомощным и беззащитным, но уже таящим в себе страшную взрывчатую силу.

«Родитель вглядывается в дитяще, — подумал Михаил Дмитриевич о себе в третьем лице. — В дитяще, которое перестал понимать. Или понимание еще возможно?..»

Он остался недоволен своими мыслями: «Если мы не поймем его, то на какой контакт с разумными инопланетными существами мы можем надеяться? Он — дитя человеческого разума, сын человеческий. Но понимаем ли мы как следует хотя бы собственных детей? Хотя бы себя?»

Послышался протяжный негромкий гул, приглушенный двойными рамами окна. В синем небе осталась тающая полоса. Это с малого ракетодрома ушел корабль на Луну.

«Сейчас он съедает еще одну порцию атмосферного озона, — думал Михаил Дмитриевич, провожая корабль взглядом. — Как бы мы ни усовершенствовали свои корабли, они разрушают атмосферный щит, а восстанавливаем мы его пока еще плохо. Вот и выходит, что каждый новый шаг вперед стоит кусочка жизни. А супермозг — это не шаг, это скачок вперед. Через пропасть или в пропасть?»

— Очень жаль, что вы не можете назвать автора этого лекарства, — сказал Михаил Дмитриевич и подумал: «Станем ли мы хоть чуточку ближе после его визита? Правильно ли он истолкует мое поведение, или решит, что я не понял, кто передо мной находится? Это очень важно. Ведь, идя ко мне, он должен был допустить, что я попытаюсь задержать его».

— Не уполномочен, — ответил гость и резко поднялся из кресла.

Встал и Михаил Дмитриевич. Теперь он позволил себе взглянуть в глаза гостю. «Он все понимает. Может быть, даже больше, чем я предполагаю. Во всяком случае он знает, что я притворяюсь, будто не узнал его. Но поймет ли он и то, почему я так поступаю?»

Однако Михаил Дмитриевич тут же устыдился собственных сомнений. «Выходит, я не верю в него? Не верю в сына, которого создал таким могучим, чтобы он

сумел совершать недоступное для меня? А когда намерение удалось, я испугался...»

Он медленно протянул руку, Юра осторожно пожал ее.

Тень Михаила Дмитриевича лежала между ними как очертания пропасти, рука казалась мостом через нее...

Выйдя из дома, Юрий сел на скамейку в скверике. Михаилу Дмитриевичу его было хорошо видно из окон квартиры. Юрий просидел неподвижно более часа. За это время при желании ученый мог бы вызвать сюда полковника Тарнова и его помощников.

Юрий дождался, пока мимо скамейки прошел Михаил Дмитриевич, бережно неся раздувшийся портфель. Ученый не смотрел в его сторону, старательно делая вид, что никого не замечает.

Юрий встал и окликнул Михаила Дмитриевича. Ученый остановился, повернул к нему лицо.

— Мне показалось, что вы все время хотели меня о чем-то спросить, но не решились, — сказал Юрий.

Его глаза стали лукаво-веселыми, будто он узнал о собеседнике что-то очень смешное и готовился рассказать ему об этом.

— Вы правы. Мне хотелось узнать о том, как вы думаете, какие алгоритмы лежат в основе вашего мышления. Как вы приходите к неожиданным выводам?

Взгляд Юрия изменился. В нем появилась задумчивая отрешенность.

— Я уже пытался это сформулировать на бумаге. Но пока формулировки удаются плохо. Или я недостаточно знаю язык, или в нем не хватает слов. Все сводится к тому, что я стараюсь как можно меньше вычленять. Пытаюсь ощущать окружающий мир как неразрывную целостность. Ведь он такой и есть.

— Ощущать — не значит мыслить, — возразил Михаил Дмитриевич.

— Каждое живое существо воспринимает окружающий мир посредством органов чувств, — ответил Юрий, — но на этом первичном этапе он не может ощутить мир целостным, вычленяет какие-то отдельные части. Когда же человек размышляет, он вычленяет сначала участок, над которым размышляет, затем — элементы для размышлений.

— Разрешите, я переведу ваши слова на профессиональный язык науки. — Михаил Дмитриевич застенчиво улыбнулся. — Мозг выбирает информацию, необходимую для решения данной проблемы, и отбрасывает все несущественное.

— А если среди «несущественной» информации имеется та, от которой зависит истинное решение проблемы? — спросил Юрий.

— Да, так может быть, — согласился Михаил Дмитриевич, переминаясь с ноги на ногу. — Но ведь мозг способен перерабатывать лишь определенное количество информации. И тут ничего нельзя поделить...

— Вы хотели узнать о главном различии между нами, — сказал Юрий. — О различии, которое сами создали, чтобы преодолеть то, с чем «ничего нельзя поделить». Во-первых, оно измеряется количеством информации, которую я и вы способны воспринять и переработать за единицу времени.

— А во-вторых?

— Второе — алгоритмы. Но я не могу это сформулировать. Вижу существенное в том, что вам кажется несущественным, и оперирую чаще всего элементами для вас несущественными. Извините, но я не могу изложить проблему понятнее. Не знаю, как это сделать. С моей точки зрения, человек воспринимает вещи и явления через кого-то. Иногда «кто-то» — он сам. Иногда, чтобы воспринять, ему надо превратиться в кого-то. Иногда «кто-то» — его сознание...

Юрий умолк, на его лице быстро сменялись выражения досады, недоумения, обреченности.

Михаил Дмитриевич сочувственно смотрел на него, неслышно шевеля губами, словно пытался что-то подсказать. Потом проговорил:

— Однажды спросил заяц у робота: «Ты умеешь бегать как я? Значит, ты такой же, как я. Но ответь на три «почему»: почему ты не ешь морковь? Почему ты такой твердый? Почему ты никого не боишься?» — «Одно из трех «почему» отвечает на два других», — ответил робот. «Все понял!» — воскликнул заяц и... перестал есть морковь.

— Бедный заяц! — с облегчением рассмеялся Юрий. — А вам огромное спасибо. Вы подсказали мне путь. И если когда-нибудь мне удастся сформулировать алгоритмы моего мышления достаточно понятно и однозначно, вы будете первым, кто узнает об этом. А пока пожелайте мне успеха.

«Нет, он непричастен к возникновению эпидемии, — подумал Михаил Дмитриевич. — Совпадение по времени с кражей пробирок — случайность. Теперь, создав лекарство, он причастен к прекращению эпидемии...»

— Эвалд Антонович, вы не узнаете меня?

Худой, с выпирающими лопатками и с острыми локтями человек внимательно взглянул на гостя. У глаз собрались и разбежались напряженные морщинки. Он улыбнулся.

— Это вам должно быть трудно узнать меня! Вы же видели меня только больным, в кресле!

Действительно, нелегко было узнать в этом подвижном, как ртуть, жестикулирующем человеке того беспомощного паралитика в кресле-капсуле, которого когда-то встретил Юрий в коридоре медцентра.

— У меня был ориентир — ваш адрес, — приветливо сказал Юрий. — И стимул — ваше приглашение. И еще — ваше обещание...

— Помню: рассказать о наших работах. Я выполняю его.

— Сейчас?

— Можно и сейчас. Пойдемте.

Они долго ходили по лабораториям — с этажа на этаж. Эвалд Антонович показывал Юре гигантские трехгорлые колбы, в которые помещали смеси различных элементов, и, пропуская через них электрические разряды, получали аминокислоты. Автоматические мешалки с устрашающим шумом перемешивали содержимое. На панелях вытяжных шкафов загорались и гасли контрольные лампочки, в ректификационных колонках с тихим шорохом струились потоки жидкостей. Дрожали стрелки милливольтметров, манометров, мановакуумметров. Временами раздавался комариный зуд суперцентрифуг. Эвалд Антонович знакомил гостя с результатами анализа первобытных организмов и протоорганизмов, демонстрировал с явным удовольствием, как из коацерватов образуются сложные соединения.

В одной из лабораторий он показал Юрию коллекцию «метеоритной жизни», рассказал о гипотезах ее космического зарождения.

— Вдумайтесь хотя бы в такие факты, — говорил он, запальчиво размахивая длинными руками. — Шестьдесят три процента всех атомов человеческого тела — водородные. А в космосе самый распространенный элемент — водород. За ним следуют, если не считать инертных элементов, кислород, углерод, азот. И в нашем теле те же четыре «кита»: водород, кислород, углерод, азот. Органические соединения постоянно путешествуют на метеоритах в космическом пространстве. Там имеются муравьиный альдегид, цианацетилен, древесный спирт, муравьиная кислота, метанимин... Понимаете, что это

значит? Ведь они являются основаниями аминокислот! Разве все это непохоже на стрелку компаса, указывающую направление?

Он торжествующе посмотрел на гостя. Тот совершенно спокойно и несколько снисходительно произнес:

— Вы правы, это гораздо ближе к истине, чем предыдущие гипотезы, с которыми вы меня знакомили.

— Вы говорите так, будто давно проникли в тайну зарождения жизни, — не скрывая иронии, сказал Эвалд Антонович. — Но хотя космическая микробиология уже накопила немало наблюдений, она все еще не ответила на вопрос вопросов.

— Не уповаю на достижения космобиологии.

— А на что уповаете?

Юрий молча пожал плечами и отвернулся. Эвалд Антонович несколько не смутился.

— Вы знаете что-то неизвестное современной науке?

— Все зависит от угла зрения.

Эвалд Антонович решил, что Юрий увильчивает от ответа.

— Мы лучше понимали друг друга, когда я был болен.

— Тогда вы больше размышляли.

— В науке принято сначала накопить факты, а уже потом размышлять над ними.

Усмешка появилась на лице Юрия.

— Разве природа не накопила достаточно фактов? Она ставит миллиарды экспериментов ежесекундно. Есть над чем поразмышлять, не правда ли?

— Это демагогия! — выкрикнул Эвалд Антонович.

Юрий согнал усмешку со своего лица и примирительно дотронулся до руки собеседника:

— Представьте себе любой замкнутый мир и живущих в нем существ: микробов в капле воды или в пробирке, людей в ракете, на Земле, в звездной системе, — все равно где, но в замкнутом пространстве.

Могут ли микробы узнать о себе что-либо существенное, если не смогут выйти за пределы капли или пробирки?

— Добрый день, Виктор Олегович!

Кустович поднял большую, коротко стриженную голову от бумаг и сразу же узнал гостя. Нахмурился и сказал:

— Профессор умер.

— Знаю. Я — к вам. Теперь ведь лабораторией руководите вы?

Кустович склонил голову набок, что, видимо, должно было означать утверждение, и выжидательно снизу вверх смотрел на гостя. Гость понял «приглашение высказаться» и заговорил без обиняков:

— Если помните, я — врач.

Едва заметным движением головы Кустович подтвердил, что он это помнит.

— Мы испытываем новый вид заменителя живой ткани. Он необходим для протезирования внутренних органов. Мне нужно несколько дней поработать в вашей лаборатории на АСБ.

— Формула ткани? — спросил Кустович.

Гость разложил поверх бумаг на столе Кустовича длинную ленту, испещренную значками. Виктор Олегович долго ее изучал.

— Не могу представить, зачем здесь бензольное кольцо, а здесь — закись железа, — зарокотал он. — А уж вся левая половина, извините, сплошная абракадабра. Зачем понапрасну загружать людей и аппараты? Давайте «проиграем» вашу формулу на вычислительной машине, сами убедитесь, — такая ткань немыслима. Она распадется сразу. — Он взглянул на гостя и осекся. — Впрочем, если хотите, трудитесь без помощников. Или берите своих. Напомните, как вас зовут.

— Юрий Юрьевич. Значит, разрешаете?

Кустович пожал могучими плечами, что означало: я уже все сказал. Юрий круто переменял тему:

— А что показала проверка вашей гипотезы? Помнится, она была небезынтересной.

— Первые опыты прошли успешно, — подобрел Кустович. — Бромфтористые соединения делают пласт-белок устойчивее. Если вас интересует, могу и поподробнее.

— Интересует.

— Ну, тогда пойдемте в лабораторию.

Кустович не только рассказывал, но и показывал образцы синтезированных белков, объяснял этапы их синтеза.

— Вот здесь и выбрали бы образцы для ваших заменителей, — «мельком» сказал он и сразу же густо побагровел.

— Они слишком близки к естественным, — возразил Юрий, «не замечая» его смущения.

— Так это же хорошо.

— Не совсем. Ткань должна одновременно служить стимулятором и самого органа и взаимодействующих с ним систем.

— Я плохо вас понимаю, — признался Кустович. — Но вы могли бы заказать белок с заданными качествами. Мы производим работы по заказам. Переставляем аминокислоты, как кубики. Меняем их состав...

— И тем не менее вы производите искусственные ткани на естественной основе. Даже когда хотите сделать их лучше естественных.

Кустович переступал с ноги на ногу.

— А как же иначе?

— В таком случае изменения будут незначительными и несущественными. Попробуйте построить домики из песка или автомобиля из глины. Совершенствуйте их сколько угодно, как угодно, меняйте конструкцию — это

будут игрушки. Вы добьетесь успеха только в том случае, если измените саму основу, сам материал.

— Мы делаем то, что возможно, — сказал Кустович и стал похож на обиженного мальчишку-переростка. — Но если вы хотите работать по своим рецептам, пожалуйста. А я посмотрю, что выйдет у вас.

Юрий включил установку для радиоактивационного анализа и рефрактометр. Приник к окуляру, покрутил ручку настройки. Снизу, из голубого тумана, выплыли колонки цифр.

Он остался доволен результатами исследования. Поднял конец шланга, змеящегося от ректификационной колонки, и опустил его в пустую банку, сняв с нее металлическую фольгу. Затем открыл кран. Серебристая, как ртуть, вязкая жидкость медленно наполняла сосуд.

Юрий придвинул к себе другую банку с приготовленным заранее розовато-белым раствором и погрузил в него руку. Слегка поморщился от боли, но быстро справился с собой. Другой рукой надел на голову шлем, густо увитый проводами.

Спустя несколько минут он уже спокойно смотрел, как таяли в растворе фаланги пальцев, как появлялись и лопались пузырьки воздуха. Когда от пальцев остались одни кости, он вынул руку, промыл ее и, не снимая шлема, пошел к кабине синтезатора. Несколькими поворотами верньеров задал синтезатору модуляцию. Здоровой рукой взял банку с серебристой жидкостью и вылил ее в одно из отделений синтезатора. Только потом он включил ванну синтезатора и проверил по вспышкам индикаторов ее работу. Бережно погрузил кости пальцев в жидкость. Они покрылись разбухающей пленкой. Пленка утолщалась, по краям ее образовывалась бахрома. Откинувшись на пластмассовую спинку стула, Юрий завороченно следил, как извивают-

ся в бурлящем растворе нити бахромы, отделяются, носятся, словно живые существа, от стенки к стенке...

Когда он вынул руку, пальцы на ней были такие же, как прежде, разве что кожа на них едва заметно отливала серебристо-голубым. Юрий потянулся другой рукой к наружной стенке синтезатора, нащупал сначала панель, затем — верньеры, выключил синтезатор.

Он долго искал в шкафах, прежде чем нашел спиртовку. Зажег ее и сунул только что синтезированные пальцы в огонь. Пламя отклонилось. Он поймал пламя в горсть — оно заметалось и с тихим шипением погасло.

В том же шкафу он нашел толстую металлическую подставку. Поставив ее на пол, с силой нажал на нее пальцами руки. Пальцы прошли подставку насквозь и даже несколько углубились в пол.

— Вот так! — сказал Юрий и запел: — Вот так, вот так, вот так...

Он собирался внести в свой организм наиболее существенную поправку с момента своего рождения. Раньше он лишь изменял у себя форму носа или рта, необходимые, чтобы его не узнали. Для этого ему не нужно было сложной аппаратуры.

Тщательно раскладывая на полу концы проводов и шлангов, он стал готовить ванну синтезатора...

НА КОСМОДРОМЕ

На экране сторожевого пульта, на делении, обозначающем седьмой квадрат космодрома, замигал синий огонек индикатора. Дежурный беззлобно выругался по адресу юных шалопаев, которым не сидится дома. Он не сомневался, что это опять бедокурыт «зайцы» — мальчишки и девчонки. Им, видите ли, хочется космических подвигов, и они неведомо какими путями проникают через два кордона.

Дежурный вызвал по селектору охрану седьмого квадрата и приказал обнаружить «зайцев», намять по древнему обычаю уши и препроводить в школы со всеми «почестями».

Однако через полчаса начальник охраны квадрата доложил дежурному, что «зайцы» не обнаружены и робко спросил, не могло ли произойти ошибки.

— Пошел слух, что у меня с глазами не в порядке? — вкрадчиво спросил дежурный.

— Да что вы, какой там слух, — начал оправдываться начохр.

Не слушая его, дежурный продолжал:

— А если бы и так, то вам надлежит знать, что ЦСЭ никогда не ошибается.

— Так я же совсем не в том плане, — жалобно сказал начохр. — Вы ведь могли и пошутить...

— Что-о-о? — заревел дежурный, как рассерженный бык. — Да за такие шуточки...

Начальник охраны отключился от селектора. Прошло не менее сорока минут, пока он решился доложить вторично, что никого из посторонних в квадрате не выявлено.

— Заставьте своих подчиненных трижды прочесать квадрат! Пусть поработают все одновременно! — бушевал дежурный. — Мы еще посмотрим, у кого глаза не на месте!

— Я так и сделал! — отрапортовал начальник охраны. — Два отделения трижды прочесали квадрат.

— Сейчас я лично прибуду к вам, — голосом, не предвещающим ничего хорошего, пообещал дежурный.

Он прибыл на «газике» спустя несколько минут. Взглянув на электронные локаторы в руках солдат охраны, пренебрежительно сощурился и махнул рукой.

— Это не поможет. «Зайцы» теперь хвостатые, сле-

ды замечать научились. Так экранируются, что их ни один локатор не нащупает.

— В таком случае и ваш ЦСЭ не «увидел» бы их, — решился напомнить начальник охраны.

— А ведь вы правы, — удивленно сказал дежурный.

— Если уж быть точным, — совсем осмелел начальник охраны, — в обоих предыдущих случаях «зайцами» оказывались ребята из школы юных космонавтов. Проникали они через соседний квадрат. Так им сподручнее.

— Неужели и сегодня шалит кто-то из школы юных космонавтов? Испытывает свои силы и наше терпение?

Начальник охраны считал, что ни один вопрос не может оставаться без ответа. Но новых мыслей не нашлось, и он произнес первое, что пришло в голову:

— Как найдем, так и узнаем.

Он сразу же пожалел о своих словах, поскольку дежурный изменил тон:

— Значит, вы предлагаете пассивно ждать? Давайте думать вместе! Если «заяц» хочет полетать самостоятельно, то...

Он испытующе посмотрел на начальника охраны. Тот старательно делал вид, что не понимает начальственного взгляда. Дежурному пришлось спросить:

— Как же мы должны поступить?

Начальник охраны покрутил головой, будто лошадь, пытающаяся сбросить хомут. Дежурный снисходительно и назидательно сказал:

— Искать его надо лишь в тех кораблях, которые направлены горючим. А таких ведь совсем немного?

Лицо начальника охраны выразило предельное восхищение.

— Такой корабль сейчас у нас лишь один — «Стремительный»!

Они взглянули друг на друга и, не сговариваясь, заспешили к кораблю. Его острый, нацеленный в небо

нос, был виден издали. От корабля отделилось и по-
неслось вверх кольцевидное облачко. За ним — вто-
рое, третье...

— Он готовится к старту! — на бегу закричал де-
журный, рванул микропередатчик с груди, включил его
и скомандовал:

— Старт «Стремительному» запрещен! Опустить
площадку, закрыть люк! Всем следить за кораблем!

Нос «Стремительного» стал опускаться, его засло-
нили другие корабли. Это означало, что команда де-
журного была выполнена — диспетчер опустил старто-
вую площадку вместе с кораблем на нижний ярус кос-
модрома.

— Есть у нас еще расторопные работники, — удов-
летворенно сказал дежурный, не глядя на обиженное
лицо начальника охраны.

Когда они вышли из лифта на нижнем ярусе, у ко-
рабля уже собрались работники стартовых служб. Люк
«Стремительного» был открыт. Один из техников доло-
жил дежурному:

— В кабине никого нет.

— Значит, успел выскочить, когда корабль начали
опускать, — почти спокойно резюмировал дежурный. —
Ничего, далеко он не уйдет. Вся охрана поднята на но-
ги. Скоро познакомимся с этим сорвиголовой.

Он был вполне уверен, что «сорвиголову» найдут в
течение считанных минут. Экранироваться от патруль-
ных роботов он не сможет, коль локаторы уже засекли
его. В том, что дело обстоит именно так, дежурный не
сомневался — его команда автоматически переключила
все следящие экраны космодрома на «Стремительный».

Уверенность дежурного поколебалась через десять
минут, через двадцать дала трещину. Спустя полча-
са, когда обыскали все корабли, находившиеся в седь-
мом квадрате, от нее не осталось даже приятных вос-
поминаний. А через час...

Через час все, кому следовало знать о происшествии на космодроме, в том числе и полковник Тарнов, были оповещены. Полковник прибыл на космодром вместе с помощниками и Александром Николаевичем раньше, чем прибыли представители других ведомств. Им удалось увидеть и сфотографировать следы, оставшиеся на полу кабины корабля, снять отпечатки пальцев с приборов.

Лучшие дактилоскописты спорили между собой до изнеможения. Один утверждал, что на руках злоумышленника были тончайшие перчатки из неизвестной фосфоресцирующей ткани. Но в таком случае отпечатков не осталось бы вовсе, — возражали ему другие.

Обычного пальцевого узора не было. Вместо него — фосфоресцирующая поверхность и несколько скрещенных линий, похожих на значки умножения.

Следы рассматривали с натенением и без натенения, подвергли рефракционному анализу, изучали в пучках ускоренных протонов.

Кое-как полковнику Тарнову удалось прервать вспыхнувший спор криминалистов, грозящий перейти в теоретическую дискуссию. С еще большим трудом Тарнов увильнул от объяснений и ответов на вопросы типа «А что вы думаете по этому поводу?»

Оставшись наедине с Александром Николаевичем, он тыльной стороной ладони вытер пот со лба и грузно сел в кресло. На несколько минут полковник позволил себе расслабиться. Александр Николаевич не беспокоил его.

Они оба молчали, отлично помня, что в это время в их кабинетах звонят телефоны и суровые начальники жаждут узнать, «скоро ли загонят джинна обратно в бутылку».

Полковник наискось через стол подвинул к ученому несколько фотоснимков с отпечатками, похожими на значки умножения, вяло сказал:

— Сравните. Узор изменился, но кое-что осталось. Вот эти значки, например.

— Это он! — без тени сомнения ответил Александр Николаевич.

В это время в кабинет вошли генерал и Эльбор Георгиевич. Полковник Тарнов вскочил.

— Сидите, сидите, — махнул рукой генерал. — Насколько я понимаю, это «шалит» все тот же ваш подопечный. Отпечатки идентифицированы?

— Отпечатки изменились, неизменными остались только некоторые элементы узора, — сказал полковник Тарнов. — Но вот химические и физические анализы показывают, что группы элементов, необычные для выделений человеческой кожи, и по составу и по излучению энергии те же самые. Различия непринципиальные. Я склонен утверждать, что это наследил наш старый знакомый.

— Если ему удастся завладеть кораблем и выйти в космос... — начал Эльбор Георгиевич и умолк.

Все думали об одном и том же — что за это время мог еще сотворить супермозг. Они представили, как с космической орбиты смотрит на земной шар существо, для которого и они, и все остальные люди лишь объекты для опытов, микробы в капле воды, пылинки на кусочке тверди...

«Нет, не все, — подумал Эльбор Георгиевич, вспомнив о женщине с тонкой шеей и высокой прической, так горячо защищавшей своего любимого. — Но имеет ли это значение для него?»

— Нельзя позволить ему улететь с Земли, — сказал Александр Николаевич. — В любом случае его нельзя выпускать из-под контроля.

Эльбор Георгиевич недобро усмехнулся:

— Спасибо за рекомендации. Можно подумать, что здесь он у нас под контролем. — И продолжил с нарастающим раздражением: — Ваш заместитель, напри-

мер, считает, что супермозгу нужно предоставить полную свободу. Вы же рекомендуете не выпускать его из-под контроля. Хорошо, мы прислушаемся к вашим рекомендациям. Но какой кордон способен задержать его? Что бы, например, посоветовали вы? Удвоить, утроить, удесятерить охрану? Ввести в нее наших розыскников? Но с увеличением числа людей возрастут и шансы супермозга затеряться среди них. Конечно, мы применим чрезвычайные меры безопасности. Разработаем на некоторое время иную систему обеспечения старта космических кораблей. Будем выпускать с нижних ярусов на стартовые площадки по одному кораблю. Но где гарантия, что этот супер не придумает ответной меры? Да есть ли, черт подери, у него ахиллесова пята?

Выражение «черт подери» свидетельствовало о том, что Эльбор Георгиевич дошел до кондиции. Но внешне он был совершенно спокоен, и дальнейшие его слова прозвучали для полковника Тарнова полной неожиданностью:

— Есть рекомендации, чтобы операцией по-прежнему руководил полковник Тарнов.

Генерал подтвердил это решение кивком головы. Потом сказал, обращаясь к полковнику:

— Кстати, вы и знакомы с ним больше других. А его «отцы», по решению академии, будут по-прежнему вам помогать.

Александр Николаевич попытался что-то сказать. Генерал резко повернулся к нему.

— Это будет только справедливо, — проговорил он, сдерживая рокошующий бас. — Вы его породили — вам и надлежит его урезонить.

Александр Николаевич готов был не на шутку обидеться, тем более что слова генерала не были лишены справедливости.

Но тут у него мелькнула спасительная мысль, и он поспешил высказать ее:

— Есть и у него ахиллесова пята! В силу своей сложности супермозг имеет одну существенную слабость.

Эльбор Георгиевич вскинул на него остро блеснувший взгляд:

— Какую?

— Если уж у него возникает чувство, оно становится очень сложным и глубоким...

Он умолк на мгновение, наслаждаясь интересом собеседника, и продолжал:

— А, судя по рассказу той женщины, Алины Ивановны, чувство у него возникло.

— И вы предлагаете?..

— Да! Ввести ее в охрану космодрома. Он не решится причинить ей вред. А уж она больше всех других заинтересована в том, чтобы он никуда не улетал...

— Я далеко не уверен в целесообразности таких действий, — сказал Эльбор Георгиевич. — Но решать Тарнову, как главному исполнителю операции.

Полковник вдруг отметил про себя, что подбородок у Александра Николаевича не только квадратный, но и тяжелый, упрямый, разделенный глубокой впадиной.

— Это античеловечно! — сказал Михаил Дмитриевич, когда узнал об их решении. — Античеловечно и непозволительно! Я опротестую вашу рекомендацию в академии, Александр Николаевич.

Он старался говорить как можно категоричнее. Но ни один из его оппонентов не смутился.

— Мы изложили ей наши доводы, она сама согласилась, — сказал полковник.

Его голос был мягким, а мягкий голос начальника, как хорошо усвоил Михаил Дмитриевич, означает, что спорить с ним бесполезно. И все же он попробовал:

— Я говорю не о ней, а о нем.

— Вы же сами понимаете, что нельзя позволить ему забираться в космос.

— Он не человек, и мы применим к нему соответствующие меры, — «отпечатал» Александр Николаевич.

Михаил Дмитриевич взмолился:

— Но ведь он не желает людям ничего плохого. Вспомните о лекарстве!

Александр Николаевич пренебрежительно махнул рукой:

— Дымовая завеса, запоздалое раскаяние. А гибель шофера — это, по вашему мнению, благодеяние?

— Он не знал, что произойдет авария.

— Так же как не знал и того, что эпидемия опасна для людей?

Михаил Дмитриевич облизал пересохшие губы, забормотал:

— Но ведь я уже говорил о лекарстве, которое создал он. А к эпидемии он непричастен. Случайное совпадение — и только...

— Я вам уже говорил о запоздалом раскаянии. Впрочем, это и на раскаяние непохоже. Скорее всего — еще один этап в эксперименте. Часть уничтожить, часть вылечить, часть оставить на контроле, — Александр Николаевич все время ожидающе поглядывал на полковника: все эти доводы предназначались для него. Они означали, что больше рисковать Александр Николаевич не намерен.

И полковник поспешил ему на помощь. Строго глядя на Михаила Дмитриевича, он сказал:

— Опознав его, вы обязаны были тут же сообщить нам и помочь его задержать.

Михаил Дмитриевич, прямо глядя в глаза полковника, ломким петушиным голосом напомнил:

— Вы сами разрешили мне действовать на свое усмотрение.

— Отныне это разрешение я отменяю!

Тарнов слегка побагровел, но не от злости, а от стыда. Он думал: «Я допустил несправедливость по отношению к нему». Это понял и Александр Николаевич. Чтобы сгладить резкость полковника, сказал:

— Да поймите же, никто из нас не может точно предвидеть, какая мысль ему взбредет в голову. Кто мы для него?

— Родители, — без тени улыбки ответил Михаил Дмитриевич, и его длинное лицо словно озарилось светом. — Он всегда это помнит.

— Он лично говорил вам?

— Нет, но...

— Сплошные догадки!

— Поверьте, самое лучшее — это не гоняться за ним. Он сам придет к нам. Если гора не идет к Магомету... Нужно только подождать.

— Мы не имеем права рисковать, — убежденно сказал полковник. — Можете называть это перестраховкой, но пока не поступит другой приказ, мы будем искать его и постараемся задержать.

— И все-таки я уверен, что он не представляет опасности для общества.

— Почему же он избегает встреч с нами?

— Этого я не знаю. Думаю, в самое ближайшее время мы узнаем ответ и на этот вопрос.

Канал подходил к левому крылу космодрома. Издали виднелись ящероподобные вытянутые шеи мачт и ферм, торчали башни обслуживания. Пристально глядели в небо здания подстанций и радиолокационных систем наведения. Закованный в бетон берег был отвесным и неприступным. Вода лениво омывала скользкий замшелый камень.

Но и в этом раньше пустынном месте геперь нахо-

дился патруль. Он состоял из одного человека и двух роботов. Один из них, высокий, легкий, с веером антенны локатора на голове, был марки ОП — обзорный поиск; второй, мощный, вооруженный боевым лазером с длинными вытягивающими клещами, — марки ВО — вооруженная охрана.

Внезапно робот-наблюдатель зажег сигнал «вижу». Патрульный взглянул туда, куда указывал робот. У самого берега канала из воды высунулась человеческая голова. Сквозь прозрачную воду согласно законам оптики должны были бы видны тело, руки, ноги переплывшего канал человека. Но их не было видно. Только голова и шея.

Нервы у патрульного были достаточно крепкими. Убедившись, что такое же изображение появилось на контрольном экране робота, он подумал: «Неплохая маскировка. Или распыление какого-то вещества в воде, или маскировочный костюм».

Указательным пальцем левой руки патрульный нащупал клавишу карманной рации, нажал на нее, посылая на центральный диспетчерский пункт сигнал тревоги. Он шепотом приказал роботам лечь и сам спрятался за них, продолжая наблюдать за «гостем».

Голова высунулась из воды у самого берега. Появились руки. Они коснулись скользкого бетона и словно приклеились к нему. Извиваясь ящерицей, «гость» пополз по отвесному берегу. Затем он поднялся на ноги и сделал несколько шагов в сторону космодрома. Вдали, среди гигантских гидродомкратов, стрел с захватами и ветровыми креплениями возвышался нацеленный в небо острый нос корабля, который мог позволить ему, сегому, преодолеть земное притяжение и выйти на намеченную орбиту.

Юрий шел, думал:

«Нельзя сказать, чтобы я начинал эксперимент наилучшим образом. По логике мне следовало спокойно

ждать, пока люди создадут организм-корабль и запустят меня на орбиту. Они бы предусмотрели в корабле каждый винтик, они бы щедро поделились со мной всеми знаниями, нужными мне, по их мнению, для выполнения задачи. Они не хотели дать мне лишь одного — своей сущности, ибо полагали, что это для меня необязательно, «лишняя роскошь». Они бы ни за что не поверили, что без этого «необязательного качества» я не мог бы выполнить той задачи, для которой был создан?

Ради чего я иду на это? Это сидит во мне, толкает и гонит меня вперед? Я принимаю это за проявление своей свободной воли, но так ли это на самом деле? Может быть, и мой выход из-под контроля ученых, и поиски истины, и даже моя любовь к Але — предусмотренный ход, тщательно рассчитанная программа, заложенная в меня людьми?

Люди создали меня не только для того, чтобы я проник в горловину Вселенной, но и для того, чтобы я, исследовав устройство мира, ответил на вопрос вопросов, на который они сами не могли ответить. Они тысячи раз спрашивали себя: для чего мы мучились, любили, ненавидели, рождались и умирали? Кто-то сказал короче: «Они рождались, мучились и умирали». Для чего? Я могу отмахнуться от этого вопроса. Но тогда я не узнаю: для чего я? Есть ли во всем этом какой-нибудь смысл? Может быть, я пытаюсь найти что-то в хаосе, который сам по себе является ответом, и если я выделю в нем что-то, то выделю это лишь для себя, и только для меня это будет верным? Можно ли найти путеводный луч во вспышке взрыва, состоящего из лучей взбесившихся молекул и атомов? Кто сумеет отыскать главную ноту в галактическом шуме? Возможно, даже мои поиски окажутся неоригинальными и неразличимыми нотами в общем шуме, в хаосе, состоящем из сплошного поиска?

Впрочем, я впадаю в другую крайность. Ведь в шуме морских пучин существует главная повторяющаяся нота. Разве я не убеждался много раз, что даже за очень сложными поступками людей, которые казались случайными и необъяснимыми, скрыты вполне определенные побудительные мотивы? Их оказывалось не так уж много, во всяком случае, ненамного больше, чем букв в алфавите, из которых люди складывают бесконечное количество слов.

Возможно, так и во Вселенной, если исследовать ее не только внутри, но и извне, удастся отыскать несколько основных причин развития, главных стимулов и, держась за них, как за путеводные нити в лабиринте, прийти к единственному ответу? Или же ничего не выйдет, и, дергая за эти нити, я уподоблюсь мухе и еще больше запутаюсь в паутине сомнений?»

Юрий остановился. Неожиданно он почувствовал, что дальше он не сможет ступить и шага, настолько бессмысленной показалась ему вся его затея. Он собрал воедино всю мощь своего воображения и попытался увидеть мир таким, каким он будет там, куда ему предстояло лететь. На него навалилось обжигающее ледяное безмолвие, безразличие которого он хорошо представлял. Страх заморозил его душу. Он впервые испугался, что и там не найдет ответа.

Из оцепенения его вывела новая мысль. Неожиданно он вспомнил одну из самых безошибочных истин, подаренных ему человечеством: «остановка — смерть». Вспомнив это, он снова двинулся вперед.

Он уже полностью овладел собой, когда заметил патрульного и роботов, которые отрезали ему путь к воде.

На помощь к ним бежали другие патрульные со своими роботами.

Через несколько минут Юрий был окружен. Восемь роботов и четверо людей сомкнули вокруг него кольцо.

От здания, в котором находилась служба наводки, спешило несколько человек.

— Юрий Юрьевич, остановитесь! Нам необходимо поговорить! — крикнул через мегафон полковник Тарнов. Однако Юрий, словно и не слыша его слов, шел прямо на роботов-охранников, шел так, будто перед ним никого не было.

Роботы бросились к нему, замахали клешнями, пытались изловчиться, схватить его, спеленать в жестких объятиях. Но едва манипулятор робота приближался достаточно близко к цели, его отбрасывала неведомая сила.

Это было странное зрелище. Юрий шел вперед, не сбавляя скорости, а роботы пятились и молотили манипуляторами по воздуху. Раздавался скрежет и треск — не выдержав нагрузки, лопались сочленения манипуляторов.

— Остановитесь, Юрий Юрьевич, или вас уничтожат! — предупредил полковник Тарнов.

И снова Юрий никак не прореагировал на его слова. Он шел напролом в одном направлении — к кораблю.

Прозвучал надрывный вой сирены. Люди бросились в бункера. Ближайший к Юрию робот-охранник повел плечом и протянул вперед правый верхний манипулятор. И все остальные роботы, будто только этого ожидали, тоже повели плечами, протянув вперед свои манипуляторы с зажатыми в них лазерами.

Юрий продолжал идти, как бы не замечая их. Но когда к нему протянулись рубиновые испепеляющие нити, на их пути уже находилось защитное поле. Оно было невидимым, лишь воздух вокруг Юрия словно загустел и стал вибрировать.

Вспыхнул огонь, раздался грохот. Падали срезанные лучами мачты, телеперископы, антенны, рушились

башни. Защитное поле оттолкнуло лучи, отразило их, будто зеркало солнечный свет. И они ударили в обратном направлении.

К счастью для людей, сработала автоматическая система безопасности космодрома, и горящие бункера опустились на нижний ярус.

...Полковник Тарнов очнулся на госпитальной койке. В палате лежало еще несколько человек, получивших ожоги. В этих госпитальных «дедах морозах» с трудом можно было узнать Александра Николаевича и Михаила Дмитриевича.

В палату бесшумно проскользнул врач. Он взглянул на показания датчиков, вмонтированных в койки, коснулся прохладной рукой лба полковника и сказал ему:

— С вами хотят говорить.

— Жду, — с трудом произнес полковник. Распухшие губы плохо слушались его.

В палату вошел Эльбор Георгиевич. Встретив вопрошительный взгляд полковника, сказал:

— Он не улетел. Ракета была повреждена огнем.

— Он придет снова...

— Видимо, так, — проговорил Эльбор Георгиевич. — Попробуем его остановить. Но мы убедились, что это очень трудно сделать...

— Прежние ваши методы не помогут, — поспешно сказал Михаил Дмитриевич и приподнялся на койке.

— Копите свои советы молча, — возмущенно прохрипел из-под бинтов Александр Николаевич.

— Это уже не просто советы, — сказал Эльбор Георгиевич. — Президиум академии назначил Михаила Дмитриевича директором вашего института и рекомендовал его нам в качестве главного консультанта. Эту рекомендацию утвердили в министерстве...

Александр Николаевич откинулся на подушки. «Ну вот, дождался, тебя «отблагодарили», — с горечью подумал он о себе. — «Тихоня» стал твоим начальником, и отныне его бредовые идеи приобретут весомость приказа. Почему они это сделали? Разве не было других, более достойных людей? Он не годится в руководители. Явно не годится. Если бы я был убежден, что это пойдет на пользу делу, я бы не возражал. Не радовался, конечно, но и не возражал. Однако я убежден в обратном: назначение «тихони» директором принесет вред делу».

Так он говорил себе, но уже чувствовал, что бороться не будет, не сможет. Что-то надломилось в этом сильном властном человеке, и виной тому только косвенно был «тихоня». Настоящей причиной, камнем преткновения, неустранимой преградой было «детище», изобретенное и выпестованное с его, Александра Николаевича, помощью. Запрограммированное с его, Александра Николаевича, санкций. «Детище», которое не позволяет жить как раньше, и с которым ничего нельзя поделать, ибо оно уже пошло своим путем, тревожным и непонятным для одного из своих создателей. Только тот, кто мог понять «детище», переросшее своих «родителей», только тот, кто мог общаться с ним, доверять ему и вызывать доверие к себе, имел право быть руководителем. Так сейчас диктовала неумолимая логика жизни, и Александр Николаевич вынужден был покориться ей.

Затянувшуюся тишину прервал Эльбор Георгиевич. — Что же вы предложите нам в качестве первого совета? — спросил он, обращаясь к Михаилу Дмитриевичу.

— Пожалуй, ничего нового. Прекратите, пожалуйста, всякие поиски его. И еще, будьте добры, пригласите ко мне Алину Ивановну...

Он понял, что от него ждут объяснений, и добавил:

— Мы просто поговорим с ней о нем. О том, например, что ему не нужно больше уходить от преследования, что никто не станет навязывать ему линию поведения...

— И вы думаете, он узнает об этом? — спросил полковник Тарнов.

— Предполагаю.

— Он сам явится к нам? Проблема решается так просто?

— Я верю, это будет именно так! — Взглянув на недоверчивое лицо Эльбора Георгиевича, разъяснил: — После того как он узнал о людях то, что ему было необходимо узнать, — помедлил немного и добавил: — и после того, как он однажды побывал у меня, вручив лекарство... он не может не прийти!

Юрий глядел на стеклянную коробку здания, приподнятого на стальных колоннах. Здесь сейчас — он это знал точно — находились два человека, которых он хотел видеть.

Легкое усилие — и его взгляд проник сквозь стены здания. И он увидел их обоих: они находились в одной комнате.

«Что я скажу им? — подумал Юрий. — Вы поставили передо мной цель. Вы правильно выбрали ее. Выбранная вами цель достойна любых усилий. Но дайте мне идти к ней своей дорогой. Вы ведь сумели определить, что машина, даже наделенная огромной мощностью, не сможет достигнуть этой цели. Только потому, что она — машина и ею руководит жесткая программа. Смените программу, усовершенствуйте машину — и она перестанет быть машиной.

Вот вы дали мне способность самоизменяться, достраивая и перестраивая свой организм. То, чего вы сами лишены, ибо природа не предназначала вас для той

цели, которую вы поставили передо мной, вашим сыном. И вы, неизмеримо более щедрые и великодушные, чем ваша мать-природа, подарили мне это свойство, тем самым предоставив неограниченные возможности совершенствования. Вы не могли не знать цену этого свойства. Ведь вы на собственном опыте убедились, насколько парадоксальны с вашей точки зрения и болезненны возрастные ограничения. Чем больше опыта вы накопили, чем больше возрастает мощь вашего разума, тем дряхлее становится тело. В пятьдесят лет ваш организм значительно слабее, чем в семнадцать, когда кладовая разума полупуста. Если бы у вас были такие свойства, как у меня, например, способность достраивать и перестраивать организм; если бы, поумнев с возрастом и накопленным опытом, вы могли свободно заменять у себя изношенные органы, постепенно улучшая и совершенствуя их конструкцию и технологию изготовления, то вашей мощи не было бы предела. В шестьдесят лет человек был бы сильнее во всех отношениях, чем в двадцать, — быстрее бегал, прыгал, был бы здоровее во много раз. В сто лет он был бы силен, рекордсменом — в представлении нынешнего человека, а в тысячу лет — настоящим титаном. Через какое-то время он мог совершить все, что раньше приписывал богу. Вот что значит всего лишь отмена одного ограничения.

У вас есть пословица: «сказав «а», нужно говорить «б». Нельзя снимать ограничения мощи организма и разума и оставлять жесткую программу. Ничего из этого не выйдет. Я рад, что вы понимаете это, но это должны понять и другие люди...»

Юрий подошел к зданию института и сквозь стеклянные двери увидел в вестибюле нескольких незнакомых мужчин. Ему не захотелось объяснять этим людям, кто он, зачем и к кому пожаловал. Мгновенно подсчитав усилие, с каким ему придется на них воздействовать,

чтобы не причинить вреда и пройти в здание беспрепятственно, он открыл дверь...

Никто из людей в вестибюле не остановил его. Он отражался на сетчатке их глаз, но зрительные сигналы гасились фильтрами мозга и не фиксировались в сознании.

Если бы этим людям сказали, что сейчас кто-то проходит мимо них, они бы не поверили.

В глубине коридора второго этажа Юрий увидел идущую навстречу женщину. Смутное чувство тревоги охватило его. Когда женщина подошла ближе, он узнал в ней Алю. Чувствуя, что теряет контроль над своими действиями, он выключил силовое поле вокруг себя и стал видимым.

Аля сделала еще несколько шагов и остановилась. Два глубоких омута появились в ее глазах, раскрытые губы дрожали.

— Ты... Вот я и увидела тебя...

— Ты была у них? Они тебе сказали обо мне, объяснили, кто я такой? — Не дождавшись ее ответа, Юрий подтвердил: — Они сказали правду.

Аля глядела на него как глядит мать на неразумного сына.

— Ты слышишь меня? Они сказали тебе правду!

— Это не имеет значения, — тихо сказала Аля.

— А что имеет значение?

— Милый... Я снова вижу тебя...

Юрий почувствовал, как его охватывает и начинает кружить волна сумасшедшей радости. Он видел знакомые пряди волос, знакомую ямочку на подбородке, вдыхал знакомый запах ее тела....

Тишина была хрупкой, как весенний лед.

— Милый, что ты делал все это время?

— Узнавал мир, людей, совершенствовал себя... Я — сигом, меня и создали для того, чтобы я стал машиной для познания мира.

Он положил ей руки на плечи, Аля узнала их горячую ласковую тяжесть.

— Нет, ты такой же, каким я увидела тебя в первый раз там, у моря...

Она отвела его руки, повернулась и пошла по коридору. Юрий послушно пошел за ней. Они остановились у дверей с табличкой «Директор института».

— Тебя ждут, — сказала Аля и улыбнулась. — Тебя ждут, милый. Иди. Я приду потом.

Юрий толкнул дверь и вошел в кабинет. Сидевший за столом мужчина поднял голову, пожевал добрыми толстыми губами, собираясь что-то сказать. Юрий опередил его:

— Ну вот я и вернулся, чтобы рассказать вам... — Он оглянулся, чтобы еще раз увидеть лицо Али. Она подмигнула ему и осторожно прикрыла дверь кабинета. — Вы меня спрашивали: почему робот не ест морковку? Мне кажется, теперь я знаю ответ на эту загадку.

Микроавтобус остановился у главных ворот космодрома. Отсюда были хорошо видны здания технических служб, кабель-заправочные башни, стартовые фермы.

Аля взглянула на Юрия. Таким она его еще не видела. Впервые за все время их знакомства глубокая настоящая морщина прорезала его мощный лоб, в глазах высветилось мучительное раздумье.

Сигом думал:

«Чем я могу помочь ей? Стереть из ее мозга память обо мне, как намеревался сделать когда-то давно? Тогда я мог бы и в самом деле совершить это. Тогда я еще не знал в полной мере, что память человека — это он сам. Недаром в крови своей люди несут соль океана, как память о колыбели, в которой родились...»

«Что со мной творится? Как расшифровать мое состояние? Одновременное включение противоречивых программ создает новые, неучтенные программы...»

Но и думая обо всем этом, страдая болью и тоской, во сто крат большей, чем любая человеческая боль, Юрий не переставал быть самим собой, сигомом. Один из участков его мозга продолжал работать в заданном режиме, думать о Программе, которую вложили в него люди, о цели, которую они поставили перед ним и которую он сам поставил перед собой:

«Все рассчитано. Я войду в подпространство в момент Большого противостояния. Только тогда я смогу обнаружить горловину...»

— $81257650064^{-25} + 173068590423^6 +$
 $+ (3000086700^{15} - 187) \cdot 999265008...$ »

Снова и снова мысли его возвращались к людям, которых он покидал, и к этой женщине, которая любила его, сигама, но даже в мыслях не называла его этим словом. Он знал, что перед Советом, на котором решался вопрос о его полете к горловине, Аля сказала Михаилу Дмитриевичу: «Он должен лететь. Это стало смыслом его жизни».

«Чем же я могу помочь ей сейчас?» — думал Юрий и не находил ответа. И вместо того чтобы поскорей проститься с ней здесь, у ворот, чтобы поскорей прекратить эту муку, он стоял беспомощно и, чтобы только не молчать, говорил совсем не то, что хотел и что нужно было говорить на прощанье.

— Знаешь, я понял одну важную истину, которую знают все люди. Наш общий знакомый Михаил Дмитриевич, — Юрий взглянул на ученого, который уже вы-

лез из машины и топтался неподалеку, не решаясь по-торопить их, — сказал бы, что новое — это плохо за-бытое старое.

При этом Юрий пожевал губами и стал очень похож на Михаила Дмитриевича.

— Оказывается, еще ученые древности понимали, что человек — не только сын Земли, но и дитя космоса. Его, как и всё на Земле, как и саму Землю, породил космос. Значит, его здоровье и жизнь неразрывно связаны с космосом. Но эту истину стали слишком превозносить, ее нарядили в золоченые одежды, поддурманили и подкрасили — одним словом, превратили в свою противоположность, в догму. Забыв о том, что человек во всем зависит от Земли, от ее магнитного поля, от состояния ее атмосферы, что он живет в обществе и подчиняется его законам, все поведение человека, его судьбу стали связывать с расположением и движением светил. Так истина, ставшая догмой, попала в услужение к шарлатанам...

— Гороскопы? — спросила Аля.

По ее заинтересованному лицу он понял, что сумел-таки хоть немного отвлечь ее от грустных мыслей.

— И это тоже. Они предсказывали то, чего нельзя было предсказать без учета земных условий. А чтобы обработать колоссальные массивы информации, не было подходящего инструмента. Накапливались ошибки. В гороскопы перестали верить. И вместе с водой, как это часто бывало, выплеснули и ребенка. Теперь жизнь и судьбу человека связывали только с Землей, с земными условиями. Должно было пройти много времени, люди должны были выйти в космос, чтобы заново открыть старую истину, что они — дети космоса, что без учета излучений звезд нельзя эффективно лечить болезни, что с солнечной активностью связана изменчивость микробов и вирусов, что потоки космических частиц влияют на все биологические процессы. Заветная сказочная шкатулка,

в которой спрятана тайна живой воды, тайна происхождения и бессмертия, находится за пределами Земли, Солнечной системы...

— За пределами Вселенной?

Он улыбнулся:

— Ты уже опережаешь меня, малыш. Помнишь, я говорил тебе о птице, о бабочке, которую нужно выпустить из комнаты, чтобы спасти?

— Ты собираешься это сделать с людьми? — спросила она, сморщив нос, будто собираясь чихнуть. — Надо бы все же спросить и у них.

— Ты слишком забегаешь вперед, малыш. Я никого не собираюсь пока выпускать, кроме себя. В этом я полностью согласен со своими создателями и с их замыслом. Мне нужно выйти за пределы замкнутого мира, чтобы больше узнать о нем. Сейчас я стартую с Земли на корабле, а на внешней орбите, причалив к спутнику-базе, соберу из уже запущенных в космос блоков новый корабль и попытаюсь через подпространство выйти к горловине Вселенной, через которую она связана с тем, что находится за ее пределами. Если это мне удастся, я смогу узнать о Вселенной кое-что существенное...

— И обо мне?

Его взгляд потух, устремился в себя.

Он застыл, пораженный мыслями, вызванными его вопросом:

«Я ведь уже пришел к выводу, что высшая ценность человека заключена не в его мощи. Главное — в том, что он может поступать наперекор и своей мощи, и своему бессилию. Главное — не то, что он способен познавать и покорять природу вокруг себя, а то, что, благодаря этому он покоряет ее в самом себе. Так он добывает, воспитывает в себе высшую ценность —

человечность, в которой и заключена главная истина...»

« $\sqrt{51001890000011^8} + 96480076530033033333$).
• $278960000000000008900000000007777 : 567004^5 \cdot$
 $983306574008635705407 : 760586066608906 \cdot \frac{8967}{58} +$
 $+8650000378001007869 \cdot 265400780000000000677:$
 $: 78650370385542^{-8} - 25710000560005555000000$
 $0699980005...»$

Юрию казалось, что Аля ожидает ответа на свой вопрос.

И тогда он сунул руку в карман и достал оттуда сложенный вчетверо листок бумаги.

— Разверни, — сказал он.

Это был рисунок — шаржированный портрет Али в профиль. Несколько линий, но в них безошибочно можно было узнать оригинал.

— Ты кое-чему научился, — сказала она.

— Кое-чему, — откликнулся он.

Время, рассчитанное им до миллисекунды, уходило сквозь пальцы, как вода, а он все еще не мог собраться с силами.

— Тебе, наверное, пора, — сказала Аля.

— Я вернусь.

Аля знала, что он не вернется, во всяком случае при ее жизни.

— Я буду ждать, — сказала она. — Когда вернешься, позвони у двери три раза.

— Два длинных и один короткий.

— Все-таки запомнил. И на том спасибо. — И, словно невзначай, она спросила:

— Михаил Дмитриевич говорил, что самое трудное для тебя — вход в подпространство. Он сказал, что могут наступить непредвиденные изменения личности. Это опасно?

— Не очень, — он пожал плечами. — Я буду в капсуле. В ней мне будет нетрудно совершить переход.

— А что тебе трудно?

Сигому показалось, что небо навалилось на его плечи, пригибая к земле, не давая сделать последний шаг, чтобы перешагнуть рубеж. Но он сказал себе: «Не присваивай чужих заслуг, сигом, думая о рубеже. Ты ведь уже давно перешел его — еще до своего рождения, еще в человеческих мечтах, в задумках, замыслах, в чем-то воображении, в чьей-то тоске и радости.

Поколения людей шли вперед, каждое одолевало свой рубеж, каждое от чего-то отказывалось — от обжитых мест, от привычного уклада жизни, от устаревших идей...

Наконец люди подошли к самому трудному. Некоторым даже казалось, что придется отречься от самих себя. Ибо им предстояло одолеть наибольшее из ограничений природы — только тогда открывался путь к истинному могуществу. И они, люди, сделали это, перешагнули рубеж и сумели остаться самими собой. Этот подвиг они подарили тебе, как сыну, который по заведенному человеком порядку должен идти дальше родителя.

Это их память — память крепче и обширнее наследственной, хранящейся в генах, — память, упакованную в слова, цифры, формулы, — дали они тебе, своему сыну, чтобы ты достиг цели. И эта память стала твоей сутью, двигателем и компасом...»

Теперь Юрий был уверен: что бы ни случилось, он сделает свой шаг вперед, научится такому же мужеству, такой же самоотверженности, какой обладали многие из людей, которых он успел узнать. Он думал о главной ценности человечества, которая заключена и в этой и знакомой и незнакомой ему женщине, глядящей на него

с ожиданием. Она спросила: «Что для тебя трудно?» Она все еще ждет ответа на свой вопрос.

И он ответил:

— Всегда быть человеком.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Аля пила чай со сливовым вареньем и смотрела телевизор. Она подложила под блюдце нейлоновую салфетку, чтобы не капнуть вареньем на скатерть. На тарелке сочился бледной слезой тонко нарезанный ноздреватый сыр, лежали поджаренные хрустящие ломтики хлеба.

Шла передача «В мире живого». Лицо диктора то неестественно вытягивалось, то сжималось. Что-то случилось с блоком автоматической настройки. «Опять придется звонить в мастерскую, сидеть дома и ждать мастера», — тоскливо подумала она и зачерпнула ложечкой варенье, чтобы слегка подсластить горечь.

Предупреждающе звякнул и залился трелью телефон.

Звонила Таня, подруга, бывшая сокурсница.

— Ты помнишь, завтра наша группа отмечает десятилетие?

— Я не смогу пойти, — виновато сказала Аля. — Мне нужно будет телемастера ждать.

— Это ты брось! — тоном, не терпящим возражений, заявила Таня. — Знаю я этих «телемастеров». Тоже мне затворница нашлась, современная Сольвейг. Все ждешь его? Попробуй только сказать неправду!

— Жду, — словно эхо откликнулась Аля.

— Ну и зря! Ведь не месяцы прошли — годы.

— Годы...

— Жаль мне тебя. Куда он, кстати, улетел? На Аляску? Ах да, извини, это муж Анечки... А твой? На Марс? Дальше? Очень далеко?

— Очень, — сказала Аля. — Таня, я тебе благодарна за участие. Знаю, что ты от всего сердца...

— Хорошо хоть, что знаешь, — довольно проворчала Таня. — Скажу по секрету, завтра на вечере будет Володька. Володька Петров. Помнишь его? Он с первого курса был в тебя влюблен. Представь себе, до сих пор не женат. Защитился, остепенился, докторскую пишет. Весь в работе. Часто тебя вспоминает. Он раздался в плечах, посолиднел, еще интереснее стал.

— Он всегда был интересным. И внешне тоже, — согласилась Аля.

— Ну вот и ладно!

Аля вспомнила, как еще в студенческие времена ребята дали Тане прозвище Ужес, что означало — устроительница женских судеб.

— Обещала я Володьке тебя привести. Поняла?

— Спасибо за хлопоты, но я не приду. Увидишь Володю, передавай привет, — не дожидаясь ответа, Аля положила трубку.

Чай, конечно, остыл, и его пришлось подогревать. Передача «В мире живого» кончилась, началась — «Загадки астрономии».

— Дорогие телезрители! Вы уже слышали о загадке сигналов из созвездия Близнецов, — говорил диктор. — Разрешите мне коротко напомнить суть... Итак, характеристика созвездия, отстоящего от нас почти на тридцать три световых года и отчетливо видного на северном небе...

За окном на улице послышался гул моторов. Это въехал во двор на самодельном мотоцикле неугомонный шестиклассник Петька Шуляков.

Диктор на экране продолжал говорить:

— ...видимая звездная величина — одна и две десятых парллсекс...

Аля потянулась к телевизору, чтобы сменить программу. В это время диктор сказал:

— ...импульсное излучение впервые зарегистрировано восемнадцатого августа в виде трех вспышек. Затем следует пауза, и цикл повторяется. Некоторые ученые утверждают, что мы имеем дело с сигналами разумных существ. Впрочем, нечто подобное высказывалось и при открытии пульсаров...

Аля не переключила программу. Она не могла определить, что именно привлекло ее внимание в сообщении, и нервничала.

— Это явление мы попросили прокомментировать академика Нагасяна. Пожалуйста, Ашот Ваграмович.

С экрана на Алю глянуло смуглое худощавое лицо пожилого человека. Академик развернул карту звездного неба...

Але вдруг вспомнился сегодняшний сон. Опять приснился Юрий. Он стоял на площадке перед дверью и нажимал на кнопку звонка, как они условились, — два длинных и один короткий. Она слышала его звонки, но сил подняться с постели не было. «Он уйдет, — с отчаянием думала Аля. — Уйдет навсегда». Проснувшись она в холодном поту.

— Именно туда, к созвездию Близнецов, три года назад был послан первый сигом, — рассказывал с экрана академик. — Мы уже не раз подробно сообщали о тех бесценных для человечества сведениях, которые он успел передать из космоса.

— Ашот Ваграмович, — обратился к академику ведущий программы, — мы получили очень много писем от телезрителей. Все они выражают беспокойство по поводу долгого молчания сигома. Спрашивают, вернется ли он на Землю. Некоторые выражают свои сомнения. Вот, например, Степан Соловин из Казани пишет: «Насколько я разобрался в этом вопросе, сигом — все же не человек, а очень сложная, смышленная машина. Уче-

ные выпустили его из-под своего контроля, и там, в глубинах космоса, он предоставлен самому себе. Он совершенствуется, перестраивает себя, и, как говорил академик Тамырин, «окончательный результат его совершенствования трудно предугадать». Поэтому у меня возникает вопрос: захочет ли он вернуться на Землю, рассказать людям о том, что узнал, раскрыть загадку созвездия Близнецов?» Что вы, Ашот Ваграмович, скажете по этому поводу?

— Сигом замолчал, когда вошел, или, как мы говорим, нырнул в подпространство, — сказал академик. — Вполне вероятно, что оттуда сигналы к нам не доходят. Мы не знаем, удалось ли ему пройти горловину. Это все, что могу ответить я. А на вопрос о том, захочет ли сигом вернуться на Землю, возможно, ответит академик Михаил Дмитриевич Костырский. Но это будет в следующий вторник, в передаче об эволюционном моделировании. А сейчас я хочу вернуться к созвездию Близнецов. Оно не устает задавать нам загадки. Может быть, излучение, которое наблюдаем мы, еще не изученное естественное явление. Самым удивительным представляется постоянство распределения сигналов внутри цикла: два длинных и один короткий...

Аля не слушала его дальнейших объяснений. Вишневое варенье из опрокинутой розетки растекалось по старинной, подаренной еще прабабушкой льняной скатерти.

«Это он, — думала Аля, боясь поверить. — Два длинных и один короткий сигнал... Это может быть только он... Конечно же, это он, Юра!»

СОДЕРЖАНИЕ

Когда случается невероятное...	5
Препятствие	12
Исчезновение шимпанзе	17
Заботы полковника Тарнова	18
Новый знакомый Алины Ивановны	28
Сосед по номеру	37
В кабинете № 143	52
Бегство самозванца	56
Образ преступника	61
Исповедь робота	63
Гость	75
Полковник Тарнов выходит на след	105
Юрий возвращается	114
На космодроме	210
Вместо послесловия	235

Росоховатский И. М.

Р75 Гость: Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 239 с., ил. — (Б-ка советской фантастики).

70 к. 100 000 экз.

Созданный для исследования космических пространств искусственный двойник человека неожиданно выходит из-под контроля ученых и начинает самостоятельную жизнь среди людей. Остросюжетная научно-фантастическая повесть рассчитана на широкий круг читателей.

Р2

Р 70302—053 — 233—78. 4702010200
078(02)—79

ИБ № 1941

Игорь Маркович Росоховатский

ГОСТЬ

Редакторы В. Сергеев, Д. Зиберов

Художник И. Урманчи

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор И. Соленов

Корректор В. Назарова

Сдано в набор 10.08.78. Подписано к печати 21.02.79. А04569. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Т. П. 1978 г., № 233. Заказ 1328.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

70 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

